

ЛАРИСА
ПЕТРОВИЧЕВА

(НЕ)НУЖНАЯ
ИСТИННАЯ
или ХОЗЯЙКА
БОЕВОЙ АКАДЕМИИ

Annotation

Потеряв близких в будущем, я вернулась в прошлое. Чтобы спасти семью и все королевство, я должна быть как можно дальше от своего будущего мужа. Провинциальная академия сойдет, к тому же там нужна повариха. Вот только почему ректор видит во мне свою истинную, когда я была ею для другого, жестокого и неверного?

Книга написана в рамках литмоба "Попаданка в прошлое: измени свою жизнь"

Что говорят герои:

Домовые:

- Мы котики, мы готовим рыбов. Вам придется их полюбить.

Завхоз:

- Не смей называть Устав книжкой!

Преподаватель:

- Главная цель зельевара - приворотные зелья.

Проректор:

- У меня есть скелет динозавра, он кашляет, когда вы врете.

-
- [\(Не\)нужная истинная, или Хозяйка боевой академии](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
-

**(Не)нужная истинная, или Хозяйка
боевой академии
Лариса Петровна**

Глава 1

– Я могу приготовить все, что угодно. В любой ситуации.

Никогда не думала, что мне придется стряпать в одном из коридоров академии боевой магии, напротив ректората. Но проректор, строгая дама в темно-синей мантии и белоснежными волосами, уложенными в сложную прическу, поинтересовалась, кто это я такая и что здесь делаю.

Пришлось показывать.

– Например, голубцы, – продолжала я.

Академия боевой магии Дандевар располагалась на окраине королевства. Глушь. Именно то, что нужно, если ты решила спрятаться от своего прошлого и будущего.

В таких медвежьих углах все по-простому. Подъезжая к замку в трясущемся экипаже, я заметила множество грядок неподалеку. Студенты согнулись на них буквой “зю”, отрабатывая практику и собирая урожай. И капуста там тоже была.

Легкое движение пальцев – и прекрасный кочанчик уже летит в замок, по пути рассыпаясь на листья, щедро омываемые чарами. Вот они уже кружатся рядом с нами, и заклинание проваривает их, делая мягкими и нежными.

– Лук и морковь тоже нужны, – продолжала я, выгоняя овощи из земли и очищая их быстрыми прищелкиваниями пальцев.

Рядом с ректоратом уже собирался народ. Студенты, которые приехали в замок за несколько дней до начала учебного года, преподаватели... Прибежали практиканты, удивленные тем, что овощи выпрыгнули из грядок у них на глазах и задали деру.

– Ах, да! Самое главное: рис и фарш, – с улыбкой сказала я. – Надеюсь, у вас они тут есть?

Проректор смотрела по-прежнему строго, но в ее взгляде светился нескрываемый интерес. Студенты, простые деревенские парни с громадными кулачищами, замерли с разинутыми ртами. Из таких парней, кстати, выходят неплохие боевые маги: они знают толк в хорошей драке.

– Есть! – продолжала я, вытягивая рис и фарш из закромов академии и сваривая их чарами на лету. – И немного томата...

Конечно, это позор. Магия нужна не для того, чтобы показывать такие вот глупые фокусы. Но я должна спрятаться в этой глуши, за стенами этого замка, чтобы сохранить мою семью. Я не могу допустить, чтобы с ними случилась беда.

Я, в конце концов, дорожу своей семьей. Пусть они и не стали защищать меня, когда я так нуждалась в помощи.

– А теперь свернем эту красоту в конвертики, – я говорила с такими медовыми интонациями, что самой захотелось есть. – И еще немного чар! Прошу, голубцы готовы.

Из столовой уже летели тарелки, вилки и ножи. Голубцы плавно опустились на фарфор и тарелки скользнули по воздуху к преподавателям: нежные, сочные, ароматные, они так и вопили – съешь меня!

Один из преподавателей, молодой и темноволосый, расплылся в улыбке и посмотрел на меня с нескрываемым интересом. Не как на поваришу – как на женщину. Проректор улыбнулась.

– Да, нам действительно нужна повариха... – начала было она и я быстро добавила:

– Конечно, я умею работать и в обычных условиях. Без чар.

– Замечательно! – теперь проректор не казалась такой сухой и холодной, как сначала. – Наш ректор, господин Мартин Грюнвальд... а вот, кстати, и...

Я обернулась, и голубец, который парил передо мной, вдруг сорвался с блюда и смачно впечатался в грудь мужчины, который бесшумно возник за спиной. Растекся по белоснежному сюртуку, плюхнулся на пол.

– А вот, кстати, и он, – глухо промолвила проректор, и над головой Грюнвальда расцвел огненный лепесток.

Ректор Дандевара оказался драконом. И этот дракон был в ярости. Как и тот, от которого я сейчас пыталась спастись.

– П-простите, – от испуга я даже заикаться начала. – П-простите, пожалуйста, я нечаянно...

Торопливо стряхнула остатки голубца с сюртука, и дракон тотчас же отстранил меня резким движением.

– Вы откуда взялись с этой дрянью? – процедил он ледяным тоном. Я поспешно бросила заклинание, которое вернуло сюртуку его первоначальный роскошный вид, и представилась:

– Меня зовут Эмма. Эмма Аутенберг. Я узнала, что в вашей академии требуется повариха... ну и приехала, и вот такая получилась демонстрация...

К язычку огня присоединились еще три. Кажется, мне надо хватать саквояж со скудными пожитками и удирать со всех ног.

– Голубец, кстати, во! – сообщил темноволосый преподаватель и показал большой палец. Ректор одарил его таким взглядом, что молодой человек счел за лучшее отступить в сторонку.

Он был красив, кстати говоря, этот Мартин Грюнвальд. Высокого роста, с длинными светлыми волосами с легкой волной, внимательным взглядом синих глаз и идеальными чертами лица, ректор был бы отличной моделью для портрета какого-нибудь рыцаря, защитника слабых и угнетенных.

Я невольно засмотрелась на него и, поняв это, тотчас же дала себе мысленную оплеуху. Хватит. В моей жизни уже был такой красавец-дракон, и все кончилось очень плохо.

Вернее, могло бы кончиться. Но у меня появился шанс.

Некоторое время ректор пристально меня рассматривал, и в коридоре, кажется, собиралась гроза. Но бури не случилось; Мартин Грюнвальд кивнул и приказал:

– Следуйте за мной.

Я прошла за ним в ректорат, не чувствуя ни ног, ни пола. Миновав просторную приемную с секретаршей за столом, которая разбирала письма, Грюнвальд проследовал в свой кабинет. Там, закрыв за мной дверь, он опустил в кресло и, взяв со стола желтую папку с бумагами, сказал, не глядя на меня:

– Майя...

– Эмма, с вашего позволения, – поправила я. Ректор нахмурился, быстро поставил подпись на одном из листков и поднял на меня взгляд.

Огни над головой еще не пропали. Плохо, очень плохо.

– Да, Эмма, извините. Кто учил вас боевым чарам?

Все понятно. Он видит меня насквозь.

Боевую магию можно спрятать. Замаскировать до поры до времени, чтобы никто не задавал лишних вопросов. Но в этой провинциальной академии сидят не такие дураки, как я рассчитывала. Провинциальные олухи? О нет...

– Фердинанд Доу, – едва слышно откликнулась я.

Грюнвальд кивнул.

– Да. Я очень удивился, увидев в вас оттиски его чар. Даже сперва подумал, что мерещится. И что же вас сюда привело... с таким дурацким представлением?

Я выдохнула. Сжала и разжала кулаки.

Он ведь не выгонит меня, правда? Мне ведь тогда некуда будет пойти, негде будет спастись.

– Мне нужна ваша помощь, господин Грюнвальд, – глухо промолвила я. – Спасите меня. Спасите наш мир.

Грюнвальд вопросительно поднял бровь. Посмотрел на меня оценивающе, как мясник на овечку, которую нужно забить.

Но огни над его головой становились все меньше. Хороший знак.

– Пафосно звучит. Но ладно, рассказывайте, – разрешил он.

– Аутенберги небогатая, но одаренная семья, – начала я. – У нас особая магия: мы мы сами создаем заклинания, а не просто пользуемся теми, какие уже есть. Это заинтересовало господина Норберта Брикенхофа. Он дракон и... сказал, что чувствует во мне свою истинную.

Пришли воспоминания, отчаянные и горькие. Вот Норберт, такой счастливый, такой красивый, входит в гостиную и просит у отца моей руки.

Называет меня истинной парой. Женщиной, которую для него создали небеса. И я смотрю на него и не знаю, смогу ли вынести такое счастье.

Господи, какая же я была дура.

Грюнвальд кивнул, призывая продолжать.

– Мы поженились, стали жить вместе, и я очень быстро поняла, что он солгал, – продолжала я. – Да, я была его истинной, но... это не мешало ему класть в постель других женщин. А меня и мой дар он

использовал, чтобы подниматься все выше. Я создавала для него новые заклинания. Боевые. Опасные.

Каждое слово было похоже на каплю яда, вытекало из души, причиняя боль. Но я должна была рассказать все, без утайки.

– Вы не пробовали развестись? Это позволено в особых случаях, – поинтересовался Грюнвальд. – Или сбежать?

В его голосе за холодом появилось нечто, похожее на сочувствие. Впрочем, это мне, наверно, показалось. Очень уж я была взволнована.

– Пробовала. Отец вернул меня к мужу и сказал, что я не должна позорить семью Аутенберг. Потом Норберт сказал, что даст мне развод, если я создам особое боевое заклинание. Обещал отпустить меня, и я согласилась...

Голос иссяк, слова скомкались в горле. Перед глазами замелькали картинки: вот Норберт начинает войну за корону, вот города рассыпаются, как игрушечные, вот мой дом, от которого остался только пепел... Ректор терпеливо смотрел на меня, не торопя с продолжением рассказа, и вдруг почудилось, что он видит то же, что и я.

Заглядывает вместе со мной в то будущее, которое не должно случиться.

– Норберту нужна была власть. По материнской линии он в родне с королем Эрихом, и ему захотелось взять то, что он считал своим, – продолжала я. – Он взял, да. Он получил такую желанную корону и тысячи погибли из-за этого. Моя семья погибла тоже.

Мартин молчал, сосредоточенно глядя на меня. Но не обвинял меня в том, что я безумна.

– Тогда... я решила все переиграть. Создала заклинание, которое смогло отправить меня в прошлое, за несколько дней до того, как Норберт пришел и сделал мне предложение. Послушайте, господин Грюнвальд... мне нужна ваша помощь.

Мартин рассматривал меня, и я чувствовала его взгляд, как осторожное прикосновение к волосам. Сейчас он перебирал остаточные нити магии в моей ауре и видел, что я не лгу и не безумна.

Я вернулась в свое прошлое, чтобы исправить будущее.

– Работа в академии это магический контракт, – продолжала я. – Его нельзя расторгнуть до истечения сроков. Подпишите со мной

пожизненный контракт, господин ректор. Я буду поварихой в Дандеваре, и Норберт не сможет забрать меня отсюда. Никогда.

Грюнвальд вдруг усмехнулся так, словно эта авантюра пришлась ему по душе. На мгновение он предстал не куском льда в идеально пошитом сюртуке, а веселым разбойником и искателем приключений.

– У вас есть сестры? – поинтересовался он. – Господин Брикенхорф может жениться на одной из них.

– Грета уже замужем, и у нее трое детей, – ответила я. – Больше сестер нет, только брат.

Вспомнилось, как Фред улыбался в церкви, когда Норберт вел меня к алтарю – и как потом я нашла его тело в развалинах нашего дома... Нет, этого никогда не случится. Я все исправлю.

Я уже исправляю.

– Хорошо, – кивнул ректор. – В конце концов, нам здесь и правда нужна повариха. Мы подпишем с вами пожизненный контракт.

Я вздохнула с облегчением. С плеч настоящая гора свалилась.

– Кстати, я терпеть не могу голубцы, – признался Мартин. – Сможете приготовить на ужин что-то другое? И пожалуйста, более традиционным способом.

Через полчаса документы были оформлены, и я стала нанятой сотрудницей академии. На мгновение замок показался мне тюрьмой, из которой я никогда не выйду, но я быстро сбросила гнетущее ощущение.

Ну и пусть не выйду. Зато с моей семьей все будет в порядке. Зато мир устоит и не рухнет в пекло войны.

Комнаты сотрудников располагались в Грозовой башне: темной, неуютной, с маленькими окнами. Когда слуга проводил меня к нужной двери, то я невольно выдохнула:

– И правда, как в тюрьме.

– Ничего, живем! – заулыбался парень. Судя по татуированным перстням на его пальцах, он успел повидать настоящую тюрьму. – Вот, смотри-ка!

Он похлопал в ладоши, и по стенам побежали золотые огоньки. Вскоре все озарило теплым золотистым светом, и башня невольно

сделалась уютной и почти праздничной. В родительском доме такую иллюминацию устраивали на Занбаран, праздник сбора урожая.

– Меня, кстати, Джек зовут, – сообщил слуга. – Если что-то починить, ну или там перетащить, то это ко мне.

Я улыбнулась в ответ. В целом Джек, долговязый, белобрысый и веселый, производил приятное впечатление.

– Откуда перстни? – спросила я. Джек посерьезнел и ответил:

– Папаша набил, – он повернул руки, и под линиями татуировок вспыхнули зеленоватые полосы. – Удерживает магию. Не хотелось ему, чтобы я колдовал. Мужичку надо землю пахать, а не чары накладывать. Теперь если только пальцы отрезать.

– Не надо, – испугалась я. К Джеку вернулось его улыбчивое настроение и он ответил:

– Незачем. Я и так среди волшебства, чего еще желать.

На том мы и расстались.

Комната оказалась маленькой, в два раза меньше той, что была у меня в родительском доме, но неожиданно уютной. На полу лежал пушистый ковер, на одной из стен, обитых золотистой тканью, красовалась картина, замок Дандевар весной, а спинка кровати и створки шкафа были украшены перламутровым рисунком. Все здесь было очень светлым и каким-то карамельным, я даже почувствовала конфетный запах.

На кровати уже лежала поварская форма: белоснежная рубашка и штаны. Я отправила в них заклинание чистоты, которое растворяет все брызги и капли, и стала переодеваться.

Кухня располагалась в соседней башне, и по пути я представляла себе все возможные ужасы: старые печи, грязные плиты, сковородки, которым не меньше тысячи лет. Но оказалось, все было не так страшно.

В кухне был сделан свежий ремонт, стены сверкали белизной, а с мраморных плит пола можно было есть и не бояться за желудок. Новенькие сковородки и противни так и звали: возьми нас! Приготовь что-нибудь вкусненькое!

Но коты впечатлили меня больше всего. Крупные, упитанные, с довольными круглыми физиономиями, они бесшумно передвигались по кухне на задних лапах и были одеты в такие же белые костюмы, как я.

Коты-повара?

– Эй, смотрите! – человеческим голосом воскликнул один из них, рыжий, с прижатыми ушами. – Главная!

Коты обернулись ко мне и замерли. Я улыбнулась, помахала рукой.

– Всем добрый день! А вы здесь работаете? Говорят, у котиков лапки, поэтому они ничего не делают.

Рыжий кот даже присвистнул.

– Глянь-ка, народ, к нам с уважением, на “вы”! Работаем, милая дама, мы здешние домовые. Крутимся вот потихоньку, хлебы на ужин уже выпекли. Хотели картошку-толкун сделать да колбасок пожарить, но там ректор приехал, ему надо что-то поинтереснее.

Я прошла к одному из самых больших столов. Да, кухня хороша! Сколько кулинарных шедевров здесь можно сотворить! У меня даже ладони зачесались поскорее взяться за дело.

Пусть ректор Мартин Грюнвальд не пожалеет, что нанял меня.

– Как тебя зовут? – спросила я. Кот приосанился и с важным видом сообщил:

– Звать меня Виг, полностью Вигвард. Это Вигмар, это Виггард, это Вигбар...

Одним словом, имена всех домовых начинались на “Виг”. Услышав свое имя, коты кланялись, а я всеми силами пыталась запомнить, кто есть кто.

– Покажи мне кладовые, Вигвард, – сказала я. – Хочется сегодня устроить пир.

Кладовые замка ломились от запасов. Крупы были закуплены оптом в компании “Пелле и сыновья”, где закупался и мой отец. А вот мясо, рыбу, ветчину и сыры явно привозили родители студентов: каждый сверток, каждую упаковку украшали маленькие круглые печати с именами поставщиков, которые я никогда не слышала. Вигвард провел меня дальше, в винный погреб, и, указывая на ряды бутылок, произнес:

– Это вот любимое ректорское винцо. Дракон-то живет не как простой человек, ему особенное подавай.

“Душа виверны”, знакомо. Норберт обожал этот сорт. Вернее, сначала он старательно делал вид, что в рот спиртного не берет, и только после свадьбы я узнала, как он способен напиваться.

Надо будет написать королю. Рассказать о том, что замышляет дальний родственничек.

Я нагнулась к нижней полке, чтобы взять бутылку “Золотого крыла”: любила готовить рыбу с белым вином, оно придавало ей пикантный вкус. Ректору обязательно понравится треска по моему особому рецепту. Неожиданно на мои бедра опустились сильные мужские руки и незнакомый голос произнес:

– Я всегда говорил, белый цвет тебе к лицу.

Я резко выпрямилась, стукнувшись головой о полку, развернулась и залепила пощечину нахалу, рыкнув:

– Лицо с другой стороны!

Мужчина отшатнулся в сторону и, прижимая ладонь к пострадавшей щеке, обиженно произнес:

– Бекка, ты что?

– Глаза разуй! – рыкнула я еще резче. – Какая я тебе Бекка?

Обычно я так не говорила и пощечины не раздавала. Обычно я вела себя так, как полагается благовоспитанной барышне из приличной семьи. Но сейчас мной овладел гнев, и я дала волю чувствам.

Тело до сих пор чувствовало прикосновение чужих ладоней. И в первый миг я подумала, что это Норберт. Что он нашел меня, и я никуда больше не убегу.

– Ох... – выдохнул мужчина. Он всмотрелся в мое лицо и со вздохом произнес: – Вы новая повариха, да? А я принял вас за Бекку, служанку. Попросил ее принести вина, а она куда-то запропала. Простите меня, пожалуйста, я страшно виноват.

Высокий и стройный, с волнистыми рыжевато-золотыми волосами чуть ниже плеч и светлокожим обаятельным лицом, одетый в очень приличный по меркам провинции костюм, он выглядел невинным и неопасным. Приятную внешность портили только торчащие уши, намекавшие на примесь эльфийской крови. Все, кому не повезло с ушами, выскивали в родне мифических эльфов.

– Вы кто такой? – прошипела я. Но незнакомец выглядел таким безопасным, настолько искренним, что моя злость стала отступать.

Это не Норберт. Хвала Небесам, его здесь нет.

– Джеррит Шульц, к вашим услугам, – поклонился незнакомец. – Дом Шульцев, малая ветвь.

Я нахмурилась. Да уж, это я должна сейчас просить у него прощения. Не каждый день даешь пощечину одному из принцев.

– Насколько малая? – уточнила я. Джеррит ослепительно улыбнулся.

– Никогда даже близко не подойду к трону. Нашалил, отправлен сюда. Преподаю зельеварение.

Еще и преподаватель. Надо же.

– И как именно нашалили? – поинтересовалась я. Забрала еще одну бутылку “Золотого крыла” и пошла к выходу из кладовой. Джеррит потянулся за мной.

– На одном из балов подмешал веселинку в шипучее. Все стали петь самые грязные песенки, какие только знали. Даже его величество король.

– Веселый вы человек, как я вижу, – сухо сказала я.

Когда мы вышли на кухню, я похлопала в ладоши, привлекая внимание котов, и сообщила:

– Сегодня мы с вами будем готовить рыбу по-фланарски! Рецепт знаете?

Коты посмотрели на меня с определенным испугом. Джеррит пощелкал пальцами и сказал:

– Я знаю.

– А вы вообще идите отсюда, господин зельевар, – посоветовала я.

– На кухне не должно быть посторонних.

Принц тотчас же сдернул с крючка белый фартук, молниеносно повязал его и заявил:

– Всеми силами готов помогать! Зелья и соусы это очень близкая вещь.

– Спасибо, нам не нужны ваши веселинки или как вы их там называете, – отрезала я. Вигвард подергал меня за штанину и предложил:

– Пусть картошку почистит! Все равно ведь не отстанет!

В итоге Джеррит отправился к корзине с картофелем, а мы с домовыми взялись за готовку. На всякий случай я соткала защитное заклинание, которое не позволит вплести в еду посторонние чары.

Первым делом мы начали приготовление заправки. Глядя на меня, коты послушно повторяли мои движения: сперва мелко нарезали маслины, укроп и чеснок, а потом смешали их с оливковым маслом и белым вином.

– Немного соли и перца! – скомандовала я и покосилась в сторону Джеррита. Тот быстрыми уверенными движениями работал ножом, тончайшие завитки картофельной кожуры струились из-под лезвия, и корзина почти опустела.

Что-то подсказывало, что принц пытается произвести впечатление любым возможным способом. Я добавила еще одно заклинание: нет уж, мы тут не будем петь дурацкие песенки. Не дожدهшься.

На особую бумагу для запекания мы выложили фасоль, мелкие розовые помидоры, разрезанные пополам, и Вигвард снова потянул меня за штанину и мяукнул:

– Врет, как дышит. У нас тут сроду служанки Бекки не было. У него вообще слуга, Сильвером зовут, так он меня толстым обзывает, а я не толстый.

– Я уже поняла, – откликнулась я, раскладывая на овощи куски рыбы и сбрызгивая их приготовленной заправкой. Сверху легли тонкие колечки ароматного красного лука.

– Все готово! – весело сообщил Джеррит, выставляя кастрюли с картофелем на плиту.

– У нас тоже, – ответила я, заворачивая бумагу.

Рыба отправилась в печи на полчаса: когда бумагу развернут, то приготовленное просто ошеломит ароматом и нежным вкусом.

– И что теперь? – поинтересовался принц. Весь его довольный вид так и кричал о том, что его высочество готов к новым подвигам ради прекрасной дамы.

Фред точно так же смотрел и улыбался, когда ему требовалось произвести впечатление на девушку.

Я кивнула в сторону стола и ответила:

– Все нужно вымыть и протереть, как следует. Возьметесь?

– Разумеется! – он отсалютовал мне и принялся собирать использованные ложки и ножи. Я вздохнула.

– Надеюсь, ректору понравится ужин.

– Ректору? – Джеррит обернулся от мойки и посмотрел на меня с нескрываемым сочувствием. – Он ненавидит рыбу.

Глава 2

– Да ну как же вы так... – я посмотрела на Джеррита и даже всплеснула руками от негодования. – Почему вы мне сразу не сказали?

Развернулась к домовым, которые тотчас же поджали уши.

– А вы? Все делали вместе со мной и молчали! Хотите сказать, вы не знали об этом?

В первый рабочий день на новом месте мне очень сильно хотелось проявить себя. Показать лучшие стороны своей стряпни. Сделать так, чтобы Мартин Грюнвальд не пожалел о том, что нанял меня.

И вот я возьму и поставлю перед ним тарелку с рыбой, которую он не ест.

– Мы знали, – муркнул Вигвард. – Но мы очень любим рыбку. И госпожа Патриция тоже.

Я вопросительно подняла бровь, и Вигвард торопливо объяснил:

– Госпожа проректор, Патриция Винкельман.

Понятно, хоть кто-то на моей стороне. Джеррит отошел от мойки, вытирая руки, и приобнял меня за плечи.

– Конечно, он не любит рыбу. Он же не какой-нибудь морской змей. Он горный дракон, настоящая огненная бестия. Обожатель мяса.

За время брака с Норбертом я успела познакомиться с несколькими морскими змеями из Министерства обороны: темнокожие, стройные, гибкие, они двигались так, словно танцевали. А в драконьем облике они извивались и скользили среди волн, и тонкие усы, которые украшали их тяжелые головы, издавали мелодичный перезвон.

– Я не успею приготовить ему мяса, – вздохнула я. – Уже пора подавать ужин.

Объятие Джеррита стало крепче, и я дернула плечом, сбрасывая его руку.

– У вас тут и без мяса найдутся и поклонники, и защитники, – заверил он. – Ужин получится на славу!

Вскоре в столовой начали собираться студенты, которые уже приехали в академию к началу учебного года. Рассаживались за длинные столы, обменивались шуточками и прибаутками; командуя

нарезанием овощного салата, я поглядывала на них через приоткрытую дверь кухни.

Ребята были чем-то похожи на братьев: высокие и низкорослые, все они были одинаково крепкими, с одинаковым упрямым взглядом. Были среди студентов и девушки: некрасивые, с коротко стриженными волосами вместо провинциально длинных кос, и у каждой на носу я заметила следы переломов. Им приходилось стоять за себя до приезда в академию. Но все они смотрели мечтательно, и в их глазах светилась доброта и ум.

Когда на часах было без четверти шесть, начали собираться и преподаватели. Джеррит быстрым шагом покинул столовую и сел за отдельный стол для наставников, где сразу же принялся рассказывать темноволосому любителю голубцов о своей работе на кухне. Пришли и дамы: госпожа Винкельман и две барышни в воздушных платьях почти по столичной моде. Выглядели они настоящими принцессами, нежными и легкими, но я решила не обольщаться.

Мотыльки не преподают в академиях боевой магии.

Пришел и ректор, читая какие-то бумаги на ходу. Когда он сел, то домовые энергично растерли лапки и бросились подавать еду.

Я смотрела во все глаза. Мартин раскрыл бумажный конверт с едой, задумчиво посмотрел на рыбу: хоть бы он не решил, что я как-то собралась подгадать ему!

Но ректор взял вилку и принялся за еду. Отламывал нежные кусочки рыбы, ел неторопливо и спокойно, но ничем не показывал, что терпеть не может рыбу!

Может, это как раз Джеррит решил меня как-то поддеть? Но домовые бы не стали врать.

Кажется, ректор почувствовал, что на него смотрят: он оторвался от ужина, поймал мой взгляд и кивнул на свободное место рядом с ним, приглашая присесть.

Я бросила дополнительное заклинание, чтобы моя одежда окончательно стала идеальной, послушно прошла в столовую и опустилась за стол рядом с Мартином. Студенты и преподаватели смотрели на меня с доброжелательным интересом, и поклонник голубцов одобрительно произнес:

– Рыбка сегодня просто огонь.

Я сдержанно кивнула: спасибо. Мартин отправил в рот очередной кусок рыбы, прожевал и спросил:

– Как вам первый день на рабочем месте?

Я улыбнулась.

– Благодарю вас, господин ректор. Все в порядке.

Он понимающе кивнул. Съел еще один кусок рыбы и поинтересовался:

– Ваш несостоявшийся супруг изменял вам, я правильно понял?

Ладони сделались мокрыми. Перед глазами всплыли картинки из будущего, которое я сумела покинуть: Норберт в нашей супружеской постели с какими-то хохочущими девками, и я стою в дверях и надеюсь лишь, что не упаду в обморок прямо сейчас.

– Да, – откликнулась я, стараясь говорить как можно спокойнее. Не хотелось выглядеть жалкой и слабой.

– Но он сказал, что вы его истинная. А истинность это абсолютная магическая связь, – Мартин отправил в рот последний кусочек рыбы и добавил: – Измена истинной невозможна чисто физически.

– Схема Тельяни, – сказала я. – Истинная пара в некотором смысле единый организм, но если запустить заклинание Лезвия так, как советует Тельяни, то истинных можно разделить. Я только потом узнала, что Норберт это сделал сразу после свадьбы. Успела влюбиться в него по уши, как дура.

Мартин понимающе кивнул. Доел картофель, домовой поставил перед ним фарфоровый чайник и чашку.

– Я тут слишком поздно узнала, что вы не любите рыбу, – сказала я. Лучше говорить о таких безобидных вещах, чем о том, что пришлось пережить.

– Рыбу-то? Ненавижу, – спокойно признался Мартин.

Я изумленно посмотрела на него.

– То есть... Но вы же ее съели!

Мартин посмотрел на опустевший бумажный конверт и с прежним спокойствием произнес:

– Ну да. Съел.

– Спасибо, – негромко сказала я. – Завтра будет мясо.

Мне всегда было трудно засыпать на новом месте.

Все звуки и запахи были другими, не такими, как в родительском доме или дворце моего мужа. Семья Брикенхорф была намного богаче и знатнее нашей, и когда-то я с восторгом вошла во дворец Норберта, любуясь каждой деталью его изысканной роскоши – а потом только и мечтала, как сбегу оттуда.

Дандевар был наполнен другой жизнью: веселой, энергичной, бьющей, как родник. Вот я лежу на кровати, свернувшись под одеялом, и слышу, как где-то далеко играет гитара – даже мотив узнала, эту шуточную песенку распевают студенты по всей стране.

И я тоже пела, когда училась в столичной академии.

Завтра и послезавтра сюда съедутся все студенты, а потом начнется новый учебный год. Я буду готовить завтрак, обед и ужин три раза в день до конца своих дней – и это не цена за мою свободу и сохранение мира. Для ректора буду стряпать отдельно, отличные стейки каждый день, раз он огненная бестия и так сердечно поддержал меня.

Даже виду не подал, что терпеть не может рыбу. А все остальные смотрели на него и понимали: да, новая повариха отлично стряпает. Кулинария всегда была моим главным увлечением. Любой может бросить на сковороду кусок мяса, но не каждому дано превратить этот кусок в произведение искусства. Во что-то такое, что окутает душу восторгом и даст ей сил, а не просто набьет живот.

Мысли снова вернулись к ректору Грюнвальду. Хорошо, что он не обиделся за голубец, что прилетел в его белоснежный сюртук. И белый цвет очень ему идет, делает одновременно солидным и строгим, но еще и тем, к кому хочется прикоснуться.

Я сердито села на кровати. Ну что за глупости, с чего бы мне вдруг хотеть к нему прикоснуться? Да, Мартин Грюнвальд хороший человек, он сразу мне поверил, взял на работу и поддержал на первом ужине. Но я-то думаю о нем не как о начальнике.

Почему-то мне было беспокойно. Примерно как в дни подготовки к свадьбе, когда мы с Норбертом встречались в доме моих родителей, гуляли в парке и беспечно болтали обо всем на свете. Тогда душа так и танцевала в груди, в ней царила весна, и мир казался огромным, светлым, принадлежащим только нам двоим.

И чем все кончилось? Я поняла правду о своем браке через несколько дней после венчания, когда Норберт разорвал связь с

истинной.

Конечно, я обо всем рассказала родителям. Конечно, они мне не поверили. Решили, что у меня в голове какие-то глупости, и я сама не понимаю, что несу.

– Не смей срамить семью! – сказал тогда отец. – Не появляйся здесь с этими дурацкими выдумками! Твой муж оказал нам великую честь, мы намного ниже Брикенхорфов по рождению, так что даже не думай о том, чтобы все испортить!

Я и не думала. Потом, когда Норберт надел долгожданную корону, я нашла способ вернуться в прошлое. Опасный, отчаянный способ! Заклинание могло бы просто рассеять меня по миру.

Но все получилось. Я сбежала из родительского дома за два дня до того, как Норберт придет к моему отцу со своим бесценным предложением. Сбежала, на последние деньги купила билет на самую окраину королевства и приехала в Дандевар.

Теперь это мой дом и тюрьма. До конца моих дней.

Но Норберт не сможет забрать меня отсюда. А больше никто в королевстве не способен создавать заклинания так, как я.

Мир устоит. Никакой войны не будет.

Шуточную песенку сменила романтическая мелодия, послышался залиvistый девичий смех. Я поднялась с кровати, выглянула в окно: внизу расстилалась зеленая шкура сада, подсвеченная фонарями, среди деревьев текли человеческие тени. Студенты гуляли по дорожкам, наслаждаясь последними вечерами лета. Может, и Мартин сейчас где-то там, внизу – сидит на скамейке, беседует с кем-нибудь.

А я после ужина привела кухню в порядок, написала меню на завтра и ушла в свою комнату. Сижу теперь тут, как сова в дупле.

Интересно, есть ли у Мартина подруга? Невеста?

Я резко осадилась: не моего ума это дело. Ректор Грюнвальд видный мужчина, конечно, он не одинок – и это тоже меня не касается.

Но почему-то я вдруг прошла к шкафу, вынула из него одно из самых лучших своих платьев, темно-синее с вирнейским кружевом, и стала переодеваться.

Ладно. Если уж решила выглядеть душой, то действуй до конца.

В зеркале отразилась светловолосая девушка с растерянным выражением миловидного лица. Я торопливо привела в порядок прическу и выскользнула за дверь.

Коридоры и лестницы академии были ярко освещены, и я даже ни разу не заблудилась: спустилась по лестнице, прошла по коридору, свернула в другой, оказалась на другой лестнице и вышла в большой зал, который в таких местах называли приветственным. Сюда входили те, кто приезжал в академию: слуги встречали их, с поклоном принимали вещи, и в больших зеркалах...

Что это там, кстати, мелькнуло?

Я приблизилась к зеркалу, по пути создавая защитное заклинание. Конечно, никто не нападет на меня в Дандеваре, но осторожность никогда не помешает.

Отражение качнулось, как только я подошла ближе. За зеркальной мной проступил женский силуэт в черных развевающихся лохмотьях и провалом на месте лица. От него веяло такой жутью, что я с трудом удержалась на ногах.

– Проваливай отсюда! – раскатился хриплый каркающий голос по приветственному залу. – Убирайся! Тебе здесь нет места!

Не помню, как я вышла из замка, прошла через внутренний дворик и оказалась в саду. Просто вдруг поняла, что уже не стою перед зеркалом, а неторопливо бреду по дорожке, засыпанной красной кирпичной крошкой, и перезвон гитары становится все ближе.

Проваливай и убирайся. Неужели кому-то настолько не понравилась моя рыба?

Я вышла к маленькому фонтану: он бойко выбрасывал воду в мраморную чашу, золотистая подсветка придавала ему теплый и уютный вид. По другой дорожке за кустами прошла целая компания с гитарой, парни обменивались шуточками, девицы заливисто смеялись.

Как, кому я успела насолить настолько, что на меня напустили призрак?

– А, это вы! – воскликнул мелодичный женский голос. – Наша новая повариха!

Девушка, которая вышла к фонтану, была одета так, что любая принцесса умерла бы от зависти. Каштановые волосы были уложены в изящную прическу, пряди перевиты жемчужными нитями, плотный зеленоватый шелк платья стоил целое состояние, а туфельки, судя по

расшитым бисером носкам, были сделаны на заказ в столичной мастерской Фаганти.

Как такая райская птица залетела в эти дремучие края? Тоже от кого-то скрывается?

– Совершенно верно, – ответила я. – С кем имею честь?

Тонкая улыбка незнакомки была, словно лезвие. Нежное личико с аккуратно вылепленными чертами было почти кукольным – вот только в нем чувствовалась сила и энергия, каких не бывает у кукол. Девушка опустила на скамейку рядом и ответила:

– Анна Шрайбер, боевая магия у первого и второго курсов.

Я удивленно уставилась на нее.

– Вы преподаете боевую магию? Вот уж никогда бы не подумала!

В нашей академии был обязательный курс боевой магии, его преподавал отставной полковник, и про него шутили, говоря, что он обладает всего одной извилиной, да и та – след от фуражки. Роста он был громадного, кулачищи были чуть ли не с голову, и было ясно: не сработает магия, он будет просто драться.

Анна улыбнулась.

– Почему же?

– Вы очень изысканно выглядите, – призналась я. Улыбка моей новой знакомой сделалась мягче.

– Благодарю вас. Если хотите, я помогу вам подобрать приличные платья. Вирнейское кружево почти вышло из моды.

Я машинально дотронулась до кружевных завитков на вырезе платья. Сразу же почувствовала себя неловкой и нелепой. Да, рядом с такой красавицей любая девушка станет жабой...

– Мои родители поставщики элитных тканей из Хорна и Браганта, – сообщила Анна. – Пришли в ужас, когда во мне проснулась боевая магия.

– Да уж, – улыбнулась я. – Юная леди должна быть принцессой, а не рыцарем. Не бросать шары Вурнта, а примерять новые платья.

Анна рассмеялась.

– Точно! “Ты же барышня!” – так всегда говорила матушка. Одним словом, если нужны последние новинки – вы знаете, к кому обратиться.

– Спасибо, – ответила я, стараясь говорить как можно теплее и сердечнее. – И вы знаете, к кому прийти, если захотите какой-нибудь

особый десерт.

– Кстати, замечательная мысль! – воскликнула Анна, и ее глаза энергично сверкнули. – Вы умеете делать бисквитные торты? Я иногда, кажется, душу готова за них продать.

И ведь не толстеет из-за тортиков. Ведьма.

– Умею, конечно, – ответила я. Когда-то Норберт сказал, что я только и гожусь, что на приготовление тортов – и будто бы в пику ему, я довела свое мастерство до совершенства.

– Отлично, сможете приготовить такой завтра к вечеру? С какими-нибудь нежными фруктами? Мы с Мартином собирались посидеть в беседке, а что может быть лучше сладостей на свидании?

С Мартином. Посидеть в беседке. Конечно, в академии может быть несколько Мартинов, но чутье подсказывало, что я разговариваю с возлюбленной ректора.

Я овладела лицом прежде, чем показалась досада.

– Это будет лучший в мире торт, – заверила я. – Как раз сегодня видела в кладовой отличные киви, очень сладкие. Добавить немного лайма, и будет просто восторг. Кстати, я, кажется, не видела вас на ужине.

Анна вздохнула.

– Есть такой страшный зверь, называется календарно-тематическое планирование. Я должна была срочно его доделать, иначе Гинкель меня бы просто съел без масла.

– Гинкель это..?

– Рейнхард Гинкель, декан военно-экономического отделения. Создает армейских финансистов, – объяснила Анна. – Так во сколько мне подойти за тортом?

Ответить я не успела. К фонтану вышел Мартин – и я готова была поклясться, что он едва заметно споткнулся, когда увидел меня. Не ожидал встретить здесь.

Взгляд его был сосредоточенным и темным, как в тот момент, когда голубец украсил сюртук – но просветлел и смягчился. Ректор улыбнулся и сказал:

– Добрый вечер, дамы. Решили прогуляться?

Анна поднялась, уверенно взяла его под руку и развернула в сторону от фонтана. Я осталась сидеть на скамье, словно бедная родственница.

– Да, как раз хотела заглянуть с тобой в ту беседку, там, говорят, безумно сладкий дикий виноград, – пропела Анна и повлекла ректора прочь.

В беседку за виноградом. На ночь глядя. Ну-ну.

Его голова дрогнула, словно он хотел обернуться в мою сторону. Но не обернулся.

Они ушли, я осталась сидеть. Обида и злость поднимались во мне, и я понятия не имела, откуда они взялись. Мне не на что обижаться и уж тем более не на кого злиться. Ректор дал мне работу и приют, я в безопасности – вот и все.

Тогда почему я никак не могу перестать думать о нем? Что вообще происходит?

– Ладно, – негромко сказала я. – Хотите торт? Будет вам торт.

Уходить в комнату все равно не хотелось. Вечер был теплым и ясным, на небе высыпали звезды и пролегла жирная колея Драконовой дороги, огромного звездного скопления. Грех сидеть дома в такую погоду, так всегда говорил Фред, отправляясь на свидания.

Теперь, наверно, отец отправит его на мои поиски. Норберт в гневе. Семья в ярости. Как я смела куда-то сбежать, опозорив всех? А если меня похитили?

В любом случае, надо бежать, искать и водворять беглянку на место...

– Мурк! – из живой изгороди прыгнула пушистая тень, Винвард запрыгнул на скамью и боднул меня лбом в плечо. – Вечер добрый!

Я почесала рыжую башку, и домовый довольно замурлыкал.

– Вот ты чеши, чеши, – проурчал он. – А я тебе чего-то расскажу. Госпожа Патриция две добавки рыбки взяла. А Вигмар в кладовой крысу завалил вот такую. А Сильвер, гад, меня по тылу пнул. Иди, говорит, отсюда, толстый, а я не толстый, у меня шерсть мягкая и кость пушистая.

От мурчания кота на душе невольно становилось спокойнее. Да, у ректора есть подруга, ну и прекрасно. Я тоже найду здесь друзей. Еще и замуж выйду. Норберт приедет – а подать сюда мою невесту Эмму Аутенберг! А все такие хором: а она уже замужем!

Вот, господин Брикенхорф, извольте кукиш получить. Родители меня, конечно, проклянут – но это можно пережить.

Домовой забрался ко мне на колени, завалился кверху пузом и раскинул лапы.

– Чеси меня да гладь, – приказал он, – чеси меня полностью! Я говорю: ты, Сильвер, гад, я все твоему барину расскажу, что ты пинаешься! А он еще поддал, я так с кухни и вылетел!

– А тут все вот так запросто заходят на кухню? – поинтересовалась я. – Проходной двор какой-то.

– Что делать, – вздохнул Вигвард. – Вот захочется преподавателю среди ночи закусить чем-нибудь или стаканчик пропустить, он спускается на кухню и шаст в морозильный ларь! Мы уж спим себе на лавочках, а они топчут по голове.

– Джерриту тоже захотелось стаканчик пропустить? – спросила я. Этот кудрявый любитель веселинок в чужих напитках настораживал. Не нравятся мне такие весельчаки за чужой счет.

– Кто его знает, – Вигвард спрыгнул с моих коленей. – Сильвер меня пнул, я и улетел.

– А если хозяин приказал ему что-то испортить? – вдруг испугалась я. – Подсыпать какую-нибудь дрянь в еду.

Вигвард замер, уставившись на меня широко распахнутыми глазами.

– А ведь верно! – воскликнул домовой. – Всех просквозит, например, а повариха виновата!

Я вздохнула и поднялась со скамьи.

– Пойдем-ка проверим. Не нравится мне все это.

Мне вообще не нравилось, что на кухне и в кладовых отирался, кто ни попадя. Да, конечно, ночью хочется перекусить, а держать еду в комнатах запрещают уставы всех академий: потом тараканов не вытравишь.

Что, если установить на этажах специальные ящички с закусками и напитками? Открываешь, берешь шоколад, яблоко или печенье, наливаешь себе чаю и снова все запираешь.

Отличная мысль! Я решила завтра же предложить ее ректору. Еще лучше будет, если получится поймать этого Сильвера с поличным.

– Вообще я установила отторгающие заклинания, – сообщила я, когда мы с Вигвардом вошли в замок и направились к кухне. – Если

Сильверу и приказано что-то подсыпать, у него ничего не...
Здравствуйтесь!

Кухня была озарена ярким светом, все лампы были включены, и молодой парень с энергичным, но туповатым лицом, который висел в паутине под потолком, был виден во всех деталях. Он дергался, пытаясь освободиться, но от моего паутиного заклинания просто так не избавишься.

– Вот он! – заголосили домовые. Они прыгали вниз, пытаясь зацепить парня швабрами и вениками. – Вот он, Сильвер, гад!

– Пнул! – заорал Вигвард, показывая на парня лапкой. – Пнул меня в самый в тыл! Хозяйка, свешай ему горячих, я даже сковородку разогрею в радость такого случая!

– Снимите меня! – воскликнул парень, умоляюще глядя вниз. – Спасите, госпожа повариха!

Но спасать я не спешила. Села на стул, сцепила руки в замок на коленях, уставилась на него, как крестьянин на вошь. Сильвер даже замер: испугался.

– Что вы хотели подмешать в еду? – поинтересовалась я.

– Свят Бог видит, ничего не хотел! Мой хозяин послал меня на кухню за крекерами с луком! Он их целыми коробками ест. Я запустил руку в шкаф, а тут паутина со всех сторон полетела. Спасите!

– Врет! – снова закричали притихшие было домовые и снова замахали щетками и метлами. – Крекеры в другом шкафу! Врет, зараза!

Конечно, врет: заклинание срабатывало, только если кто-то пытался портить продукты, а не брать их. Я покосилась на шкафы: судя по ходу нитей в заклинании, Сильвер полез в шкафчик с сахаром и приправами. А сахар отлично впитывает чары, это знают все.

– Повторяю вопрос. Что вы хотели подмешать в еду? – ледяным тоном отчеканила я. Сильвер дернулся в паутине в напрасной попытке освободиться, и я добавила: – Либо говорите правду, либо я зову ректора. И он выкинет вас с хозяином из Дандевара.

При мысли о том, что придется нарушить сладкое свидание Мартина и Анны среди винограда, я испытала мстительную радость. Сильвер дернулся еще раз и признался:

– Приворотное зелье, госпожа повариха.

Ага. Еще интереснее.

Похоже, ректору Грюнвальду сегодня придется воздержаться... от долгих прогулок по саду и прийти сюда.

– Вредитель! – закричали домовые и снова принялись прыгать и размахивать вениками. – Вот мы тебя сейчас! Вредитель!

Я хищно улыбнулась.

– Прекрасно, просто прекрасно. Вигвард! Быстро за ректором!

Кот помчался так, что только пятки засверкали.

Мартин, угрюмый и недовольный, явился через четверть часа, застегнутый на все пуговицы. Анны с ним не было, и я вновь ощутила прилив радости.

Странно. Странно и неправильно. Я вообще не должна испытывать хоть какие-то чувства к человеку, которого знаю несколько часов.

– Что случилось? – мрачно осведомился ректор. – Почему он в паутине?

– Это мое заклинание, – объяснила я. – Всегда окутываю им продукты, чтобы кто-нибудь особо одаренный ничего в них не подсыпал. Как видите, оно сработало.

Домовые притихли, замерли маленьким войском с вениками и швабрами. Мартин оценивающим взглядом посмотрел на Сильвера и спросил:

– И что ты хотел подсыпать?

Сильвер не успел ответить: на кухне появился Джеррит, и сразу стало ясно, кто заказчик. Он устало посмотрел на меня и попросил:

– Освободите моего слугу, пожалуйста.

Мартин кивнул, соглашаясь. Я вздохнула, бросила заклинание, рассыпающее чары, и еще одно, которое мягко опустило Сильвера на пол. Ректор обернулся к Джерриту и посмотрел так, что стало ясно: лучше убежать подальше и закопаться поглубже.

– Объяснись, – приказал он, и от его голоса по стенам чуть было не пополз иней.

– Хорошо, – кивнул Джеррит. – Да, Сильвер выполнял мой приказ. Да, я действительно приготовил приворотное зелье. Госпожа Аутенберг сразу же пришлась мне по сердцу, но я видел, что не вызываю у нее взаимности. Поэтому решил призвать на помощь алхимию.

Я не вытерпела. Схватила то, что пришлось под руку – мельницу для перцев – и швырнула в него. Попала: Джеррит охнул и с болезненной миной потер лоб.

– Заслужил, – вздохнул он. – Признаю.

– Идиот! – прорычала я. – Придурок!

Вторая мельница, теперь уже для крупной соли, отправилась прежним маршрутом. Мимо.

– И что ты планировал? Что я буду за тобой бегать с задранной юбкой? – сейчас мне больше всего хотелось аккуратно взять зельевара за шею и придушить, как следует.

Приворотные зелья одни из самых опасных. Если их приготовить правильно, они вызывают легкое влечение, нежную влюбленность и развеиваются через сутки после приема. Но если переборщить с ингредиентами, то примерно на неделю человек может лишиться рассудка. Им будет владеть только похоть – и несчастный будет думать лишь о том, как ее утолить. Забудет о еде, не обратит внимания на жажду – ему нужно будет только одно.

– Лишь слегка расположить к себе, вот и все, – Джеррит стал осторожно отступать за столы, опасаясь, что я на него брошусь. – Клянусь честью, только это.

– Честью? – я даже остановилась, дыхание перехватило от возмущения. – Хочешь сказать, она у тебя есть? Бесстыжий!

– В голове не укладывается, – потрясенно признался Мартин. Он старался держать себя в руках, но я видела в его глазах огоньки гнева. Он злился по-настоящему.

Вот и первый огненный лепесток появился над головой.

– Просто не укладывается в голове, – повторил Мартин. – Джеррит, ты преподаватель. Я поверить не могу, что ты пытался так поступить. Приворожить коллегу! Сломать добрую волю и здравый рассудок другого человека! Я тебя из академии выкину за такие фокусы! Потребую королевского суда!

И над его головой вспыхнули сразу три лепестка.

Мне снова сделалось неудобно. Ну не злятся так драконы из-за нарушения правил, тут было примешано что-то еще.

Очень похожее на ревность, кстати говоря. Я понравилась другому мужчине, он захотел меня приворожить, и ректора это выбесило.

Но с чего? Раз он встречается с Анной и гуляет с ней вечером в беседке, какое ему дело вообще?

– Чисто технически господа Аутенберг мне не совсем коллега... – пробормотал Джеррит, нервно прищелкивая пальцами: то ли пытался оживить какие-то чары, то ли у него начался тик.

– Идиот! – повторила я и вдруг ощутила какое-то чуть ли не детское желание проверить ситуацию. – Если я тебе понравилась, мог бы просто пригласить на прогулку. Здесь, насколько я успела понять, это принято.

И Мартин, и Джеррит посмотрели на меня с одинаковым ошарашенным выражением. “А что, так можно было?” Потом вопрос в глазах ректора сменился на возмущенное “Ты что такое несешь!”

– А ты даже не попробовал... – продолжала было я, и один из домовых напомнил:

– Он картошку чистил и потом ножи и столы мыл...

– Это что, засчитывается, как ухаживание? – поинтересовался Вигвард, и домовый ответил:

– Это кухня, тут любая попытка засчитывается.

Над головой ректора расцвел настоящий пламенный нимб, а ноздри дрогнули так, словно из них готов был повалить пар. Он помолчал, а потом невозмутимо произнес:

– Госпожа Аутенберг, мне нужно побеседовать с вами наедине.

Глава 3

Я кивнула, и мы прошли в кладовую. Ректор закрыл за нами дверь, я опустила на большой мешок с кофе и подумала: хоть бы он успокоился уже. Вспыхнем ведь всем замком.

И с чего ему так кипятиться? Из-за того, что преподаватель зельеварения решил отчудить шутку в своем репертуаре? В конце концов, да, это было явное нарушение границ, но все-таки не такое, чтобы ректор сейчас полыхал всюю.

Ревность, как есть. Но с чего? Откуда вообще взялось столько странных и неожиданных чувств? Нахлынули, словно где-то прорвало плотину, и бурные воды свалились нам на головы. И мы барахтаемся в волнах и не знаем, что делать.

– Интересное заклинание, – произнес Мартин. Прошел в сторону морозильных ларей с мясом и рыбой, остановился. Постоял, вернулся. – Сами его изобрели?

– Сама, – кивнула я. – Всегда нравились пауки. Решила задействовать сети.

Мартин улыбнулся. Снова принялся ходить туда-сюда. За дверью неразборчиво и возмущенно переговаривались домовые, Джеррит что-то им отвечал: судя по тону, пытался призвать к спокойствию.

А если он и правда возьмет и пригласит меня на свидание? Ну и что, а я пойду. Потому что я свободная девушка и успела сбежать из дома до помолвки с Норбертом Брикенхорфом. Могу теперь встречаться, с кем угодно.

И если у нас все пойдет достаточно далеко, дракон из семьи Шульцев сумеет защитить меня от Норберта лучше стен академии. Мало ли...

– Кажется, я дал маху, – признался Мартин. – Надо было нанимать вас на преподавательскую должность. Сначала младший ассистент, потом ассистент...

– Ну, если понадобится, мы всегда можем переиграть, – я улыбнулась в ответ. – Главное, что вы дали мне вечную работу в академии. Что поверили мне.

– Поверил, конечно, – серьезно откликнулся Мартин. – Я увидел ваши воспоминания, и это был не морок и не выдумка. Вы в самом деле видели все те ужасы войны, они так вас впечатлили, что навсегда оттиснулись в вашей ауре...

– Так впечатлили, что я решила сбежать в свое прошлое, – ответила я. – Все исправить. Хочу написать королю, рассказать об одном его родственнике. Пусть присматривает за ним.

– Хорошая мысль, – согласился ректор. Он так и таскался туда-сюда по кладовой, это невольно начинало раздражать. Хотелось взять его за руку и усадить рядом. – У его величества много родственников, за которыми нужно бы присмотреть.

Так. Кажется, мы подходим к главному.

– Да, неприятная случилась история, – сказала я. – Меня еще никто не пробовал приворожить.

Мартин скривился, словно одновременно разжевал добрую дюжину лимонов.

– Это отвратительный поступок, который никак не согласуется с честью преподавателя и мужчины, – с нескрываемой злостью ответил он. – Обещаю, Эмма, такое больше не повторится. Я сегодня же подпишу приказ об увольнении господина Шульца. Он больше не потревожит вас своими глупостями.

Он так яростно смотрел, так тяжело ронял слова, что я вдруг подумала: а ведь да, это все-таки ревность. Драконы так себя ведут, когда кто-то тянет лапы к тому, что они считают своим.

Но с чего бы Мартин считал меня своей собственностью? Мы познакомились только сегодня, перебросились парой слов за ужином, вот и все. У него, в конце концов, есть Анна, с которой он гуляет вечером по беседкам. Откуда бы тут взяться ревности?

Но это была она. Однажды Норберт смотрел и говорил примерно так же, когда один из его товарищей остался на ужин и засыпал меня комплиментами. Он ни слова не сказал, пока гость был в доме, зато потом выплеснул на меня свой гнев, избил до трещины в ребре.

“Ничего этого не будет, – сказала я себе. – Я вернулась в свое прошлое и все исправлю”.

– Что случилось, Эмма? – спросил Мартин, и в его взгляде теперь была искренняя тревога. – Вы в лице изменились.

– Так... – ответила я. – Вспомнила несостоявшегося мужа. Однажды он был зол примерно так же, как вы сейчас.

Ректор вздохнул. Опустился на соседний мешок. Голоса домовых из-за двери стихли: кажется, Джеррит и Сильвер не стали дожидаться ректорского решения и удрали.

– Да, я правда разозлился, – признался Мартин, и огни над его головой начали угасать. – В академии так себя не ведут, еще никто не пробовал привораживать сотрудников.

– Не увольняйте господина Шульца, – попросила я, и огни снова начали крепнуть.

– Заступаетесь за него? – обманчиво мягким тоном осведомился Мартин. – Хотели бы сходить с ним на свидание?

Нет, это точно ревность. Осталось только понять, откуда она взялась и у Мартина, и у меня. Во мне ведь тоже все закипело, когда Анна повела его к беседке с виноградом.

Мы оба не имели никаких прав на ревность, прав друг на друга. Но ревновали.

– Вряд ли вы где-то найдете нового зельевара за два дня до учебного года, – вздохнула я. – И ведь его сослали сюда, верно? Незачем ссориться с теми, кто это сделал.

– Вы не ответили на мой вопрос, Эмма.

Голос ректора был спокойным, но за этой мягкостью чувствовалась железная рука, готовая лечь мне на горло и сжать.

– Я свободна, – ответила я. – И могу встречаться, с кем захочу. Вы ведь ходите на свидания с госпожой Шрайдер, правда? Календарно-тематическое планирование не обсуждают вечером в беседках.

– Это не то, о чем вы думаете, – произнес Мартин настолько горячо, словно искренне хотел убедить меня в том, что я не права на их счет.

– Но есть вещи, которые волнуют меня намного больше свиданий и приворотных зелий, – продолжала я. – В зеркалах приветственного зала появилось что-то вроде призрака. И он велел мне проваливать из академии. Хотелось бы узнать, кто успел меня так невзлюбить.

Мартин вопросительно поднял бровь.

– Призрак с угрозами? – уточнил он, и я кивнула. – Ну во-первых, я лично выбросил из зеркал всех призраков этой весной. Новые еще не успели туда проникнуть. Получается, вы кому-то не понравились в академии, Эмма.

– Стоило только приехать, и уже неприятности, – вздохнула я. – Вроде бы пока никто не жаловался на мою еду. Наоборот, брали добавку.

– Вы хорошо готовите, – похвалил Мартин, и это прозвучало, как комплимент, а не просто констатация факта. Я сдержанно улыбнулась.

– Кулинария всегда была моим любимым занятием. Отец говорил, что я напрасно трачу время, благородной девице нечего делать на кухне, когда есть служанки.

– Но вот ведь, ваши умения вам пригодились, – Мартин улыбнулся в ответ, огни над его головой погасли, и он добавил: – Впрочем, я и так взял бы вас на работу. Вы хороший человек, Эмма. Надо окружать себя как раз такими людьми.

– Госпожа Шрайбер тоже хорошая, – предположила я. – Иначе вы бы ее к себе не приблизили.

Дьявольщина! Ну вот о чем я только говорю и думаю! Зачем я постоянно вывожу Мартина на личный разговор! Ведь что-то так и подзуживает внутри, так и требует вставить шпильку в ровный тон беседы.

– Я ее не приближал, – ответил ректор, и я почувствовала, что он оправдывается. – Анне пришло время выйти замуж, она ищет достойную пару и решила, что я прекрасно подхожу для ее матримониальных планов.

– Вешается на вас.

– В каком-то смысле да.

– И вы не имеете ничего против. Иначе давно нашли бы способ развернуть настойчивую барышню в другую сторону.

Нет, я все-таки должна стукнуть себя по голове. Знаю человека несколько часов и говорю с ним настолько легко о таких вещах.

– Вы же дракон, – продолжала я. – Наверно, чувствуете в ней свою истинную пару.

Мартин сделался было серьезным, даже угрюмым, но тут рассмеялся и махнул рукой.

– Нет-нет, она не моя истинная, это совершенно точно. Я бы испытывал сейчас совсем другие чувства.

– Какие же? – поинтересовалась я. – Норберт пел соловьем, но я сейчас думаю, что он врал. Может, я и не была его истинной, а он просто сказал так, чтобы я потеряла голову от счастья. И все-все для него бы сделала.

Мартин посмотрел на меня с нескрываемым сочувствием.

– Он ведь может появиться в академии? – спросил он.

– Рано или поздно обязательно появится. Я ведь сбежала из дома, меня ищут.

Вспомнилось, как я побросала вещи в маленький саквояж и бесшумно выскользнула из дома ранним утром, когда даже слуги еще не поднимались. Перед этим заглянула к родителям, а потом к брату: все они спали, все они были живы, и укол счастья, который я испытала, почти остановил сердце.

Ничего. Я все исправила.

– Что ж, тогда мы устроим ему прекрасную встречу, – в глазах Мартина проплыли хищные огоньки, и я снова удивилась.

Почему он смотрел так, словно хотел снять с Норберта голову? Неужели его так впечатлили воспоминания о неслучившейся войне? Или он просто ненавидел всяких гадов...

– Так что же чувствует дракон, когда встречает истинную? – не отставала я.

Мартин мечтательно улыбнулся.

– Сначала становится тепло, – ответил он. – Тепло и очень легко, словно ты завершил очень сложное дело. Душу окутывает спокойствием, и ты не знаешь, откуда оно взялось. Потом на тебя падает целый поток чувств. И злость, и радость, и восторг... это нервная система приспосабливается к истинной. В магическом плане истинная пара это единый организм. А ты не понимаешь, что с тобой происходит и откуда все это вдруг свалилось тебе на голову. Ты творишь какую-то дичь и не знаешь, откуда это все в тебе.

“Поток чувств”, – повторила я. И внезапно ощутила себя растерянной, маленькой и очень слабой.

– Тебя бросает в жар, но ты не заболел, – продолжал Мартин. – Ты начинаешь злиться. На себя, на всех... А потом все это выравнивается,

сглаживается, и ты смотришь на девушку и понимаешь: вот твоя истинная, и вы с ней теперь одно.

– Звучит, как настоящая мечта, – сказала я. Внутреннее неудобство все росло и росло. Надо было не болтать не пойми о чем, сидя на мешках в кладовой, а выйти уже отсюда и пойти спать. Поздний вечер, а завтра рано вставать. Все повара ранние пташки, они же должны всех накормить завтраком, а потом браться за обед...

– Это и есть мечта. Всякий дракон надеется однажды встретить свою истинную. Женщину, которую для него создали небеса.

Это прозвучало так, что я невольно поежилась. Кто-то будто бы положил руку мне на плечо и приказал: смотри.

– Простите Джеррита на первый раз, – попросила я и поднялась с мешка. Надо было заканчивать этот разговор, ни к чему хорошему это не приведет.

Особенно если Анна Шрайдер хочет выйти замуж и атакует ректора по всем фронтам. Она сметет меня, как крошку со скатерти, если решит, что я ей мешаю.

Да вот же дьявольщина! Почему я вообще могу ей как-то мешать!

– Простите его, – повторила я. – Поставлю новые защитные заклинания... ну и нам тут нужны не ссоры в начале учебного года.

Мартин тоже поднялся. Пристально посмотрел на меня, будто хотел прочесть мысли.

– Хорошо, – согласился он. – Но не ходите с ним на свидание. Он из тех, кто поиграет и бросит.

Я улыбнулась.

– Мной не так-то просто играть, господин Грюнвальд. Надеюсь, вы это уже заметили, – сказала я. – Доброй ночи!

Первым, кого я увидела утром, спустившись на кухню, был молочник из соседней деревни. Круглый, щекастый, улыбчивый, он затаскивал ящики с молоком и упаковки творога и масла: домовые помогали, а молочник приговаривал:

– Вот какое молочко, от хороших коровок! Я его не разбавляю, всякой дрянью не кормлю!

Я незаметно вбросила заклинание проверки: да, содержимое ящиков было идеально свежим. Что ж, на завтрак, кроме

традиционной овсяной каши будет еще и запеканка.

– А вы новая повариха, да? – молочник выпрямился, протянул мне руку. – Клаус Брамс, к вашим услугам. Мой охламон тут на втором курсе, факультет военной медицины. Петер Брамс. Если что накосячит, вы сразу мне говорите. Я уж оглоблей его в чувство приведу.

– Разумеется, – кивнула я и сунулась в мешочек на поясе: там был блокнот для записей и чеки академии для оплаты. – Сколько с меня за все это богатство?

– У меня с академией договор, – важно ответил Клаус. – Они учат моего охламона, а я за это поставляю молочные продукты со своей фермы.

Когда Клаус притащил сливки и ушел, я заглянула в упаковки творога. Отлично. Такой рассыпчатый творог самое то для приготовления домашней запеканки с изюмом.

Изюма в кладовой хватало. Когда одни домовые по моему приказу принялись тщательно промывать его теплой водой, а другие взялись за размягчение масла, появился Джеррит. Вот уж точно человек из тех, кого гонишь в дверь, а они лезут в окно.

Сегодня он принарядился, в руках держал букет мелких кустовых роз, и я вдруг вспомнила старую поговорку: кто нам мешает, тот нам поможет.

В конце концов, Мартин вчера ничего не объяснил толком по поводу призрака, а я не привыкла рассматривать чудовищ в зеркалах и выслушивать их угрозы. Придется брать дело в свои руки.

– А, вот и вы! – протянула я. – Как говорит господин Брамс, я иду встречать скотину, а Господь мне вас послал.

Джеррит кивнул с самым страдальческим видом.

– Я пришел загладить вину. И попробовать все начать заново. Давайте сделаем вид, что вчера ничего не случилось!

Я тщательно растирала творог с яйцами, солью и ванильным сахаром. А ведь сегодня еще и этот торт с фруктами готовить, чтоб его. Анна Шрайдер хочет выгодный брак, и все кругом обязаны ей помогать.

К творогу отправилось размягченное сливочное масло и сметана. Домовые смотрели на Джеррита, как на врага всего их пушистого народа. Вигвард даже шумовкой вооружился. Я добавила изюм и

принялась старательно перемешивать получившуюся творожную массу. Домовые аккуратно повторяли мои движения: скоро мы все выльем в формы, смазанные маслом, и отправим в печи.

Это будет не просто запеканка, а песня! А для тех, кому мало запеканки и каши, будут биглики – круглые булочки с копченым мясом, красным луком и помидорами. Хлеб нужно обжарить, потом на каждый кусок выложить мелко нарезанные помидоры, сверху положить тонкий ломтик копченого мяса и украсить колечками лука. Просто и легко!

– Знаете, что? – сказала я. – Вы причиняете мне массу хлопот. Но я, так и быть, забуду вашу вчерашнюю дерзость.

– А мы не забудем, – проворчал Вигвард, отправляя свою форму с творожной массой в духовку. – Сильвер меня пнул! И толстым обзывается, а я не толстый.

Джеррит вздохнул, погладил Вигварда по голове и пообещал:

– Он больше никому дурного слова не скажет. Я за этим прослежу.

– Оба вы хороши, и хозяин, и слуга, – проворчал домовый и скользнул в сторону. Джеррит уставился на меня с самым невинным видом.

– И я с ним полностью согласна, – промолвила я. – Но если вы вытащите привидение из зеркала в приветственном зале, то я, так уж и быть, вас прощу.

Джеррит нахмурился. Весь романтический флер с него как ветром сдуло. Он посерьезнел, сразу став на несколько лет старше, и сказал:

– Там не должно быть призраков. Ректор их вытравил весной.

Я выразительно завела глаза к потолку.

– И тем не менее. Там было чудовище, которое мне угрожало.

Вертикальная складка на переносице зельевара сделалась еще глубже.

– Ты ведь только что приехала в академию, – произнес он, резко перейдя на “ты”. Ладно, пусть так.

– Вот именно. Кто тут может мне угрожать? Кому я перешла дорогу?

Джеррит рассмеялся.

– Анне, разумеется. Она очень хочет стать госпожой Грюнвальд, любая новая барышня в академии для нее конкурентка.

Я усмехнулась. Впрочем, это звучало вполне разумно. Особенно если вспомнить ее вчерашний подкол по поводу моего немодного кружева. И она сразу потащила Мартина в беседку, наглядно показывая, что мне тут нечего ловить, место занято, и я должна понимать весь расклад дел в академии.

И да, Мартин не имел ничего против. Всегда можно найти способ отбрыкаться от назойливой поклонницы, если уж она тебе не нравится. А ректор не отбрыкивался.

Впрочем, это не мое дело. А вот призрак в зеркале – уже мое.

– Одним словом, вытащи эту дрянь из зеркала, – сказала я. – Распыли, развей, сделай так, чтобы чары упали на того, кто направил призрака. А я за это, уж так и быть, пойду с тобой на свидание.

Джеррит улыбнулся.

– Договорились. Не планируй ничего на сегодняшний вечер.

Завтрак удался на славу. Биглики просто смели с подносов, и я сделала заметку: выбить из ректора деньги и купить новую печь, раз выпечка так хорошо тут заходит. И кстати, в шкафчики с закусками вполне можно закладывать и булочки. А против насекомых и прочей нечисти установить самообновляющееся заклинание.

Анна пришла на завтрак позже всех: видно, декан Гинкель снова не давал ей покоя с календарно-тематическим планированием. Выглядела она бледной и недовольной, зато нежно-сиреневое платье было пошито по той моде, которая даже в столице еще считалась отчаянной. Глубокое декольте впечатляло отсутствием корсета, и я отметила: прогрессивная девушка, не носит всю эту сбрую.

Ведьма.

Нежная туника свободного покроя сужалась к талии, а ниже, от широкого пояса, растекалась нежными складками. Кто-то из студентов даже восторженно ахнул. Я всматривалась в этот наряд на грани бесстыдства и думала: нет, не так все с ним просто. Там и лиф платья на косточках, поэтому ткань и не морщит, нежно обрисовывая тело. Сама туника сшита из кисеи, но под ней – нижнее платье из плотного атласа. Так что сбруи хватает.

Интересно, на лекции она точно так же ходит? Или сегодняшний выход просто ради того, чтобы окончательно забить конкурентку за

плинтус?

Да ладно, какая я ей конкурентка. У нас с ректором Грюнвальдом просто рабочие отношения. Никаких личных и быть не может. Незачем госпоже Шрайбер запугивать меня привидениями в зеркалах.

Уверенным упругим шагом Анна прошла к столу, где завтракал Мартин – увидев ее, он дернул левой бровью и тотчас же поднялся. Они обменялись парой слов, причем девушка очень нежно дотронулась до его руки, а затем ректор двинулся к выходу из столовой так быстро, что это было похоже на побег.

Анна недовольно посмотрела ему вслед, опустила за стол, и домовый поспешил к ней с подносом.

А я отправилась сварить кофе, переодеться и отдохнуть часок. До обеда еще было время – осталось только раздать распоряжения домовым по поводу заготовок.

Но переодеться было не во что. Когда я вошла в свою комнату, то увидела открытые дверцы шкафа, а за ними сиротливую пустоту. Белье и пальто, туфельки и сапожки на холодную погоду никуда не делись, а вот платья, юбки и рубашки исчезли без следа.

Некоторое время я стояла, глядя на шкаф, как баран на новые ворота. Потом бросила по комнате несколько заклинаний: нет, никто сюда не входил – впрочем, опытный маг способен и обмануть такие чары, они простенькие.

В общем, мне не во что одеться. И если я, например, пойду в ванную, то и поварская одежда исчезнет.

Я пробормотала что-то невнятно-нецензурное. Шутники, вы только посмотрите на них. Юмористы-самоучки.

И вот я пойду к ректору и скажу: господин Грюнвальд, у меня украли всю одежду. Нет, это точно будет выглядеть, как нелепая попытка подката. Нелепая и глупая.

Ладно. Разберемся. Я закрыла шкаф и вышла из комнаты.

Джеррит обнаружился в приветственном зале. Большая группа студентов стояла возле зеркала, и зельевар, который сейчас был разодет, как на бал – идеально пошитый костюм, пышный галстук цвета фламинго, рубашка такой белизны, что глазам становится больно – крутил в пальцах маленькую палочку: иногда маги их используют для особо сильных чар.

– Итак, мои юные друзья, у нас с вами сейчас будет возможность поймать и изучить heatha prigeus. Глубозеркальный призрак – одно из тех темных существ, с которыми вам предстоит сражаться. Он не опасен, но способен доставить несколько неприятных минут. Ну же, уважаемый heatha, появись! Мы ждем.

Он постучал по зеркальной раме, и отражение вдруг потекло, размазываясь и наполняясь чернотой. Я на всякий случай встала чуть в стороне, чтобы не видеть призрак в деталях. Хватило и вчерашней встречи.

– Вот он, – негромко произнес Джеррит и вдруг погрузил руку в зеркальную гладь. Послышался такой визг, что все мы даже присели от неожиданности, закрывая уши.

Лицо Джеррита обрело свирепую ярость воина. Он выдернул руку с призраком из зеркала, и я с ужасом увидела, что дымная черная капля опалила его пальцы – мелькнули белые полоски костей, и кто-то из девушек охнул.

– Ага! Вот он, красавец! – довольно сказал Джеррит, показывая всем свою завывающую добычу. Один из студентов протянул большой хрустальный фиал: зельевар стряхнул в него призрака, ловко заткнул пробкой, и в приветственном зале воцарилась тишина.

Я поймала себя на том, что кусаю костяшку пальца от страха. Джеррит ослепительно улыбнулся, дунул на обгорелую руку и на ней начала нарастать свежая кожа и плоть.

– Итак, друзья, помним! – принц улыбнулся так беспечно, словно это не его пальцы сейчас прогорели до костей в зазеркалье. – Обязательно используем волшебную палочку. Heatha prigeus очень силен, и без нее вы просто не пробьетесь к нему. И заранее подготовьте необходимые чары, чтобы потом залечить свою рану.

Студенты восторженно зааплодировали. Джеррит шутовски поклонился во все стороны с ослепительной улыбкой, а потом заметил меня, подошел и поинтересовался:

– Что скажете, прекрасная повариха? Я заслужил свидание?

– Заслужил, конечно, – кивнула я. После такого подвига кто бы отказался от прогулки? – Рука сильно болит?

Джеррит посмотрел на свои пальцы так беспечно, словно хотел сказать, что все это полные пустяки.

– Такова работа зельевара и боевого мага, – заметил он с отменным равнодушием. – Тут ожог, там удар, здесь рана. Неприятно, конечно, но ничего смертельного. Ты очень бледная, Эмма. Испугалась?

– Нет, конечно, – я тоже решила выглядеть спокойной и равнодушной. Моя академия не была боевой, но там тоже было, на что посмотреть в плане монстров и следов от них. – Беда в другом.

Джеррит нахмурился.

– Что стряслось?

– Понимаю, что это звучит просто по-дурацки, – призналась я. – Но кто-то свистнул все мои платья.

Зельевар вдруг расхохотался так беспечно, что мне тоже стало намного спокойнее. Да, мои вещи украли, но ничего страшного. Хотя бы пальцы целы.

– А, это с тобой знакомится Ульрих, – объяснил Джеррит. – Наш замковый дух. Живет тут с десятого года новой эры, считает себя полновластным хозяином, но серьезно не вредит, скорее шутит. Сейчас он уже подбросил тебе что-то новенькое, и это обязательно надо надеть и носить несколько часов.

Я представила жуткую ветошь, которую Ульрих повесил на плечики в шкафу и невольно поежилась.

– И часто он так шутит?

– Вовсе нет. Это, как говорят студенты, прописка. Приветственная шутка. Если ты примешь ее с достоинством и уважением, то Ульрих больше не будет шутить. А если нет... Ну ты же не хочешь, чтобы вся мука превратилась в мышиный помет? А вместо изюма появились полные мешки углей?

Все это выглядело по-дурацки. Призраки в зеркалах, замковые духи... Впрочем, в моей академии тоже был призрак пьяного монаха, который всем подносил стаканчик из ректорских погребов. Выпьешь – и никаких проблем на сессии не будет. А не выпьешь, так пеняй на себя, минимум две пересдачи тебе гарантированы.

– И сколько я должна носить это платье? – поинтересовалась я.

– Сегодня в течение дня, – ответил Джеррит, вода пальцами по коже пострадавшей руки. – Я определенно хочу увидеть, что именно

тебе приготовил старина Ульрих.

Я вздохнула, и мы пошли в мою комнату.

– Что он обычно готовит? – спросила я, поднимаясь по лестнице. Джеррит пожал плечами.

– Это неправильный вопрос. Правильный: где он все это берет? Анне, например, он приволок новенький наряд крестьянки из времен короля Трауба. Я удостоился рыцарских лат. А тебе...

Я открыла дверь и сразу же увидела алое платье, торжественно выложенное на кровать. Казалось, что в комнату влетела экзотическая птица и опустилась на покрывало, раскинув крылья.

Платье даже пахло. Почему-то липовым цветом с нотками арбуза.

– Ну это еще не так плохо! – весело сказал Джеррит. – Кажется, наш Ульрих забрался в костюмерную какого-то театра. Давай-ка надень скорее, нужно выразить уважение.

Зельевар остался за дверью, а я принялась переодеваться. Сняла поварскую форму, надела платье, затянула все крючки и шнурочки – будь благословенна та мода, которая позволяет одеваться самой, без помощи служанки. Повернулась к зеркалу и вздохнула.

Ярко. Свежо и смело. Плечи, грудь и шея открыты намного сильнее, чем позволяет мода, но некая недосказанность сохраняется – это не декольте чуть ли не до пояса в платье Анны.

Я представила ее, раздетую, словно крестьянка, и не сдержала усмешки. Открыла дверь, впуская Джеррита, и спросила:

– Ну как?

Зельевар нахмурился.

– Просто ужасно, – признался он совершенно похоронным тоном. – Ты выглядишь, как падшая женщина.

Я оторопело уставилась на него. Видно, у меня не было опыта встреч с падшими женщинами, чтобы я могла с лету понять, как именно они одеваются и выглядят. Но Джеррит выглядел очень серьезным, почти строгим, и я ему поверила.

Прекрасно, просто прекрасно! Спасибо на добром деле, господин Ульрих, теперь я вынуждена ходить по замку, словно шлюха!

Мартин увидит меня и как минимум будет смеяться. И Анна будет довольна: после такого выхода ректор точно перестанет обращать на меня внимание. Мне оно, конечно, не нужно, но все же...

– И что же делать? – спросила я. Джеррит кивнул так, словно давал понять, что я в надежных руках опытного человека, и заверил:

– Сейчас решим. Повернись-ка к окну.

Я послушно встала так, как было велено. Джеррит замер у меня за спиной и я еще подумала: он ведь не воспользуется случаем и не позволит себе лишнего. Ведь правда?

– Конечно, ты выглядишь просто сногшибательно, – признался зельевар и едва уловимым движением дотронулся до моей открытой спины. – Но давай-ка сейчас немного поднимем все это, сократим простор для фантазии. Приделаем к нему рукава, потому что...

Послышались шаги, кто-то еще быстро вошел в мою комнату, и повеяло огнем и гарью. Я обернулась, увидела Мартина и едва не задохнулась от того гнева, который его окружал.

В следующий миг Джеррита уже отбросило на мою кровать славным ударом в лицо.

– Тварь какая, а... – прошипел Мартин, и я с ужасом увидела, как над его головой расцветает пылающий нимб, а по лбу и щекам бегут золотые чешуйки.

Он обращался в дракона! Он увидел, как Джеррит что-то делает с моим платьем – наверняка снимает, что ж еще тут можно было делать – и разъярился.

Но Джеррита было этим не пронять. Неуловимым движением он скользнул в сторону, поднял руку, и над ладонью вспыхнул алый лепесток.

– Хотите дуэли, господин Грюнвальд? – обманчиво ласковым тоном осведомился зельевар. – Прекрасно. Я вас вызываю.

Глава 4

Однажды я видела дуэль магов: пятикурсник в моей академии вызвал на дуэль одного из молодых преподавателей, который якобы положил глаз на чужую невесту. Точно такие же алые лепестки трепетали над их ладонями, и меня, простую зрительницу, тогда охватил такой же страх, как и сейчас.

Если маги сражаются, то их зачастую охватывает безумие. Они теряют над собой контроль.

А что будет, если дракон обезумеет?

– Прекратите немедленно оба, – громким шепотом сказала я. – Господин ректор! Возьмите себя в руки, прошу.

– Я лучше его шею сейчас возьму в руки, – процедил Грюнвальд, и я воскликнула:

– Да вы горите, Мартин! Мы сейчас тут все вспыхнем!

Додумался тоже, почти обратился в помещении. Что останется от академии, если ректор окончательно потеряет контроль над собой?

На всякий случай я окутала тело заклинанием против огня – вроде бы надежное, крепкое, но поди знай, удержится ли оно против драконьего пламени. Не приходилось проверять. Норберт мог поднять на меня руку, но огнем никогда не дышал.

Губы ректора сжались в нить. Он махнул рукой над головой, огненный нимб начал таять, и чешуя растворилась. Можно было вздохнуть с облегчением.

– Что вы себе позволяете? – продолжала я. – Почему вы ко мне ворвались? Руками еще тут размахиваете...

– Дуэль, – прежним сладким тоном повторил Джеррит. – Я королевской крови! Ваш поступок это государственная измена, пусть моя кровь и изрядно разбавлена.

– Да помолчи ты, – бросила я, и Мартин осведомился:

– И давно это вы перешли на “ты”?

– Когда надо, тогда и перешли, – отрезала я.

Вся эта ситуация выглядела донельзя нелепой. Ректор бросился в драку так, словно Джеррит покусился на его собственность. Словно снимал платье с его невесты или жены.

Но я-то не была ни женой, ни невестой – тогда Мартина можно было бы понять. Я была просто повариха в академии, вот и все. Которая, к тому же, провела здесь неполные сутки.

С чего бы работодателю так ревниво относиться к личной жизни работников?

– Вы бы лучше усмирили вашего замкового духа, – продолжала я. Мартин вопросительно поднял бровь. – Этот Ульрих уволок мою одежду! Все, что было! Оставил вот это, но Джеррит сказал, что в таком виде выходить нельзя и собрался изменить фасон, нарастив рукава. Все!

Мартин не сводил с меня взгляда, будто пытался понять, вру я или нет. Господи, я только вчера приехала в эту академию: и вот меня атакует глубозеркальный призрак, другое привидение устраивает дурацкий розыгрыш, а ректор почему-то ревнует так, что бросается в драку.

– В конце концов, вам-то какое дело? – продолжала я. – Претензии к завтраку были?

Ректор не ответил. Он сейчас выглядел так, словно готов был провалиться под землю со стыда – и в то же время понимал, что не мог поступить иначе. Что обязательно залепил бы зельевару оплеуху, если бы все повторилось.

На него рухнул водопад странных чувств, он не понимал, что происходит...

...и это нервная система пробует приспособиться к истинной.

Он ведет себя так, словно я его истинная. Это неожиданно и пугающе, и Мартин сам себя не узнает и не понимает.

Нет. Невозможно. Такого просто не может быть.

Потому что я уже знакома с Норбертом, он готов сделать мне предложение, он уже чувствует, что нашел свою истинную пару.

Но что, если он соврал мне? И не было никакой истинности, и он не отсекал нашу связь заклинанием Лезвия, а просто обманул всех. И все были рады обмануться. Мой отец счастлив: дочь из достойной и благородной, но всего лишь человеческой семьи, станет женой дракона. Я была счастлива: все девушки мечтают о верной и вечной любви, и вот она обретена.

Но все могло быть ложью. И Норберт просто пустил всем пыль в глаза, потому что ему нужны были мои уникальные заклинания. Моя

способность брать в руки нити мировой магии и выплестать из них собственные узоры.

И я сбежала из будущего, чтобы изменить прошлое – и встретила свою настоящую истинную пару.

Поэтому ректор Грюнвальд сходит с ума, ревнует и не понимает, что с ним происходит.

Все это пролетело в голове за несколько мгновений. Я встала так, чтобы мужчины не принялись бросаться шарами Вурнта прямо сейчас и сказала, стараясь говорить как можно спокойнее и отчетливее:

– Вы оба немедленно успокойтесь. Никаких дуэлей. Господин ректор, я должна с вами поговорить. Наедине, сейчас.

Джеррит издал раздраженный низкий звук: он, похоже, не собирался ни уходить куда-то, ни отказываться от дуэли. Его можно было понять: не делал ничего предосудительного, не приставал к чужой жене или невесте, но получил славный удар ни с того, ни с сего. Он прав, это в самом деле можно подвести к государственной измене.

– Пожалуйста, – я обернулась к зельевару. – Я очень тебя прошу, просто подожди меня в приветственном зале. Я все объясню, обещаю.

Джеррит вздохнул.

– Ладно. Только потому, что ты просишь, Эмма. Но от дуэли я не отказываюсь!

Джеррит вышел из комнаты, закрыл за собой дверь, но шагов по лестнице я не слышала: он остался подслушивать. Торопливо соткав заклинание Тишины, которое не позволило бы ему уловить ни слова, я обернулась к ректору.

Собираюсь говорить об истинной паре. Одета, как падшая женщина. Хотя, Джеррит мог и соврать: я бы считала, что он оказал мне очередную услугу, спас мою честь, и невольно расположилась бы к нему.

– Послушайте, Мартин, – начала я. – Вы понимаете, что ведете себя неправильно? Беситесь, злитесь, ревнуете, не осознаете своих чувств...

Ректор нахмурился. Кивнул.

– Ну ведь не случилось ничего такого, чтобы бить подчиненного, правда? – продолжала я. – Мы с вами не встречаемся, не помолвлены,

я свободная женщина. Верно?

Мартин одарил меня очень тяжелым, неприятным взглядом исподлобья.

– Верно, – нехотя ответил он.

– Давайте рассуждать логически. Как вы думаете, почему все это происходит? Может это быть какая-нибудь порча, например? Чужие злонамеренные чары?

Взгляд Мартина прояснился, словно от моего предложения поразмышлять ему сделалось спокойнее.

– Нет, это точно не порча и не злонамеренные чары, – ответил он.

– Я установил очень мощную защиту... у ректора академии много врагов, знаете ли.

Я понимающе кивнула. Ректор академии это всегда власть и авторитет, особенно в таком глухом краю, как это. А если ты обладаешь властью, то всегда отыщутся те, кто захочет ее забрать – и у них цель всегда оправдывает средства.

– Правда, пока защита отбила только одно заклинание, – добавил Мартин. – Легонький приворот. Автор был тщательно зашифрован, но я понимаю, кто это. Жаль, что моего понимания без улик недостаточно для увольнения.

Анна не производила впечатления дуры: такие, как она всегда позаботятся о том, чтобы выйти сухими из воды. А влюбленность всегда можно связать с женским очарованием, оно бывает посильнее любой магии.

– Я тоже понимаю, – улыбнулась я. – Так. Как вы себя чувствуете, Мартин? Может, заболеваете? Может, какой-то хронический недуг так проявляется?

Ректор усмехнулся с нескрываемым презрением ко всем недугам.

– Я здоров, как бык, – ответил он. – У меня даже простуды не бывает.

– Значит, вы здоровы, – я начала загибать пальцы на руке. – Ваша защита от чужих чар работает отлично. Но вы ведете себя странно. С чем это может быть связано, как по-вашему?

Мартин нахмурился. Сделал несколько шагов туда-сюда: комната была маленькой, особо по ней не расходишься. Потом он остановился, обернулся на меня и с какой-то детской растерянностью спросил:

– Что же получается... вы моя истинная?

Слово было сказано. По спине будто провели горячей ладонью. Я неопределенно пожалала плечами, стараясь сохранять спокойный вид.

– Вы дракон. Вам виднее, как все это происходит.

Мартин сел на край кровати, не сводя с меня оторопелого взгляда. Я почти слышала, как в его голове проносятся тысячи мыслей одновременно.

Истинная – величайшее счастье для дракона. Редкость. Но истинная ректора Грюнвальда – это повариха из его академии, которая вынуждена бежать и скрываться. Девушка из приличной и достойной, но все же не из самой богатой и благородной семьи.

И он теперь понятия не имеет, что с этим делать.

– Простите, – произнес Мартин. – Я... я растерялся, правда. Это очень неожиданно, но...

Он снова поднялся и начал ходить туда-сюда. Я покосилась в сторону двери, чувствуя, как по нитям заклинания прошла волна: кто-то пытался их взломать.

– Эмма! – донесся голос Джеррита из-за дверей. – Если тебя там удерживают против воли, дай знать!

Ректор недовольно обернулся на голос. Скривился.

– Слушайте, но все совпадает, – сказал он. – Поток чувств... теперь я вижу, откуда все это взялось. Получается, вы и правда моя истинная, Эмма.

И кажется, он не был этому рад. Он не был готов к встрече с женщиной, которую для него создали небеса, и сейчас пытался привыкнуть к таким новостям. Не знаю, откуда у меня взялось это ощущение, но я словно прочла мысли Мартина.

Неудивительно. Если в магическом смысле мы единый механизм, то чтение мыслей еще не самое впечатляющее.

– Поток чувств, – повторила я. – Но знаете, что? Давайте не будем форсировать события. Я могу быть вашей истинной, а могу и нет. Может, это какие-то особые чары или волнение общего магического поля. Давайте посмотрим, как все будет развиваться... и мне уже пора заняться обедом. Домовые, конечно, сделают заготовки, но...

Мартин улыбнулся. Дотронулся до моей руки, сжал пальцы.

– Что на обед? – поинтересовался он.

– Киш лорен с лососем, свекольный суп с говядиной и куриное филе со сладким перцем, – с улыбкой ответила я. – Будет вкусно,

правда.

– Хорошо, – кивнул Мартин. Его улыбка сделалась теплой и мечтательной. – Тогда да... давай поговорим обо всем вечером. Может, тогда дело и прояснится.

Он прошел к двери, открыл ее и тотчас же получил в лицо белоснежную перчатку. Джеррит, сосредоточенный и холодный, шагнул в комнату бросил взгляд в мою сторону – убедился, что все в порядке – и церемонно произнес:

– Я вызываю вас на дуэль, господин Грюнвальд. Немедленно. Не думайте, что можете кого-то ударить и обойтись без последствий.

– Идиоты, – вздохнула я. – Ладно, мне некогда, я не буду смотреть на этот позор. Мартин, тебе и правда следует извиниться. Мне казалось, ты все понял.

Джеррит вопросительно поднял рыжую бровь.

– А, теперь и с ним на “ты”. Он как-то вынудил тебя? Применил насилие?

Я выразительно завела глаза к потолку. Возможно, если я буду насмехаться и глумиться, они оба поймут, какие дураки?

– Ни в коем случае. Все в порядке. И мне пора заняться обедом. А вы, детки, если не можете поделить песочницу, то лучше разойдитесь по углам. А я займусь делами, а не глупостями.

Нет, можно было бы метаться между ними раненой голубицей, умоляя опомниться. Но из опыта моей сестры Греты, которая несколько раз была причиной дуэлей, я знала, что мужчин это только раззадоривает.

– И включите вы уже головы, – посоветовала я, выходя из комнаты. Наверно, ни одна академическая повариха никогда не готовила в платье падшей женщины: ну и ничего, наставлю на него пятен, пусть потом Ульрих бесится. – Ваша дуэль это однозначное увольнение для вас обоих. Я не очень хорошо знаю традиции министерства образования, но оно вас за такое не наградит. Логично?

И не стала выслушивать ответ. Пошла вниз по лестнице, не оборачиваясь.

Киш лорен – самый вкусный из открытых пирогов. Нежный, ароматный, он производит одинаковое восторженное впечатление и в

праздники, и в будни. Войдя на кухню и заглянув в морозильный ларь, я увидела там тесто: домовые сначала соединили муку и масло, нарезав его кубиками, перетерли лапками в крошку, а потом добавили яйцо, соль и ледяную воду и собрали тесто в шар. Один из домовых старательно нарезал филе лосося, второй чистил розовые помидорчики.

– Какие вы умнички! – похвалила я. – Прекрасное тесто! И заготовки хороши!

Домовые весело заулыбались: похоже, прежние повара не имели привычки хвалить их. Вигвард прыгнул со скамейки и подбежал ко мне с поварешкой в лапке.

– И бульон для супа уже сварили, – сообщил он, снова боднув меня лбом. – И пенку с него снимали, как следует!

– Вот вы молодцы! – одобрила я. – Ну что, за дело!

А дела нам всем хватало. Мы приготовили зажарку для супа: свеклу, лук и морковь. К зажарке я добавила лимонного сока – так у супа будет пряная кислинка и насыщенный красный цвет. Вигвард сосредоточенно смотрел, как я выжимаю лимон, и сказал:

– А раньше лимончик не клали. Суп по цвету был, как тряпочка.

– Ну допустим, не как тряпочка, не надо так говорить про еду, – посоветовала я. – Но куда же свекольный суп без яркости, правда?

Потом дела пошли так быстро, что у меня не хватало времени перевести дух. Одно дело готовить на кухне для семьи и совсем другое – стряпать обед для целой академии. Без домовых я бы точно не справилась: но вот нашими общими стараниями свекольный суп с говядиной багровеет в сверкающих кастрюлях, киш лорен пытит в духовке, а куриное филе, нарезанное аккуратными кусочками и соединенное с красным перцем, чесноком и восточным соусом, томится на сковороде. Я проверила рис – он лучший друг такой вот курочки – и со вздохом опустила на скамью.

– Вот мы молодцы, правда? – сказала я, и домовые довольно закивали. – Но надо что-нибудь придумать, чтобы мы с вами так не уставали.

Домовые переглянулись. Я хотела было рассказать им о том, как была устроена кухня в академии, где я училась прежде, но не успела – вошел человек с таким угрюмым и желчным лицом, что сразу стало ясно: пришли проблемы.

Пора его свежести и молодости миновала: незнакомец приближался к пятидесяти. Каштановые волосы были идеально уложены, сухое, гладко выбритое лицо выглядело угрюмым, круглые очки с синеватыми линзами так и сияли, невысокое худое тело было затянута в темный костюм наподобие тех, что носят могильщики. И веяло от этого человека несокрушимым и постоянным соблюдением всех правил, словно он сам был не живым существом, а каким-нибудь кодексом уставов и уложений.

– Новая повариха, – произнес он и протянул мне книгу в коричневом переплете. – Эмма Аутенберг. Вот постановления и правила работы на кухне, ознакомьтесь.

Он рассматривал меня так, словно я была не живым существом, а каким-нибудь монстром в багровом наряде.

– Благодарю вас, – откликнулась я с улыбкой. – С кем имею честь?

– Филипп Вайдфогель, заведующий хозяйством Дандевара, – представился незнакомец с таким видом, словно моя улыбка вызывала у него зубную боль. – Отчеты по износу утвари, употребленным продуктам и моющим средствам будете предоставлять мне ежедневно после ужина. Вчера мы все пропустили. Все поставки организуете только через меня. Кухню и кладовые уже осмотрели? Что нужно дозаказать?

Я вздохнула.

– Да, господин Вайдфогель, я составлю вам список. Пробу с обеда снимать будете?

Завхоз посмотрел на киш лорен, который домовые как раз вынимали из духовок, и пирог, кажется, съежился под его взглядом.

– Обязательно, – произнес Вайдфогель и взялся за вилку и ложку.

Завхоз снимал пробу с таким лицом, словно домовые поднесли коровьего навоза на лопате, и теперь ему, несчастному, приходится иметь с ним дело.

– Весьма недурно, – прежним ровным тоном сообщил он, попробовав все блюда, и край его рта дернулся. Похоже, это была улыбка. – Вы отличный кулинар, госпожа Аутенберг, но такая форма одежды недопустима на пищевых работах. Если так пойдет и дальше...

Он не договорил. В столовую дикими прыжками влетел домовый, которого, кажется, звали Вигфрид, и заорал, указывая лапой в сторону:

– Там! Там! Там господин зельевар сейчас убьет нашего ректора!

Вайдфогель даже очки сдвинул на кончик носа.

– Как убьет? – изумился он. – Это не по уставу!

Я рванула из кухни так, что только чудом ничего и никого не снесла пышными алыми юбками. Завхоз кинулся за мной, повторяя:

– Нарушение правил! Неслыханное нарушение правил! Устав...

– Да плевать на ваши книжки! – бросила я через плечо. – Есть камни Жельдра?

Такие камни использовали в магии для того, чтобы заставить любое живое существо оцепенеть. Просто сожми камень в руке, и проворный таракан, например, застынет на месте. Или преподаватель, который заедает студентов на практическом занятии.

Конечно, в академиях магии такие камни строго запрещены. Но где еще добывать запрещенку, как не у завхоза?

– Не смей называть устав книжкой! – возмущенно прокричал Вайдфогель и над моим ухом что-то просвистело. Я схватила камень, который он мне бросил, и мы выбежали на улицу.

В саду собиралась толпа. Перепуганные студенты смотрели куда-то на лужайку, и я слышала краем уха, как делаются ставки. Преподавателей пока не было, даже Анна еще не подошла: ну она-то, возможно, наблюдала за дракой из окна, записывая эту дуэль на свой счет, но где же госпожа Винкельман? Проректор показалась мне той, кто будет следить за порядком и правилами не хуже Вайдфогеля.

Зельевар был вооружен застывшим усиливающим заклинанием: в его руках оно было похоже на огромную золотую сосульку. Оседлав поверженного ректора, Джеррит давил этой сосулькой на его горло: судя по вонючим рассыпанным заклинаниям, зельевар использовал некое подобие выварки Поули, чтобы не дать Мартину обратиться в дракона.

Нет, я, конечно, рассчитывала на их благоразумие. Думала, что мужчины все-таки возьмут себя в руки, услышат голос рассудка, увидят, что я не бегу за ними с растрепанными волосами, умоляя прекратить эти глупости... Ну вот что ты будешь делать, а?

– Замри! – заорала я так, что над садом с испуганными криками поднялась стая ворон. – Замри, где стоишь!

Камень Жельдра впился в ладонь, и ожили чары. Дуэлянты замерли: они могли двигать глазами и говорить, но не шевелиться. Я подбежала к ним и в ту же минуту, едва не сбив меня с ног, примчалась госпожа Винкельман.

– Господь и все его святые! – воскликнула она, всплеснув руками.
– Мартин! Джеррит! Вы с ума сошли? Как это понимать?!

– Никто не смеет тянуть руки к моей истинной, – прорычал Мартин и по его глазам стало ясно, что он пытается освободиться, но не может. Я по-прежнему сжимала камень: выпущу его, когда эти двое успокоятся.

Второй день я в академии, и уже такой скандал. Что будет завтра, даже думать страшно.

– Никто не смеет меня бить! – нервно вскрикнул Джеррит. – Это государственная измена! Покушение на королевскую кровь!

Студенты за нами испуганно переговаривались: кажется, никто из них не делал ставку на то, что примчусь я и окаменю дуэлянтов.

– Какая истинная? – раздался возмущенный голос, все обернулись, и Вайдфогель сразу же встал так, чтобы закрыть меня от Анны, которая ворвалась на поляну с видом разгневанной драконицы.
– Что за истинная?

Несмотря на то, что явление истинной пары было известно много веков и давно стало тем, что не нуждается в доказательствах, были и такие, кто в нее не верил. Мало ли, что драконы говорят? Почему-то своих истинных они почти всегда находят среди принцесс и баронесс, а не среди крестьянок и служанок.

Нет, бывали, конечно, и служанки, которые выходили замуж за драконов, но это было настолько редко, что не считается.

Вот и Анна думала, что ее чар будет достаточно, чтобы разбить в крошку любые легенды.

– Что вы несете тут? – неприятным свистящим тоном промолвила она. – Мартин, что за дурацкие выходки? Какая может быть дуэль в твоём положении? Ты ректор академии! Опомнись!

– Я говорила то же самое, – поддакнула я из-за плеча завхоза, который благообразно не отступал. Анна обернулась ко мне и отчеканила:

– Заткнись, шлюшка, и не вылезай от своих котлов.

– Замри-онемей, – сказала я и сжала камень еще сильнее. Анна остолбенела: если бы взгляд мог поджигать, я бы уже полыхала вовсю. Еще сильнее Анна злилась от того, что не могла говорить.

– Значит, так, – я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. – Я постепенно начинаю убирать действие камня. Первым пойдет Джеррит... идиот несчастный. Вторым господин Грюнвальд. Такой же идиот. А уже потом...

Я не успела договорить. В сад высыпал целый полицейский отряд в темно-синей форме: выглядели стражи порядка так, словно готовы были покрошить в капусту любую магию.

Офицер, который возглавлял отряд, изумленно уставился на окаменевших дуэлянтов, и я сразу же освободила их. Мужчины поднялись на ноги, и Мартин тотчас же шагнул в сторону полиции.

– Что случилось, господа? – осведомился он. Видимо, офицер знал его, потому что поднес руку к козырьку и уважительно сообщил:

– Господин ректор, тут нужно разобраться с недоразумением. У нас заявление. В академии заложница.

Я разжала руку, и камень Жельдра выпал на землю, освободив остальных оцепеневших.

Норберт рядом. Мои родители рядом. Я не сумела от них сбежать, меня нашли почти сразу.

Все было напрасно. На какой-то миг меня окутало такое отчаяние, что перед глазами начала сгущаться тьма.

– Какая заложница? – нахмурился Мартин. – Что за бред, Малькольм?

Малькольм тотчас же утратил весь свой боевой лоск и сделался похож на студента, которого застали за списыванием на экзамене.

– И тем не менее, господин Грюнвальд, вот, – он протянул Мартину несколько листов бумаги, и я краем глаза увидела свой портрет. Никогда не думала, что попаду в полицейскую ориентировку.

У меня заключен пожизненный контракт с академией. Пусть меня хоть за ноги отсюда тащат, не вытащат. Мартин может расторгнуть его, конечно, но он ведь на это не пойдет.

Или Норберт, у которого рушатся все его планы, пойдет на все, что угодно? Предложит Мартину деньги, много денег. Замок на юге.

Фамильные драгоценности и артефакты. А что могу предложить я? Только сомнительную истинность и уйму проблем.

Я уже успела узнать, как мужчины бывают хозяевами своего слова. Сами дали, сами и заберут.

– Ну и что? – спросил Мартин, возвращая ориентировки. – Это наша повариха, да. У нее подписан бессрочный контракт с академией, она не может покинуть Дандевар.

Анна, которая все это время смотрела то на Мартина, то на полицейских, шагнула вперед и нервным дрожащим голосом воскликнула:

– Мошенница! Преступница! Заберите ее отсюда, офицер!

Я открыла было рот, чтобы посоветовать ей замолкнуть, но Патриция вскинула руку, призывая к тишине.

– Госпожа Шрайбер, помолчите, пожалуйста.

Анна отступила, недовольно сопя и раздувая ноздри. Казалось, она готова была броситься в битву. Студенты застыли, предвкушая новые номера в программе. Как им будут завидовать товарищи, которые еще не приехали в академию!

– Да, госпожа Аутенберг здесь, – произнес Мартин и кивнул в мою сторону. Я утвердительно качнула головой, придавая себе спокойный и уверенный вид. – Она принята на работу в Дандевар, это сделано по ее доброй воле, без принуждения. Никто ее не прячет и не скрывает.

– С чего вообще взяли, что я тут в заложниках? – осведомилась я.
– У меня здесь работа.

Малькольм скользнул по мне пристальным оценивающим взглядом, будто собирался увидеть кандалы на запястьях или веревку, которая опутывала ноги. Видно, он направлялся сюда с отрядом, чтобы спасти невольницу в лохмотьях из подземелья. А тут я стою красивая, спасибо Ульриху.

– С того, госпожа Аутенберг, что ваши родители написали заявление о вашей пропаже, и вы во всекоролевском розыске, – важно ответил офицер. – Ваш жених, господин Брикенхорф, сегодня прилетел в Ротбург, он ищет вас.

Ротбург был небольшим городком в пяти милях от академии. Из культуры и развлечений там были кулачные бои и пляски вокруг майского шеста.

– У меня нет жениха, – холодно сообщила я. – И это выглядит очень странно и нелепо. Я совершеннолетняя. Я имею полное право без отчета ехать туда, куда захочу, и работать там, где пожелаю.

– И вот именно сейчас я вижу попытку захвата заложницы на территории академии, – поддержал Джеррит. – Вы врываетесь сюда, показываете какие-то странные бумаги, пытаетесь вывести отсюда нашу сотрудницу. Этот, как там его, жених вам заплатил?

Малькольм посмотрел на зельевара тем взглядом, который советует замолчать, пока сказанное не довело до ареста.

– Ваша светлость, вы сейчас неправы, – произнес он. – Поступил сигнал, мы должны были его отработать по всей форме. Госпожа Аутенберг, подтвердите при свидетелях, что находитесь в академии добровольно и не желаете ее покидать.

Анна издала настоящее змеиное шипение. Будь ее воля, она бы выволокла меня из Дандевара за волосы.

– Подтверждаю, – кивнула я. – Меня здесь все устраивает.

Хотела было добавить “кроме дурацких призраков с их шуточками”, но не стала. Малькольм едва заметно качнул головой.

– Если вам нужна помощь, скажите прямо сейчас. Мы сможем вас забрать отсюда.

Он блефовал и понимал, что блефует. Если бы ректору Грюнвальду в самом деле надо было бы удержать меня в академии, ему никакая полиция не помешала бы.

– Разве только на кухне с мытьем посуды, – улыбнулась я. – И передайте господину Брикенхорфу, что он мне не жених. Я не знаю о том, что он готовился сделать мне предложение... но даже если и так, я не принимаю его.

Во взгляде Анны дымилась ненависть, и я на всякий случай подбросила защитных заклинаний. Мало ли, какую порчу она захочет наслать на меня.

– Понятно, – угрюмо кивнул Малькольм. – Что ж, тогда мы вас не задерживаем. Всего доброго.

И отряд двинулся прочь. Несколько мгновений мы все смотрели ему вслед, потом я улыбнулась и сказала:

– Раз все закончилось, прошу к столу. Там стынет киш лорен!

Глава 5

После обеда я отдала домовым распоряжения насчет заготовок к ужину, поднялась к себе и обнаружила, что все платья вернулись на место. Поблагодарив Ульриха, я переоделась, повесила в шкаф алое платье порочной женщины, и мне сразу же сделалось намного спокойнее.

Я не хотела быть настолько яркой. Не желала привлекать к себе внимание.

По моим подсчетам, полицейский отряд, отправленный спасать заложницу, уже вернулся в Ротбург: сейчас Норберт выслушивает рассказ Малькольма и меняется в лице.

Он и правда не понимает. У нас было несколько встреч, за которые он сумел очаровать и меня, и моих родных. Теперь я нахожусь в восторженном трепете первых минут влюбленности и жду предложения о помолвке. Я просто не могу вот так взять и сбежать на другой конец королевства, в провинциальную академию. Это выглядит крайне дико и нелепо.

Но я сбежала. И Норберт сейчас пытается понять, что он сделал не так.

И не поймет. Он ведь не знает, что я вернулась в свое прошлое из невыразимо страшного будущего, что мне известны все его планы, что я не верю ни единому его слову об обретенной истинной.

И Норберт обязательно заявится в академию. А я должна решить, как вести себя – и лучше бы посоветоваться с тем, кто знает жизнь. Не с Мартином, нет: он не придумает, как я должна дать отпор несостоявшемуся жениху.

И я решила заглянуть к госпоже Винкельман. Проректор казалась мне серьезной и мудрой женщиной, и вместе мы могли бы составить план отпора лжецу. Для этого, конечно, надо было посвятить ее во всю историю, и она, разумеется, будет очень недовольна тем, что из-за меня ректор и преподаватель едва не поубивали друг друга, но...

Другого выхода у меня нет. Норберт должен мне поверить и отстать.

Кабинет госпожи Патриции располагался в башне с романтическим названием Восточный ветер. Здесь было светло, все классы заливало солнце, и пейзажи, которые красовались на стенах, казались живыми. Украшением кабинета проректора служил громадный скелет ископаемого ящера, который парил под потолком, покачивая костяными крыльями, и я подумала, что раньше госпожа Патриция преподавала биологию.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала я, закрыв за собой дверь, и проректор поджала губы.

– Меньше всего, милочка, я хочу вам помогать после сегодняшней дуэли, – сказала она, решительно придвигая к себе несколько папок с бумагами.

– Я понимаю, это все выглядит жутко по-дурацки, – согласилась я, усаживаясь в кресло для посетителей: нет уж, если я зашла, то не выйду, не получив помощь. – Честное слово, я пробовала их остановить и не крутила хвостом ни перед одним, ни перед вторым. И насчет истинной пары... ни ректор, ни я пока не знаем до конца, правда ли это.

Ящер качнулся над моей головой, и кабинет наполнился мелодичным далеким криком. Наверно, именно так пело это существо, когда кружило над землей в допотопные времена. Госпожа Патриция покосилась на ящера и вздохнула:

– Да, вы говорите правду. Что случилось, рассказывайте.

Значит, это не просто диковинное украшение, а артефакт, который показывает, насколько искривлен собеседник. И ведь как замаскировано! Я даже ничего не заподозрила.

Говорила я четверть часа, и чем дольше длился мой рассказ, тем изумленнее становилась госпожа Патриция. Ящер над нами продолжал петь, показывая, что я не лгу. Когда история подошла к концу, проректор достала из ящика стола бутылку хереса и маленькую рюмку и призналась:

– Удивительно! Я, конечно, читала научные труды о похожих заклинаниях, но все они пока в стадии разработки. И теперь уважаю вас, Эмма, не только как знатока магии, но и как порядочную женщину.

Я согласно кивнула. Непорядочная не стала бы возвращаться в прошлое, чтобы отменить войну и захват власти. У нее Норберт с руки бы ел.

– Теперь давайте думать, – проректор осушила стаканчик хереса и откинулась на спинку кресла. – У вас есть редчайшая способность самостоятельно создавать заклинания. Таких магов очень мало и этот Норберт Брикенхорф ни за что вас не отпустит. Вы ему нужны.

Я снова утвердительно качнула головой. Люди, подобные Норберту, пойдут на все, чтобы получить желаемое.

– Вы можете говорить ему про работу. Про то, что влюблены в ректора Грюнвальда по уши, что вы его истинная пара, – продолжала госпожа Патриция. – Даже про то, что ждете ребенка от другого мужчины. Его это не остановит. Кстати, почему вас не взяли на государственную службу, с вашими-то способностями?

– Я занялась серьезными заклинаниями только после учебы, – сказала я, и ящер хрипло раскашлялся. Госпожа Патриция посмотрела на меня очень выразительно, и я добавила: – Ну и я не поладила с нашим ректором. Он пообещал, что не даст мне ходу в дальнейшую науку... и не дал.

Ректор Каннеман когда-то в юности любил мою мать, но она предпочла ему моего отца. Я окончила академию с отличием, но все годы учебы мне приходилось туго. Повышенную стипендию мне не выплачивали, придираясь к каким-то нелепым вещам вроде несуществующих опозданий, на королевские семинары одаренных студентов не отправляли, и так далее, и тому подобное, и в том же духе...

– Если Норберт похитит вас, заберет отсюда до истечения срока контракта, то вас накроет чарами Безжалостной руки, – задумчиво сказала госпожа Патриция. – Но чары разрушаются автоматически, если академия перестает существовать или ректор, который подписал с вами договор, умирает. И я боюсь, ваш несостоявшийся жених готов пойти и на это.

Несколько мгновений я потрясенно смотрела на проректора, а потом слепо дотронулась до лица, словно проверяла, на месте ли оно.

В начале наших отношений Норберт казался славным парнем, добрым и сильным, тем, кому ты полностью можешь доверять. И сразу же после свадьбы я узнала, что он хорошо умеет притворяться. За мирной внешностью хорошего человека, души компании и настоящего

друга скрывалось чудовище, готовое идти по головам для достижения своих целей.

Способен ли он убить Мартина? Да, способен.

От этой мысли душа промерзала до самого дна.

– Однажды он подставил друга, с которым был с детства, – глухо сказала я. – Того, кто считал Норберта братом. Предательство привело его к топору палача. Я могу ждать от него, чего угодно.

Госпожа Патриция задумчиво посмотрела на своего ящера, потом перевела взгляд за окно, на зеленые холмы и темные гребни леса, в которых уже мелькали красные и золотые осенние искры, и сказала:

– Надо усилить системы безопасности. Сегодня Джеррит выхватил глубозеркального призрака, и это плохой знак.

– Согласна, – откликнулась я. – Могу соткать новые обережные чары. Если их усилить драконьим огнем, то они станут несокрушимы.

Проректор печально улыбнулась.

– Боюсь, Норберт Брикенхорф не пойдет сюда нахрапом. Он придумает что-нибудь хитрое. Купит должность народного инспектора, например, они имеют право осматривать академии. Или патент журналиста – они тоже имеют право на посещение академий.

Мне стало еще холоднее. Норберт сделает все, чтобы попасть в замок. Я нужна ему, и он не откажется от своих притязаний.

Мелькнула мысль, что я всех здесь подставляю. Что лучше бы мне было уехать куда-нибудь за границу, постоянно скитаться, меняя города и поселки, зарабатывать скудное пропитание заклинаниями, которые я творила бы на заказ. Впрочем, нет: такие заказные заклинания мигом меня выдадут.

Госпожа Патриция поняла, насколько я растеряна – она ободряюще улыбнулась и сказала:

– Ну, ну! Не стоит так сразу вешать нос! Начнем с того, что вот так сразу патенты и должности не выдадут, так что у нас есть время. А система безопасности Дандевара одна из лучших в этой части королевства.

– А призрак-то пробрался, – вздохнула я.

Усмешка госпожи Патриции сделалась острее.

– Не снаружи, а изнутри, – сообщила она. – Это не была какая-нибудь червоточина в охранной системе, его принесли в академию и выпустили, чтобы запугать вас.

– Кто? – поинтересовалась я. – Хотя я, кажется, знаю.

– Совершенно верно. Одним словом, давайте поступим так. Вы спокойно идете готовить ужин. Вайдфогель будет приставать к вам по поводу расхода продуктов, но не обращайтесь на него особенного внимания. Он хороший человек.

– Да, я заметила, – согласилась я. Можно быть странным сухарем, который вызубрил все уставы, но это не отменяет добрую душу. – Ничего, думаю, мы с ним поладим.

– Он очень уважает картофельный пирог с сыром. Я, кстати, тоже, – госпожа Патриция улыбнулась. – А что касается сегодняшней дуэли... будьте благоразумны, Эмма. И разберитесь побыстрее, что там с вашей истинностью.

На том разговор и закончился. Я вернулась на кухню, вздохнула с облегчением, не обнаружив там ни Джеррита, ни завхоза. Вигвард, который сидел на подоконнике и ловил свой толстый хвостик, оставил это важное дело и подбежал ко мне.

– А картошки наварили! – сообщил он, подставляя голову под поглаживание. – Толкун будем делать?

– Правильно говорить “пюре”, – я улыбнулась, такой он был замечательный. Когда рядом хороший котик, все проблемы сразу же отступают. Не уходят навсегда – но уже не так сильно мучат.

– Пюре в конуре, – срифмовал домовой, и остальные коты рассмеялись. Все они сейчас бездельничали, раскидавшись по полу, и у меня сжалось сердце: в любую минуту здесь может появиться Норберт, и все это уютное спокойствие рассыплется разбитым стеклом.

– На ужин у нас будут картофельные пироги, – сказала я, и в кухню тотчас же вошел завхоз, словно подслушивал. В руках он держал какие-то книги и папки с бумагами.

– Пусть эти бездельники поменьше лежат на полу, – заметил Вайдфогель. – От этого больше расходуется средство для мытья. Вот эту таблицу нужно заполнить после ужина, госпожа Аутенберг.

Я смиренно кивнула, принимая листок бумаги. Расход продуктов, выверенный до грамма.

– Извините, что назвала устав книжкой, – промолвила я. – На ужин будет картофельный пирог с мясным фаршем, помидорами и перцем. Спасибо, что дали мне камень Жельдра.

Лицо Вайдфогеля дрогнуло, будто он хотел улыбнуться.

– Не за что, я как раз изъясился у второкурсника. Хорошо, что он послужил доброму делу. Я слышал, что вы опасаетесь за жизнь и здоровье ректора?

– Подслушивали? – удивленно воскликнула я. Вот ведь бессовестный!

Вайдфогель выразительно поднял указательный палец.

– Я завхоз, – важно произнес он. – Я знаю все, что творится в замке. Бойтесь, что господин Брикенхорф способен отравить нашего ректора?

Я только руками развела.

– Боюсь, да. Это вас удивляет?

Завхоз усмехнулся.

– Нисколько. Бояться это нормально. Как и нанести упреждающий удар. Мы ведь сможем, например, угостить господина Брикенхорфа пирогом с норнскими ягодами, как только он тут появится?

Я даже рот приоткрыла от такого предложения.

Норнские ягоды почти ничем не отличаются от ежевики – они немного крупнее и круглее – но их употребление вызывает медленную и мучительную смерть. Съешь пирог с такой ягодой и умрешь, почти лишившись рассудка. Именно поэтому ежевика в королевстве не пользуется популярностью: поди знай, сорт это такой или норнская ягода затесалась. Проверять на себе желающих нет.

– Вмешать немного в смородиновое пюре, никто и не догадается, – продолжал Вайдфогель. Я справилась с удивлением и удивленно воскликнула:

– Да вы, я смотрю, знатный отравитель!

Домовые и ухом не повели: видно не удивились.

– Я родом из Киталии, а наши дожи знают толк в подобных вещах, – ответил завхоз. – Ну а устав безопасности академии предписывает всем принимать активное участие в обеспечении спокойствия и нормального течения рабочего процесса. Любой, – он снова поднял указательный палец, – ценой.

Да уж, этот уставной сухарь, оказывается, не так уж и сух. Какие секреты, интересно, есть у других преподавателей?

– У меня нет норнских ягод, – призналась я.

– Их нетрудно раздобыть, – ответил Вайдфогель. – Одним словом, мы приготовим отличную встречу... а вы, перед тем, как готовить ужин, заполните отчеты по завтраку и обеду.

Над отчетами я просидела почти час: завхоз требовал высчитывать потраченную соль до крупинок и рис до рисинок. Я дольше буду заполнять бумажки, чем работать! Но в итоге отчет был сдан, и мы с домовыми наконец-то взялись за пирог.

Сперва нужно было мелко нарезать лук и обжарить на умеренном огне. Мы мешали лук, защитное заклинание с трудом сдерживало наши слезы, и Вигвард пробормотал:

– Ну, лихой лучок! У Джима Мюллера всегда такой, глаза не просто режет, а прямо вынимает!

– Кто это, Джим Мюллер? – поинтересовалась я.

– А, учился в академии, но не доучился, – ответил Вигвард. – У него папаша помер, оставил ферму да хозяйство. Не бросишь ведь добро, да и Джим был не отличник, чтоб убиваться за учебу. Ну и ушел с третьего курса, стал поставщиком академии. Лучок у него ядреный!

Переложив лук из сковородок в отдельные тарелки, мы взялись за обжаривание фарша. Мешать надо было часто, разбивая комочки, и за работой я смогла отвлечься от переживаний и тоскливых мыслей.

Как-то там ректор? Джеррит ведь чуть ему шею не свернул, вот как вошел в раж... Ведь даже если я истинная пара Мартина, это не остановит Норберта. Может, послать ему пирог с норнскими ягодами уже сейчас? Может, это надо было сделать еще в столице? Тогда бы мне не пришлось убежать...

Ужасные мысли. Просто ужасные. Я готова была сражаться за свою жизнь и за близких, но сделаться убийцей... нет, это было выше моих сил. Да, возможно, я слабачка – но не могла бы убить Норберта.

Вряд ли он вызовет Мартина на дуэль. Норберт никогда не рисковал жизнью и не сошелся бы в битве с тем, кто сильнее – а я не сомневалась, что ректор Дандевара в драконьем обличье превосходит моего несостоявшегося мужа. Значит, будет действовать исподтишка.

Написать королю. Прямо сегодня. И пусть госпожа Патриция и Мартин подтвердят мои слова. Конечно, король может ответить, что в провинциальной академии преподавательский состав от скуки допился до зеленых кизляков, но все же...

Мы размяли картошку со сливочным маслом в пюре без комочков и частями добавили просеянную муку, все старательно перемешивая. Один из домовых чихнул, и кухню окутало белой дымкой. Я убрала ее заклинанием и заметила:

– Надо выбить у господина Вайдфогеля хорошую систему очистки воздуха.

– Ага, выбьешь из него, – проворчал Вигвард. – У него снега зимой не выбьешь!

Потом мы замесили тесто и раскатали его на досках. Нежные пласты отправились в формы, выстеленные пергаментом, я вспомнила, как готовила такой пирог на родительской кухне, и подумала: а ведь моя семья меня проклинает. Я ведь опозорила их, сбежав из дома, отказываясь от такого жениха.

Стало грустно, но потом я вспомнила, как пожаловалась родителям, а мать ответила: “Дорогая, а что ты сделала, чтобы твой муж не бил тебя?” И грусть ушла, словно ее и не было.

У меня теперь была только эта академия. И Мартин. Пусть бы он и правда был моей истинной парой – тогда мне было бы не так тоскливо.

Все мечтают о любви, и я всегда мечтала. Так пусть она будет хорошей. Искренней и чистой.

Мы выложили начинку в формы, добавили сверху щедро нарезанные помидоры без кожицы и отправили все в духовку. Потом надо будет присыпать сыром, немного остудить и подавать. А компанию составит простой овощной салат.

Не успела я вымыть руки, как на кухню заглянул Джек.

– О, ты здесь, отлично! – произнес он. – Там у ворот гость притащился, тебя требует.

Я кивнула, понимая, что это за гость. Жаль, что пирога с норнскими ягодами так и не сделала.

Мне сделалось страшно. Очень-очень страшно.

– Хорошо, – сказала я, вытирая руки и вешая полотенце на крючок. – Иду.

К замку вела широкая дорога – бежала по холмам и лугам и упиралась в широкий ров, через который был перекинут мост. В

академии, где я когда-то училась, ров был такой же – если бы случилась осада, ректор пустил бы по нему реку жидкого пламени, превратив замок в неприступную твердыню.

Там меня и ждали.

Я вышла в приветственный зал, постоянно вытирая руки – от волнения ладони сделались ледяными и постоянно потели. Там меня уже ждал Мартин: выглядел он угрюмо и холодно, как человек, с которым вы меньше всего захотите иметь дело. В руках была папка с документами.

Когда он увидел меня, его взгляд смягчился и просветлел.

– Извини, что сразу не подошел к тебе после этого полицейского явления. Малькольм так сразу не убрался. Проверил все документы.

– Понимаю, – улыбнулась я. – А Ульрих вернул мои платья.

Мартин улыбнулся в ответ.

– То красное тебе не шло. Ладно, пойдем выйдем к этому гостю.

Мне сразу сделалось бодрее и легче. Мартин будет со мной, вдвоем мы сумеем дать Норберту отпор.

На мосту нас ждала целая компания. Я увидела своего отца и брата, Фред стоял за ними с крайне хмурой физиономией, и на всем моем семействе почти была видна печать невыразимого позора.

Норберт был впереди. Смотрел с нескрываемой любовью и трепетом – видят Небеса, раньше этот взгляд покорял, проникая в сердце, и я готова была на все, лишь бы Норберт, лишь бы этот великолепный дракон не сводил с меня восхищенных глаз.

А теперь я точно знала, что все это притворство. Он никогда не любил меня, я не была его истинной. Норберт играл свою роль – ему нужны были чары, которые я создавала.

Снова пришло видение разрушенного родительского дома и ворон, пирующих на развалинах столицы, затянутых дымом. Нет, господин Брикенхорф, я не позволю вам царствовать и править.

– Эмма! – воскликнул Норберт, когда мы ступили на мост. – Слава Богу, ты жива!

Он бросился было ко мне, но Мартин небрежно провел рукой по воздуху, и на темном дереве моста проступила пламенная полоса. Ожила защита академии. Норберт сделал шаг назад и с раненой гордостью бросил:

– Извольте объясниться, вы! Не имеете права защищаться от нас!

– Ректор академии обязан применять защитные меры при малейших намеках на опасность, – нудным тоном, который сделал бы честь завхозу Вайдфогелю, ответил Мартин. – Я дракон и чувствую в вас скрытую агрессию.

– Вы пленили мою невесту! – крикнул Норберт, и мои родители закивали. – Держите ее здесь против воли! Мы должны были пожениться!

– Ты не делал мне предложения, Норберт, – сказала я. – Но если это оно, прими мой отказ. Я не выйду за тебя замуж.

Мать со стоном прижала руку к груди. Все девушки мечтают о замужестве, это, скажем так, венец женской карьеры – и то, что я отказывалась от брака с драконом, с таким драконом, было для нее шоком.

– Когда ты сбежала, Норберт пришел к нам, – с видом оскорбленного самолюбия произнес отец. – Он попросил твоей руки, и мы согласились. Немедленно иди сюда, Эмма! Господин Брикенхорф оказывает тебе величайшую честь!

– Ты его истинная пара! – подала голос мать. – Он чувствует это всем сердцем!

– Да! – воскликнул Норберт. – Эмма, ты моя истинная! Я не уйду отсюда без тебя!

Фред молчал. Видно было, что ему не нравится все это, и он пришел к замку лишь для того, чтобы создать видимость большого количества людей, которые пришли спасти девицу из оков академической кухни.

– Истинная пара? – обманчиво мягким голосом осведомился Мартин, и Норберт с достоинством кивнул. – Тогда, я полагаю, у вас не будет проблем с тем, чтобы показать всем нам Нить Истинности?

Я удивленно посмотрела на ректора – никогда не слышала ни о каких Нитях. Зато Норберт изменился в лице: сейчас он выглядел, как мальчишка, которого застали за кражей варенья из буфета.

Мы, люди, не поняли, о чем говорит Мартин. Зато Норберт понял.

– Это очень редко открывают людям, – прежним мягким тоном продолжал Мартин. – Но все драконы о ней знают. Как только дракон находит истинную пару, то появляется Нить.

Он неторопливо сдвинул рукав сюртука и расстегнул манжету рубашки. Все мы смотрели на него, словно зачарованные. Мартин

поднял руку так, чтобы всем было видно, и по его запястью побежали огоньки. На наших глазах человеческая кожа грубела, обрастая золотой броней, пальцы удлинялись и становились шире, венчаясь иззубренными когтями. Вскоре на месте руки возникла драконья лапа.

– Смотрите внимательно, – улыбнулся Мартин. – Вот она, эта Нить.

По лапе в самом деле струилась нить. Огненно-красная, горячая, она будто была наполнена пламенем. Я смотрела на нее, не в силах отвести взгляд, и сердце стучало быстро-быстро.

“Вот тот, кто был создан для тебя судьбой, – прозвучал незнакомый, удивительно прекрасный голос в голове. – Вот ты, которую для него создал Бог. Вместе навсегда, вы будете жить долго и счастливо, в этом мире и за его краем”.

– Эмма Аутенберг – моя истинная пара, – отчеканил Мартин, и теперь его голос звучал так, словно он был полководцем на поле битвы. – Я доказываю это перед миром и всеми, кто его населяет. И призываю вас, господин Брикенхорф, подтвердить ваши слова. Предъявите Нить, немедленно!

Я ждала, чего угодно – огненных шаров Вурнта, которые полетят к нам в лицо, чар Вечного снега, которые окутают весь замок ледяной коркой, даже заклинания Мертвого вихря, которое разметет академию, не оставив камня на камне.

Но не того, что Норберт заорет визгливым голосом торгаша, которого поймали на обвесе покупателей:

– Мошенник! Нет никакой Нити Истинности! Всем нам головы хочешь заморочить? Не выйдет!

Мартин тряхнул рукой, сбрасывая чары, и поинтересовался:

– То есть, Нити Истинности не существует? И вы готовы подтвердить это перед собранием драконов? Я сегодня же потребую созвать его.

Я стояла, ни жива ни мертва. Не в силах поверить в то, что все это оказалось правдой.

Мартин мой истинный. Раз Норберт так разоряется, обвиняя его в мошенничестве, это совершенно точно.

Может, именно поэтому невнятное чувство повлекло меня именно сюда, в эту провинциальную академию, а не какую-то другую. Я ведь могу работать не только поварихой, но и преподавателем – сначала ассистентом, потом подняться выше...

Но я поехала именно сюда. В академию, в которой требовалась повариха – и моя истинная пара ждала меня.

– Что за собрание драконов? – пролепетала мать, не убирая руки от груди. Она всегда была мастерицей в изображении дамы, готовой в любой момент лишиться чувств.

– Это когда драконы собираются и решают свои драконьи проблемы, – снисходительно объяснил Мартин. – Я готов созвать сородичей со всего королевства, потому что господин Брикенхорф собирается отнять мою истинную пару. Пусть объявит перед драконами, что я мошенник и Нити Истинности не существует. Это людям можно заморочить голову, а драконам нет. Правда, господин Брикенхорф?

И мы ведь не знали, что нельзя просто прийти и сказать: вот моя истинная. Норберт обманул всех нас.

И теперь ему надо сидеть очень-очень тихо. Как мышь под веником. Потому что он уже строит планы переворота, он уже чертит карты, по которым проложит наступление на столицу, он уже собрал тех, кто готов поддержать его притязания.

Норберту нельзя привлекать лишнее внимание к своей персоне. Потому что чем больше внимания, тем глубже начинают копать.

Куда ему теперь деваться? Уйти, поджав хвост и отдать ректору Дандевара свою истинную? Этого не поймут мои родители – а моя мать настолько общительна и разговорчива, что через несколько дней об этом будет знать все королевство. И снова под Норберта начнут копать, потому что если дракон отказался от своей истинной пары, то тут не просто попахивает мошенничеством – тут им смердит.

Он, конечно, может сказать, что просто решил соблазнить человеческую девушку, барышню из приличной семьи – но ему тогда зададут вопрос: зачем было врать? Любая женщина побежит за драконом просто потому, что он дракон, и не надо рассказывать ей сказок про истинную пару.

Одним словом, Норберт попал. В его взгляде я теперь видела не фальшивую любовь, а нескрываемую ненависть. Он ненавидел меня

как вещь, которая посмела послушаться. Как предмет, который разрушил все его планы.

– Не отнимайте более наше время, – проронил Мартин и, взяв меня за руку, пошел прочь с моста. Откуда-то сверху заплодировали, закричали и, судя по звуку, бросили в Норберта чем-то, вроде гнилого помидора.

И где только нашли? У меня в кладовых такого не водилось.

Надо же, я провела в замке всего сутки, а уже говорю “мои кладовые”. И все тут было по-настоящему моим, таким, от чего я бы не отказалась.

Мы шли вместе, и я вдруг подумала: готова идти с Мартином вот так за руку всю жизнь. Это не было горячкой влюбленности, которая окутала меня, когда Норберт сделал предложение. Это было очень зрелое и очень спокойное чувство – когда только оно возникло во мне!

– Родители успокоятся, – сказала я, когда мы вошли в приветственный зал. – Им, в общем-то, безразлично, за кого я выйду замуж. Главное, чтобы вышла за дракона.

Мартин усмехнулся. Мы стояли рядом, отражаясь в зеркале, избавленном от привидения, и я, кажется, знала этого мужчину тысячу лет.

Нить Истинности привязывала нас друг к другу, спаивая две души в одну.

– Какую свадьбу ты хотела бы? – поинтересовался Мартин. – Если яркую и пышную, то предлагаю все устроить уже после Занбарана. До этого мне нужно разгрести начало учебного года.

Я понимающе кивнула. Осенью у преподавателей забот полон рот, пока учеба не встанет на рутинные рельсы и не покатится по ним к началу лета. И если мы уже связаны Нитью Истинности, то свидетельство о браке, в общем-то, не так много значит.

– Никогда не хотела платье фасона “невесту уронили в торт”, – улыбнулась я. – Давай просто съездим в ратушу Ротбурга и получим свидетельство.

Невольно вспомнилась наша с Норбертом свадьба из отмененного будущего. Там было все, о чем только может мечтать влюбленная и восторженная девушка. Роскошное платье, белоснежные экипажи, соловьиные язычки и тушеные фазаны с дыней на праздничном столе,

оркестр, который играет только на драконьих праздниках, а потом салют – ярче, чем на новый год.

И чем все кончилось?

– Тогда сегодня вечером я туда напишу, пусть все подготовят, – ответил Мартин. – И давай составим письмо для короля. Медлить незачем.

Глава 6

Анны за ужином не было, и это заставило меня напрячься. Вчера она повела ректора в беседку – надо будет еще уточнить, дошли ли они туда и чем там занимались – а сегодня он уже нашел истинную пару, бился за нее на дуэли и выкинул из академии несостоявшегося жениха. Конечно, тут вряд ли захочется спокойно сидеть за столом и делать вид, что ничего не происходит.

Джеррит, кстати, сидел. Устроился рядом с Вайдфогелем, который даже за едой посматривал в какие-то бумаги, и всю наворачивал мясной пирог. Видно было, что дуэль прошла, он получил отмщение за обиду, нанесенную королевской крови, и собирался жить дальше по-старому.

Мальчишки. Сегодня они подрались, а завтра уже лучшие друзья. И если их спросишь, почему они осыпали друг друга тумачами, ответят: просто так.

Гораздо больше дуэли и будущих отношений среди преподавателей меня волновало то, что должно было произойти сегодняшней ночью. Раз мы истинная пара, то нам теперь следует жить вместе. Не просто в одном замке – в одной комнате.

Я не знала, что чувствую по этому поводу. Растерянность, это точно. Все случилось так быстро.

Вчера я приехала в академию и мой свеженький голубец, с пылу, с жару, влетел в белоснежный ректорский сюртук. А сегодня ректор собирается написать в ратушу Ротбурга, чтобы все было подготовлено для нашей свадьбы.

И вот я смотрю из кухни в огромную замковую столовую, отдаю распоряжения домовым и взгляд невольно притягивается к столу, за которым сидит Мартин.

Мне нравится на него смотреть. Это было очень спокойное и сильное чувство, похожее на ровный огонь фонаря. И чем гуще была тьма, чем сильнее становилась осень, тем ярче он светил, озаряя наш мир.

Моя истинная пара. Настоящая, без лжи, манипуляций и жутких планов.

И Мартин был в опасности. Норберт не из тех, кто уходит просто так, не добившись своего. А в академии у него есть и союзница – Анна обязательно захочет все устроить так, чтобы Норберт забрал меня, а она осталась бы утешать Мартина и залечивать его душевные раны.

Я была твердо уверена: эти двое обязательно спойются, если еще не спелись. Норберт уехал в Ротбург, никто не помешал бы Анне отправить ему сообщение.

– Ну что, вроде хорошо едят, – довольно муркнул Вигвард, глядя, как студенты и преподаватели расправляются с пирогом. – А завтра надо думать про академический ужин на послезавтра, в первый день учебного года всегда его устраивают.

– Конечно, – согласилась я. – Там ведь уток привезли, правильно? Вот и не будем их надолго откладывать. Сделаем их в горчично-медовом маринаде с чесноком и нафаршируем яблоками.

Я очень любила этот рецепт: блюдо получалось очень нежным, в нем так тонко сочетались острый, кислый и сладкий вкусы, что можно было съесть птицу целиком и не заметить.

– И еще гарнир, – продолжала я. – Мы положим утку на траву из домашней лапши. Будет очень эффектно смотреться. И еще пирожки, конечно.

Кажется, совсем недавно я была студенткой академии, и мы обожали маленькие пирожки, которые готовили тамошние повара. Небольшие, всего на один укус – мы их ели, как семечки, и заклипания худобы то и дело пробегали искрами по телу.

От них потом становилось плохо. Все-таки нельзя худеть при помощи магии, преподаватели это строго запрещали. Но что поделать, если в столовой настолько вкусные пирожки, а повара с удовольствием вынимают из печи все новые противни?

– Ешь, пока живот свеж! – приговаривал господин Мгбеи, главный академический повар. Он приехал в королевство с далекого Черного юга, сам был темнее эбенового дерева, и главным достоинством женщины считал солидные округлости. Современная мода на стройных барышень, которых вот-вот унесет ветром, очень его огорчала.

После ужина Мартин зашел на кухню вместе с Вайдфогелем, и завхоз с гордостью сказал:

– Видели, как помидор летел? Я обеспечил.

Я даже рассмеялась.

– Ну точно, у вас можно найти все, что угодно, – улыбнулась я, и Вайдфогель с достоинством кивнул.

– Пока у меня можно найти только полный дневной отчет по продуктам и расходам, – сообщил он и положил бумаги на стол передо мной. – Давайте заполнять.

Я села за стол и принялась за дело. Мартин прошел туда-сюда по кухне: надо же, только вчера мы с ним говорили об истинных парах, сидя на мешках, и вот нашли друг друга. И вот уже вечер, и мы, возможно, проведем вместе эту ночь...

– Я отправил письмо в ратушу, – сообщил Мартин, и я едва не сбилась со счета. – Завтра утром приедет регистратор.

Я положила карандаш на стол. Снова взяла.

Выхожу замуж за своего истинного. Опять. Только теперь все совсем иначе, и жизнь будет совсем другой.

Я не смогла все исправить до конца. Норберт не откажется от своих планов. Но я хотя бы начала менять мир к лучшему.

Он не сторит дотла в зачарованном пламени.

– Свадьба в академии? – деловито осведомился Вайдфогель. – Отлично, все организуем. Господин ректор, с вас тогда отчет по использованию магосвязи, не забудьте.

Некоторое время мы с Мартином молчали, а потом расхохотались так весело, что и Вайдфогель к нам тоже присоединился. Джеррит, который зашел на кухню, выразительно посмотрел на нас и осведомился:

– Тут скоморохи гастролируют? Очень уж вы весело смеетесь!

– Главный скоморох это ты, – хмуро сказала я, прекращая смеяться. – Вот все хочу спросить: тебе не стыдно?

– Нет! – беспечно ответил Джеррит, опускаясь за стол. Посмотрел в сторону домовых: ему сразу же принесли большую чашку чая. – Я ведь вправе ухаживать за барышнями? Вправе. Я вправе требовать компенсации за тумачи, которые получил просто так, потому что кому-то показалось что-то не то? Разумеется! Я получил эту компенсацию? Конечно, и теперь я снова ваш лучший друг. Между нами исключительно душевное тепло и взаимопонимание.

Как говорила наша нянюшка, когда Фред приходил с улицы после драки, “таких друзей за чижикиа, да в музей”. Мартин посмотрел на Джеррита так, словно намекал: однажды я приму драконий облик и откушу твою глупую голову.

– А поскольку я ваш лучший друг, то приготовил вам свадебный подарок, – беспечно продолжал Джеррит, и мы с Мартином напряглись. Зельевар производил впечатление очень легкого человека, а такие легкие спокойно идут как на предательство, так и на вечную преданность слову и дружбе.

– Я сегодня написал королю. Да, по магосвязи, и не смотрите на меня так хмуро, господин Вайдфогель! Я же имею право обратиться к старшему родственнику, верно?

– Отчет предоставите сегодня же, – неприятным скрипучим голосом ответил завхоз. – Магосвязь не шутки, она денег стоит. Вы еще начните по ней любовные записочки отправлять по всему королевству!

Магосвязью называли маленькие ларцы: напишешь письмо, поднимешь крышку, назовешь нужное имя и разместишь послание внутри – и в ту же минуту оно окажется в нужных руках. Такой способ связи стоил безумно дорого и был доступен чиновникам и богачам.

– И о чем же написал? – поинтересовался Мартин.

– О странном драконе, Норберте Брикенхорфе, – ответил Джеррит, и мне стало душно. – Он пытался забрать невесту моего начальника, ректора академии Дандевар, утверждал, что она его истинная пара и обвинял ректора в похищении, но само упоминание Нити Истинности вызвало у него чуть ли не истерику. Мне в этом видится мошенничество, которое может быть опасным. Я попросил старшего родственника проверить этого господина. Если он решил похитить чужую истинную, то тут может быть не только любовь, а какой-то странный, возможно, опасный план.

Мы с Мартином переглянулись.

– Можете делать со мной, что хотите, но такая попытка забрать чужую истинную и такая ложь кажутся мне крайне подозрительными, – улыбнулся Джеррит. – Пусть Брикенхорфа проверят королевские дознаватели, они возьмутся за него очень быстро и очень крепко. А это значит, что?

– Что? – спросила я.

– Что он никак не помешает вашей свадьбе, – ослепительно улыбнулся зельевар. – Он и так доставил нам всем массу хлопот. А дознаватели разберутся, что он там замышлял на самом деле.

А ведь все складывалось очень хорошо! Да, я написала бы королю: Брикенхорф планирует переворот, проверьте его – и меня спросили бы, откуда я это знаю. Я узнала все планы, когда была его женой и жила с ним под одной крышей – но откуда бы мне быть в курсе, если мы даже не помолвлены, и я даже не была у него в гостях?

Меня притянули бы за соучастие. Решили бы, что я не договорилась с Норбертом по поводу раздела власти и решила его сдать. А теперь начнутся допросы, будет обыск и следователи найдут все то, что Норберт так старательно пытается скрыть.

– А что он замышлял на самом деле? – поинтересовался Джеррит уже тем тоном, в котором звучит металл, заставляя нерадивых студентов тотчас же утыкаться в учебники. – У меня сложилось впечатление, что вы знаете больше, чем показываете.

Я показала Джерриту бумаги, которые необходимо было заполнить, и ответила:

– Работы очень много. Ты не против, если мы побеседуем завтра?

До завтра, как говорится, умрет или ишак, или падишах. Очень многое может измениться. Мы с Мартином, в конце концов, придумаем линию поведения.

Потому что если еще и Джерриту рассказать настоящую правду, о ней узнает не только академия, но и все королевство.

Зельевар вздохнул.

– Вот так всегда: стараешься, помогаешь и обо всем узнаешь завтра. Анна в ярости, кстати. Сидит в саду с госпожой Патрицией и плачет из-за своих несбывшихся надежд.

– Я ей ничего не обещал, – мрачно сообщил Мартин. – Она не была ни моей невестой, ни моей подругой.

Я не сдержалась и спросила:

– А как же поход в беседку с виноградом?

Мартин посмотрел на меня так, словно я дала ему оплеуху на глазах у всей академии.

– Так вот что ты обо мне подумала! – возмутился он. – Я никогда не стал бы...

Ректор не договорил: раздался мелодичный перезвон, и в руки Джеррита опустилось письмо. Он открыл его, начал читать, и чем дольше читал, тем сильнее хмурился.

– Я никогда не стал бы так себя вести в академии! – возмущенно произнес Мартин. Джеррит сложил письмо и сообщил:

– Господа, у нас, кажется, проблемы. Брикенхорф пропал из Ротбурга. Родители Эммы до сих пор в тамошней гостинице. Понятия не имеют, куда девался их зять, но в городе его точно нет. Служба королевской безопасности запустила заклинание Ищейки, но так и не нашла его.

Я встала. Прошла по кухне туда-сюда. Села. Снова поднялась.

Кажется, подхватила у Мартина привычку вот так бродить, когда случилось что-то плохое.

– Он может быть, где угодно, – сказала я и вдруг поняла, что сейчас разревусь. Мне сделалось страшно. – Раз Ищейка его не нашла, то он укрылся чарами. Вдруг он уже в академии?

На глазах выступили слезы. Домовые подбежали, принялись гладить меня толстыми лапками и ворковать что-то успокаивающее, Мартин поднялся, приобнял меня за плечи и твердо произнес:

– Никто тебя ему не отдаст. Даже если сейчас он выпрыгнет из вон той кастрюли.

Вигвард тотчас же взял кастрюлю, снял крышку и сунул физиономию внутрь. Это выглядело так забавно, что я рассмеялась. Объятие Мартина окутывало, словно плащ, и я как-то сразу поверила, что со мной не случится ничего плохого.

– Но чтобы тебе было еще спокойнее, я сейчас еще раз напишу в ратушу, – добавил Мартин. – Пусть присылают регистратора немедленно.

Вайдфогель чуть не взвыл – за голову он схватился с самым страдающим видом.

– Отчет не забудьте! – взмолился он. – Министерство магии с меня семь шкур спустит за перерасход!

– Все напишем и заполним, не переживайте! – махнул рукой Джеррит. – Лучше давайте подумаем об усилении защиты замка.

Мартин ободряюще сжал мою руку, и мужчины ушли с кухни. Я села на прежнее место, и домовые тотчас же обступили меня так, словно хотели создать живой щит и никому не дать в обиду.

– Мы его покусаем, если что, – заверил Вигмар. Судя по обкусанному уху, он был горячий участник всяких драк. – Наш кусь знаешь, какой? Всем кусям кусь!

– Он не проникнет в академию, – сказала я, пытаюсь убедить в этом прежде всего саму себя. – Дандевар хорошо защищен, у него высокие надежные стены, да еще и усиление заклинаний. Кстати... дайте мне кто-нибудь шерстинку.

Домовые дружно почесались и протянули ко мне лапы. Я выбрала одну, серую, и в несколько движений соткала укрывающие чары. Теперь, если даже Норберт и попадет в замок, то не увидит меня. Ему откроется просто кухня, полная домовых.

Вот глупая, как я раньше до такого не додумалась? Притворилась бы одной из служанок в родительском доме или просто стала бы невидимой... Хотя нет. Чары невидимости очень быстро развоплощают, и я превратилась бы в серую тень. А с чужой личностью долго не проходишь.

Что, если Норберт просто заберет домовых? Всех, кто есть на кухне? Как говорится, хватай все, потом рассортируем.

Долго сидеть в одиночестве мне не удалось: на кухне появилась Анна, и было видно, что она плакала.

– Я хочу тебя поздравить, – сказала она очень спокойно и сдержанно. – Найти свою истинную пару это величайшее счастье, которое выпадает немногим.

– Спасибо, – ответила я. Анна села на свободное место и продолжала:

– Я заказывала тебе фруктовый торт. Понимаю, тебе сегодня было не до него со всеми этими новостями, но я все-таки хотела бы его получить.

– Без проблем! – улыбнулась я. – Если хочешь, можем сделать его вместе.

Анна усмехнулась.

– Что ж, давай. Говорят, за делами успокаивается разбитое сердце.

Я не стала уточнять, что Мартин ничего ей не обещал: просто не обрывал со всей возможной резкостью, когда она его куда-то

приглашала.

– Может быть, не плотный бисквитный, а жележный? Без выпечки? – предложила я, и Анна вопросительно подняла бровь.

– Никогда не слышала о таком.

– Вот сейчас и услышишь, и увидишь, – сказала я и обернулась к домовым. – Ребята, нам нужно печенье!

Домовые оживились и принялись за дело. Сперва мы измельчили печенье в крошку и соединили с растопленным сливочным маслом. Потом взяли форму и старательно утрамбовали нашу смесь на дне.

– Мартин хороший человек, – вздохнула Анна, глядя за тем, как мы работаем. – Он когда-то хотел пойти по военной линии, но не поладил с министерством обороны. И его законопатили сюда. Представь: жалкая академия в глуши, в которую вдруг назначают ректора-дракона! И он сделал очень много.

– Не сказала бы, что вы такие уж жалкие, – призналась я. – Не думала, что на кухне провинциальной академии есть киви. Жаль, что нет манго, получился бы просто восторг...

Анна покосилась на корзину с лохматыми темными фруктами и вдруг нахмурилась и предупреждающим жестом вскинула руку.

– Так, отойди-ка от стола, – сказала она очень напряженным голосом. – Все отойдите подальше!

Нас не надо было приглашать дважды. Мы с домовыми отступили к стене и я спросила шепотом:

– Что случилось?

– А ведь правда, откуда здесь киви? – ответила Анна вопросом на вопрос. – Ты их упомянула, но я как-то пропустила мимо ушей, а сейчас...

Киви это привычный фрукт в столице и изысканное лакомство в таких местах, как окрестности Ротбурга. Да, возможно, корзину принесли в подарок ректору или кому-то из преподавателей, но она не простояла бы в кладовой дольше нескольких часов. Все плоды сразу же съели бы.

– А ну-ка, – Анна вынула маленькую волшебную палочку и направила на корзину: сейчас мне казалось, что она наполнена не киви, а бомбами.

На конце палочки засветился огонек, и Анна сказала с хищной ухмылкой:

– Откройте нам свои секреты.

Некоторое время ничего не происходило. Я торопливо ткала новые защитные заклинания – если это все-таки не киви, а бомбы, если они взорвутся, то чары окутают их мешком и никому не причинят вреда. Анна не убирала волшебную палочку, и глядя на ее заострившееся лицо, я видела: она настоящий боевой маг.

Потом по лохматым бокам побежали огоньки, и киви окутались тревожным зеленым свечением. А потом послышался хлопок, и мое заклинание сработало, погрузив эту часть стола в туманное марево.

– Интересно, – пробормотала Анна. – Защитные чары на основе принципа Гримальди?

– Верно, – кивнула я.

Постепенно заклинание рассеивалось: на месте корзины с киви я увидела большое ничего. Ни пылинки не осталось.

– Очень интересно, – сказала Анна все тем же тоном. Мы с домовыми отошли от стены, и я опустилась на скамью почти без сил. – Что ты вообще делаешь в нашей деревне? Тебе нужно сидеть где-нибудь в столице, в министерстве.

– Так сложилось, – ответила я. – Обстоятельства оказались сильнее меня.

– Бывает. Смотри, как интересно: у этих киви нет остаточного следа. Неясно, кто их сюда поставил и когда. Но рванули бы они знатно. Сразу все, как только их начали бы резать.

Я поежилась. Вот тебе и тортик с фруктами.

– Никто не знал, что я приеду в академию. А вчера они здесь уже были. Получается, это не по мою душу.

Анна только рукой махнула. Убрала палочку и покосилась в сторону домовых, которые с негромким мявканьем расходились по углам:

– Сочините-ка нам кофейку, ребята.

Кофеек сочинили хороший: в меру крепкий, в меру сладкий – такой, который бодрит, а не заставляет голову раскалываться на части.

– Да, не по твою, – согласилась Анна. – Вообще это разновидность мании величия, считать, что весь мир крутится возле тебя. С любыми целями, плохими, хорошими – неважно.

– Нет у меня мании величия, – отмахнулась я. Анна отпила кофе и кивнула.

– Зато много проблем. Почему ты все-таки сбежала от жениха? Это ведь ни в какие ворота не лезет. Хорошо образованная девушка из приличной семьи. За ней начал ухаживать дракон, все столичные барышни ей завидуют до разлития желчи. А она вдруг собирает вещи и сбегает в окошко, никому не сказав ни слова. Значит, были очень весомые причины. Это не каприз, не глупость, это четко обдуманый план, осуществленный с холодной головой.

Я вздохнула.

– Ну на то он и хитрый план, чтобы его не раскрывать всем, – я постаралась улыбнуться и придать себе беспечный вид, но Анна не ответила на улыбку.

– Если я узнаю правду, тебе придется меня убить?

– В каком-то смысле, – вздохнула я. – Анна, ну ведь девушки часто сбегают из дома, когда не хотят замуж.

Анна рассмеялась.

– Конечно! Когда они не хотят замуж за косоного и кривоного соседа. Но Норберт Брикенхорф другое дело. Кто не захочет за него замуж?

Я пожалала плечами. Анна была права – но меньше всего мне сейчас хотелось раскрывать ей правду. Она мне не подруга и никогда ею не станет. Она использует против меня все, что я скажу.

И как знать, может, это именно она притащила сюда эти киви.

– Я не хочу, – призналась я. – Он не тот человек, который мне нужен, но родители волокли меня к нему на веревке. Уши прожужжали о том, какой он идеал. Да, возможно, но не для меня. К тому же, он солгал об истинности. Зачем ему это было нужно?

Анна только плечами пожалала.

– Как знать? Мужчины часто врут. Иногда мне кажется, что только этим они и заняты.

– Ты знала, что у драконов проявляется Нить Истинности?

– Нет. Это одна из тайн, которые они хранят.

Драконы и люди много веков жили бок о бок, но драконы не переставали считать людей ниже себя. У них, хозяев огня и неба, было множество своих секретов, у них была своя жизнь, и они никогда не пропускали в нее людей до конца.

У Мартина тоже есть то, что он никогда мне не откроет, даже если я его истинная пара. Просто потому, что он дракон, а я человек.

– Мартин послал за регистратором из Ротбурга, – сказала я. – Хочет, чтобы мы поженились прямо сегодня.

Анна вздохнула. Взяла вилку, ковырнула недоделанную основу для торта.

– Я желаю вам счастья, пусть по мне это и не заметно, – откликнулась она, поднимаясь, и я видела, что Анна говорит искренне. – И будьте осторожны. Раз уж кто-то приволок в академию бомбу, то может это повторить.

Я понимающе кивнула. Некоторое время Анна молча смотрела на меня, а потом развернулась и покинула кухню. А я поднялась и снова начала ходить туда-сюда. Вот ведь, нахваталась у своего истинного!

Конечно, я не знаю академических дел, всех здешних отношений, друзей, врагов и недоброжелателей. Но то, что корзину со взрывчатыми киви поставили именно на кухне, там, где за них возьмусь именно я, значило, что бомбы принесли сюда по мою душу.

От этого понимания сделалось холодно. Кто мог это сделать, кому я успела навредить за два неполных дня?

Ответ невольно напрашивался только один: это Анна. И она принесла бомбу не потому, что хотела убить конкурентку, а затем, чтобы понять, кто я на самом деле. Увидеть меня в работе, посмотреть на заклинания, которые я умею создавать.

И она успела узнать очень много. И теперь, возможно, нанесет новый удар.

Как только я подумала об этом, по спине мазнуло холодком, словно кто-то смотрел на меня. И домовые тоже встревожились: подбежали ко мне, начали дергать лапками за подол, привлекая внимание, и заговорили:

– Как это бомба? Зачем бомба в еде?

– Так вся академия на воздух взлетит!

– Это Сильвер, гад! Говорит, что я толстый, а я не толстый! И пнул!

– А все потому, что по кухне ходят все, кому не лень, – вздохнула я. – Ладно, ребятки, за дело. Встаньте-ка все вот тут, у стены.

Домовые дружно бросились туда, куда я указала. Я встала у входа в кухню, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, выравнивая дыхание и успокаиваясь, и начала пряхть заклинание.

Оно было очень сложным. Нужно было укутать кухню так, чтобы никто, кроме меня, домовых, Вайдфогеля и Мартина, не мог бы проникнуть внутрь без разрешения.

Господа студенты, для вас мы поставим на каждом этаже ящик с закусками. Господа преподаватели, присылайте слуг и домовые выдадут им подносы с чаем, кофе и выпечкой. Но никто больше не войдет на кухню просто так.

– Вигвард, ты теперь повышен до старшего по кухне, – сказала я, и домовый важно распушился и замурчал. – Твои обязанности – встреча и сопровождение поставщиков от въезда в замок до входа на кухню. Вот, возьми.

Заклинание висело передо мной огромной полупрозрачной сетью. На ее скрученных нитях сгущались капли дополнительных чар, похожие на драгоценные камни. Я сняла один, нежно-зеленый берилл, созданный на базе камня Жельдра, и бросила его Вигварду – тот поймал на лету.

– Если у поставщика будет что-то опасное, камень нальется красным, – объяснила я, продолжая ткать. – Тогда просто посильнее сожми его в лапе, поставщика приморозит, а там придем мы с ректором и разберемся, кто он и что везет.

Чем дольше работаешь со сложными заклинаниями, тем сильнее головная боль. Начал ныть нос: когда-то на первом курсе академии мы с девочками играли в мяч, и Ханна Хэмич случайно организовала мне хорошую подачу в лицо, нос тогда гудел примерно так же.

– Видали, да? – Вигвард запрыгнул на подоконник и показал товарищам камень. – Вон чего у меня есть! Я теперь старшой!

Новые нити текли от моих пальцев, скручиваясь и вливаясь в общий узор. Теперь кухня будет неприступной крепостью, сюда не проберется никакой гад со своими гадскими планами.

Норберт сбежал не просто так. Я точно знала: сейчас он пытается найти проход в академию. Стало даже жутко: он вполне способен был убить и прикопать какого-нибудь студента, принять его облик и оказаться внутри. Надо будет сказать Мартину о дополнительных чарах подлинности, которые всегда показывают, кто ты на самом деле.

Нос болел все сильнее, но я почти закончила работу. Еще немного и...

Вдалеке послышался звон. Я обернулась: коридор, который вел к кухне, был пуст и ярко озарен доброй дюжиной ламп, но мне все равно казалось, что там кто-то есть.

– Ульрих? – окликнула я. – Это ты?

Привидения практически не разговаривают с людьми. Даже наш замковый монах, приглашая выпить с ним стаканчик, просто подмигивал и кивал в сторону погребка. Надо было пойти, куда звали, нацедить вина из бочки – тогда монах кивал: “Будем!”, вот и все общение с ним.

Никто не отозвался, но ощущение взгляда сделалось еще четче. Я сделала шаг назад, отступая под защиту своих чар, и почувствовала дуновение холодного ветра в лицо.

“Я здесь, – будто бы сказал кто-то. – Я здесь, и ты это знаешь”.

Может быть, Норберт уже в замке? Но как?

Я подняла руки и стала ткать чары дальше – через четверть часа села на первый попавшийся стул, не чувствуя ни рук, ни ног. В коридоре слышались шаги и голоса, и на кухню вошли Мартин и Вайдфогель. Джеррит и немолодой господин в темно-сером костюме чиновника, которые шли за ними, со всего маху вцепились в заклинание и задержались, пытаясь освободиться из его липких объятий.

– Эт-то что еще такое? – несколько мгновений завхоз оторопело смотрел на возню, а потом бросился на выручку. Мартин вопросительно поднял бровь.

– Это значит, что на кухню теперь не войдут посторонние, – со вздохом объяснила я. – Понимаешь, тут столько всего случилось, пока вас не было. В киви были бомбы, Анна их обнаружила, они взорвались...

Мартин изменился в лице. Тотчас же схватил меня за плечи и повернул, оглядывая со всех сторон и пытаясь понять, все ли в порядке.

– Ты в порядке? – спросил он с нескрываемой тревогой, и на сердце невольно сделалось спокойно и тепло.

Я была небезразлична. За меня волновались. Для родителей было важно, чтобы я удачно вышла замуж, Норберт думал лишь о том,

чтобы я создавала нужные чары.

А Мартин испугался за меня просто потому, что это была я. Часть его души.

– Да, все хорошо. Но теперь на кухню никто не войдет. Вигвард будет встречать поставщиков у замка, и надо обновить чары подлинности в защите, чтобы Норберт не вошел сюда под чужим обликом...

Джеррита и регистратора наконец-то освободили: они сделали несколько шагов назад, и регистратор обиженно произнес:

– Ну, знаете! Я к такой работе не привык!

Мартин ободряюще улыбнулся, взял меня за руку и потянул из кухни.

– Честно говоря, я тоже, – признался он. – И готов дополнительно оплатить все ваши неудобства. Только сделайте свою работу поскорее!

Глава 7

Мы отправились в ректорат, и всю дорогу, пока мы шли по коридорам и лестницам, меня не покидало неприятное ощущение чужого взгляда на спине. Наконец, мы вошли в кабинет Мартина, и здесь, в ярко освещенном месте, мне наконец-то сделалось спокойнее. В зеркале на стене мелькнуло отражение, и я не сразу узнала взволнованную девушку рядом с ректором.

– Не переживай, – Мартин ободряюще сжал мою руку. – Все будет хорошо.

– Знаю, – откликнулась я. – Мы же истинные.

Мартин кивнул.

– Сам волнуюсь, как не знаю, кто, – негромко признался он.

Волноваться это слишком простое слово. Оно не описывало того, что мы с ним сейчас чувствовали. Я только вчера приехала в Дандевар! И уже выхожу замуж за ректора, он моя истинная пара, и нам на головы свалилось столько приключений и проблем, что успевай поворачиваться!

– Я тоже, я тоже хочу тут! – в ректорат прыгнула рыжая молния, и важный Вигвард запрыгнул прямо на стол Мартина и с чинным видом сел там, накрыв передние лапки пышным хвостом. – Я старший по кухне, и без кота вообще никуда нельзя, ничего нельзя!

– Конечно, – я погладила домашнего по голове, и тот довольно заурчал. – Куда же мы без тебя.

– Готовы? – хмуро поинтересовался регистратор. – Давайте тогда делом займемся, ночь на дворе.

В зеркале за нами что-то шевельнулось. Я обернулась – никого и ничего. Обычное отражение.

Может, Ульрих придумывает, во что переодеть нас следующим утром?

– Итак, мы собрались здесь, чтобы я, властью, данной мне его величеством Эрихом и королевством Гиндеар, соединил брачными узами этого мужчину и эту женщину, – пробубнил регистратор. Видно, он думал не о нас, а о том, как бы поскорее получить деньги и отправиться домой.

Правда что, ночь на дворе. А тут его вызывают в академию, там ректор нашел истинную пару. И первым же делом бедолага регистратор влипает в какое-то невидимое желе.

– Эмма Аутенберг, скажите перед достойными людьми: ваше желание выйти замуж добровольно, вы даете его в здравом уме и твердой памяти и понимаете, какой будет ваша жизнь после заключения этого союза?

Мы с Норбертом обвенчались в главном столичном соборе: гостей было две тысячи, и колокола звонили так весело, так ярко, что мое сердце просто улетало в бесконечную вышину за их звоном. А на молодоженов сыпались рисинки и цветочные лепестки, и счастье тогда было безумным, бескрайним.

Сейчас я была счастлива совсем по-другому. Это было счастье, лишённое примесей боли и сомнений.

Мы нашли друг друга, чтобы больше никогда не расставаться.

– Да, – ответила я. – Добровольно, в здравом уме, все понимаю.

Рука Мартина сделалась горячей. Над его головой снова расцвели огненные лепестки: дракон был взволнован и не мог унять волнение.

– Мартин Грюнвальд, скажите перед достойными людьми: ваше желание взять в жены эту женщину добровольно, вы даете его в здравом уме и твердой памяти и понимаете, какой будет ваша жизнь после заключения этого союза?

– Конечно, – с нескрываемой радостью откликнулся Мартин. – Добровольно, в здравом уме, все понимаю.

– Хорошо, тогда дайте мне ваши руки, – произнес регистратор.

Мы послушно протянули ему наши руки, он извлек серебряную государственную печать и дотронулся до кожи. От драконов и единорогов на печати потянулись сверкающие нити чар и впитались в наши руки. Теперь, когда понадобится свидетельство о браке, мы просто протянем руки к считывающему артефакту.

Очень удобно, и не надо таскать с собой тьму бумажек.

– Властью, данной мне его величеством Эрихом и королевством Гиндеар, объявляю вас мужем и женой, семьей Грюнвальд, – произнес регистратор. – Любите друг друга, будьте счастливы. Госпожа Грюнвальд, пройдите со мной к столу, я оформлю новые документы на ваше имя.

Джеррит, который все это время вел себя удивительно тихо, похлопал в ладоши, а Вайдфогель, который стоял с невероятно важным видом, извлек из отборка в пространстве большую золотистую бутылку шипучего вина.

– В карманах не помещается, – признался завхоз. – Ну что за свадьба без хорошего вина, правда?

Вигвард спрыгнул со стола и понесся к выходу: у дверей притормозил и сообщил:

– Я за куреночком! Там на кухне куреночек в печи, нас по ночам иногда на поесть пробивает!

– Студенческая свадьба! – рассмеялся Мартин. – И выпьем, и закусим!

Он выглядел сейчас удивительно юным, словно свадьба, такая простая и сердечная, сбросила с него добрый десяток лет. Регистратор заполнял чистый бланк свидетельства о личности, вписывая туда мое имя уже с фамилией Грюнвальд, и у меня голова кружилась от радости.

Теперь все будет хорошо. Что бы там ни затевал Норберт, у него ничего не выйдет.

– Ну, вот! – регистратор протянул мне свидетельство. – Прежнее считается аннулированным. Счастья вам, господин и госпожа Грюнвальд.

– Поужинайте с нами, – предложил Мартин, но регистратор только рукой махнул.

– Жена мной поужинает, если к полуночи не вернусь.

Мартин расплатился с ним, и регистратор чуть ли не бегом покинул ректорат. Джеррит поднял бокал, ослепительно улыбнулся и произнес:

– Хорошо, что мы теперь без посторонних. У меня к вам очень важный разговор.

Мартин покосился на него неприятным колючим взглядом. Вспомнил, наверно, дуэль и то, как Джеррит едва не снял с него голову своими чарами.

Вайдфогель вздохнул.

– Я останусь, – сказал он. – Как-никак, помогал и соучаствовал. Да и дело опасное, государственное дело.

Я почти упала в кресло для посетителей. Когда таким тоном говорят о государственных делах, то ясно: предстоит что-то скверное.

– До утра это не потерпит? – поинтересовался Мартин. Джеррит усмехнулся.

– Нет. Я хочу разобраться с этим делом сейчас.

И сказано это было так, что никто не стал спорить. Мы выпили по бокалу шипучего, и я не почувствовала вкуса.

– Так вот, – продолжал Джеррит. – Ты знаешь, Мартин, зачем я на самом деле сюда отправлен. Присматривать за регионом. Его величество знает, что измена часто вызревает там, где ее не ждешь. И надо наблюдать не только за столицей, но и за окраинами.

В мягком сиденье вдруг обнаружили какие-то вмятины и бугры, и я приказала себе сидеть спокойно и не ерзать. Мартин понимающе кивнул.

– Рассказывай, – приказал он. – И можешь не сомневаться в моей верности короне.

Джеррит вздохнул. Покрутил в руках бокал.

– Некоторое время назад королевские предвидцы будущего увидели вариант, который их испугал, – произнес он. – Это был огромный пласт сбывшейся реальности. В ней дом короля Эриха пал, столица и крупные города лежали в руинах, а на развалинах воцарился новый владыка. Его вознесли так высоко редкие чары. Предвидцы не знали таких, они были созданы на заказ мастером своего дела.

По спине потекла капля пота. Я перевела взгляд за окно: ночь там была непроницаемо густой и черной, и девушка в отражении казалась испуганной птицей, готовой взлететь.

– Этот пласт реальности очень резко отличался от того, что провидцы видели раньше, – продолжал Джеррит. – Он был просто не вариантом будущего, он был сбывшимся будущим, которое потом почему-то отменили. Исправили. Пласт полностью исчез через несколько часов наблюдения, но взволновал всех. Служба королевской безопасности по личному указу его величества взяла в разработку всех магов, которые могли творить собственные чары. Так мы нашли тебя, Эмма.

Я схватила Мартина за руку. Джеррит говорил спокойно и выглядел так, словно не желал мне зла, но я понимала: он способен отправить меня гнить в самую страшную тюрьму королевства, если потребуется. Балагур, весельчак и бабник исчез без следа – перед нами был очень важный государственный чиновник.

– Если ты попытаешься как-то причинить ей вред... – начал было Мартин, и Джеррит беспечно махнул рукой.

– Не собираюсь, не волнуйся. Я здесь не за этим. Итак, мои коллеги нашли тебя – были, кстати, потрясены, что такая сильная и талантливая волшебница сидит дома и просто готовится выйти замуж.

Не знаю, каким чудом я сумела улыбнуться. По телу плыли горячие волны, но меня не бросало в жар, а знобило. Хотелось лишь одного: пусть все кончится побыстрее. Регистратор был прав, ночь на дворе.

– Я не сделала ничего плохого, – выдавила я, и Джеррит улыбнулся.

– Тебя никто ни в чем не обвиняет, – дружеским тоном сказал он. – Так вот, ты сбежала за несколько часов до того, как мои коллеги пришли бы в твой дом. Объявили всекоролевский розыск, внутренние силы были приведены в полную готовность... и представь, как я удивился, когда увидел тебя в Дандеваре!

Над головой Мартина расцвел настоящий пламенный нимб. Дракон готов был сражаться за меня, и от этого невольно становилось легче. Я была не одна.

– Надо было проверить, ты ли это на самом деле или кто-то другой, посмотреть твои чары в деле. Я приказал Сильверу подсыпать приворотное зелье, и он попался. Да, чары были того же мастера, что и в растаявшем пласте реальности. Оставалось просто забрать тебя и привезти в столицу, но тут я заметил нотки истинности в магии господина ректора. И это тоже надо было проверить.

Мартин посмотрел так, словно готов был снять с зельевара голову собственноручно.

– То есть, все эти твои попытки ухаживания, вздорное поведение, дуэль – это была проверка?! – обманчиво мягким голосом уточнил он. Джеррит кивнул.

– Да. Я, конечно, веду жизнь насмешливую, но не такую дурацкую, как в эти два дня.

– Дурацкую это мягко сказано, – пробормотала я. – Что теперь будет?

– Когда в дело вмешивается дракон, нужно быть осторожным, – нравоучительным педагогическим тоном промолвил Джеррит. – Я напишу королю о том, что ты нашлась, и оставлю тебя в семейном счастье под моим приглядом в Дандеваре. А ты за это расскажешь мне во всех подробностях: что планирует твой несостоявшийся муж? И как именно он заставил тебя работать на него?

– Угрожал, что убьет мою семью, – едва слышно откликнулась я. – Когда я попыталась освободиться, он подстроил столкновение экипажа моего брата с перевозчиком масел... рвануло сильно, Фред едва выжил.

Не хотелось вспоминать. Не хотелось снова поднимать в памяти те беспомощные, какие-то ненастоящие дни, когда я была марионеткой в чужих руках, без возможности вырваться на свободу.

– Потом они все равно погибли, когда штурмовали столицу, – продолжала я. Хотелось заплакать – пусть бы глаза наполнились слезами, от этого стало бы легче. Но все слезы я выплакала в несостоявшемся будущем. – Я была уже не нужна Норберту... и у меня появились силы на новое заклинание.

Я сделала паузу и добавила:

– И у меня получилось все отменить.

Мартин вздохнул. Опустил руку на мое плечо – тяжелая, сильная, она легла, словно доспех. Надо же, я столько лет прожила с Норбертом, но так и не узнала, что это такое: чувствовать себя защищенной, когда рядом мужчина.

Теперь вот узнала, и как же спокойно стало на душе от этого знания! Когда Мартин был рядом, все, что случилось в несостоявшемся прошлом, исцелялось, и раны затягивались.

– Если не хочешь рассказывать, не рассказывай, – произнес он. – Никто не будет тебя заставлять.

Я покосилась на Джеррита: если понадобится, веселый родственник короля разложит пыточные инструменты прямо здесь, и Мартин не сумеет ему помешать. Но это и не потребуется.

– Ты и так понимаешь, что он планирует, – вздохнула я. – Если вы видели тот пласт реальности.

В том мире, который я успела исправить, королевские провидцы будущего тоже увидели, какая участь постигнет королевство. Но было уже поздно. Они, конечно, пытались все изменить, но не успели. Норберт действовал быстро и нагло, и верные королю войска накрыло чарами негасимого огня.

А неверные поддержали нового владыку.

“Меня никто не остановит, – смеялся Норберт. – Я всегда на несколько шагов впереди!”

– Видели и благодарны тебе за то, что он отменен, – серьезно ответил Джеррит. – Но я хочу услышать все от тебя.

– Я тоже, – поддакнул Вайдфогель. – Я завхоз, мне надо знать, какие тут у нас могут быть проблемы.

Я бросила взгляд в его сторону.

– Вот почему у вас был камень Жельдра, да? Все это тоже была часть проверки.

Вайдфогель улыбнулся и довольно кивнул.

– Конечно! И я рад, что сейчас все в порядке.

– Норберт хочет занять трон, – ответила я. – По материнской линии он в родне с королем Эрихом... конечно, его права призрачны, но когда истреблены все остальные претенденты...

Снова вспомнилось несостоявшееся будущее – то, что осталось от юных принцесс после того, как на дворец рухнуло пламя, в десять раз сильнее драконьего. Как же хорошо, что я сумела освободиться и отменить все это! И как же плохо, что Норберт на свободе и может быть сейчас, где угодно.

– У него есть сподвижники, – продолжала я. – Ты же понимаешь, одной только магии недостаточно, нужны еще и люди, и деньги. Семьи Нойманн, Ланге, Шеффер – все они уже на стороне Норберта.

Мартин покачал головой и пробормотал что-то удивленно-неразборчивое. Семья Нойманн владела большей частью верфей в королевстве и плотно заняла морские перевозки, дом Ланге был занят строительством по всей стране, а Шефферы сидели на торговле чаем. Солидные люди с солидными деньгами и властью, которым постоянно хотелось подниматься все выше и выше.

И Норберт избавился от них сразу же, как только столица пала. Несчастные случаи, отдача от боевых чар, которая разрушила их защиту. Новому владыке не нужны были те, кто помнил его прежним – не государем, а обычным драконом, одним из многих.

Так часто бывает. Если ты забрался на гору, столкни тех, кто карабкается за тобой. На вершине должен стоять только один.

– Он так атакует меня потому, что без моих заклинаний у него ничего не выйдет, – продолжала я. – Да, он всем заявил, что я его истинная, что он любит меня всем сердцем, до безумия...

– И солгал, – произнес Мартин. – Истинная любовь это не безумие. И не чувственный удар.

Я кивнула. Теперь-то знала правду – истинная любовь это готовность идти по одной дороге до конца, рядом с единственным человеком. Другие просто не существуют.

– Норберт взял меня в жены, я влюбилась в него до беспамятства, – об этом тоже нужно было рассказать, чтобы меня поняли правильно. Чтобы знали, почему я соткала первое заклинание. – Но очень быстро я поняла, что меня обманули. Не сразу поверила, решила, что это со мной что-то не так. И когда Норберт попросил составить первое боевое заклинание, я пошла на это... потому что снова хотела увидеть, как он улыбается, когда смотрит на меня. Услышать, как называет любимой.

Мартин отчетливо скрежетнул зубами. Джеррит понимающе качнул головой.

– Было бы странно обвинять тебя в том, чего не случилось, Эмма, – сказал он. – И ты среди друзей, не забывай. А твоя самоотверженность и желание все исправить достойны только уважения. Думаю, дальше все будет так: ты останешься в академии вместе с мужем, никто не станет разлучать настоящую истинную пару.

– Ну спасибо! – пробормотал Мартин, но Джеррит посмотрел так, что он осекся.

– И все силы мы с вами должны бросить на поиски Брикенхорфа и защиту академии, – продолжал Джеррит. – Он обязательно попробует прорваться сюда и забрать Эмму.

– Без моих чар у него ничего не получится, – согласилась я. – А он не из тех, кто отказывается от своих планов.

Краем глаза снова заметила, как в зеркале что-то шевельнулось. Повернулась посмотреть – снова обычное отражение. Ничего особенного, но неприятное ощущение тревоги так и не покидало. Что-то хрупнуло, мы все обернулись на звук и увидели Вигварда. Домовой сидел у дверей и энергично расправлялся с жареным куреночком, негромко урча и подвывая.

Он лопал так, словно был самым голодным существом на свете и никогда ничего не ел. Поняв, что на него смотрят, Вигвард придвинул к себе лапами остатки курицы и произнес:

– Ну а что? Вы тут разговоры важные разговариваете, а куренок остывает! Никак такое нельзя допускать!

И домовой склонил голову к трапезе и продолжил есть.

Утром в конце лета всегда сумрачно и тоскливо. Солнце поднимается лениво, будто устало за лето, и ты лежишь, смотришь на темный прямоугольник окна и грустишь.

Даже если рядом с тобой твоя истинная пара, тебе все равно не хочется расставаться с летом.

За окном птица прочистила горлышко, выплеснула первые трели в темноте, и Мартин шевельнулся рядом со мной и признался:

– Никогда не думал, что у меня будет такое утро.

Я потянулась, удобнее устраиваясь в его объятиях. Мы заснули где-то час назад, и вот уже пора подниматься. Завтрак ждать не будет.

– Какое именно? – уточнила я. Мартин усмехнулся, поцеловал меня в висок.

– Рядом с истинной. Об этом все мечтают, видишь ли, но редко кто находит. А я нашел и до сих пор не могу в это поверить.

Я улыбнулась. На душе было спокойно и светло. Пусть приходит осень и стучит по окнам долгими дождями – мы разожжем огонь в печах и испечем яблочные пироги, мы встретим ее улыбками и смехом, потому что если в душе царит лето, не имеет значения, что там сейчас за окном.

Мелькнула мысль, что я уникальное существо – женщина, которая дважды лишилась невинности с законными мужьями. И то, что было между мной и Мартином этой ночью, сейчас казалось не сказкой, не мечтой о любви, не сбывшейся радостью – все слова теряли смысл,

когда я вспоминала о прикосновениях Мартина и об огне, который окутывал нас, соединяя в одно существо.

Мы истинные.

Мы нашли друг друга.

И все новые дни и ночи будут принадлежать нам навсегда.

– Я тоже не верю, – призналась я. – Подумать не могла, что истинность – это вот так.

Счастье было не лесным пожаром и не извержением вулкана, а ровным огнем, который дарует жизнь и тепло.

– Прости, я ведь даже цветов тебе не подарил, – произнес Мартин, и я приподнялась на локте.

– Еще подаришь. Завтра начало учебного года, цветов будет много.

У него были сухие губы, и он целовал так, словно прикасался к чему-то бесконечно дорогому и поцелуй был для него способом рассказать о себе и о своей любви. С Норбертом все было иначе. Властный и жестокий, он присваивал и клеймил – и когда-то я думала, что так и должно быть, и когда-то считала, что это правильно.

Хорошо, что я сбежала из дома и приехала на окраину королевства.

Теперь я знаю, что такое любовь...

Когда я вошла на кухню, то домовые высыпали навстречу и вынесли большой поднос с россыпью шоколадных сердечек. Вигмар так и приплясывал от нетерпения, став похожим на огромный серый шар.

– Пробуй! – воскликнул он. – Пробуй скорее! Я сам формочки заливал, вот этими лапками!

Я отправила шоколадное сердечко в рот – внутри обнаружилась клубничная начинка – и домовые закричали хором:

– Поздравляем! Поздравляем!

Вигвард, который приколот к своему колпачку серебристый значок, показывая, что он теперь первый главный после меня, важно заявил:

– Ну а как не поздравить? Мы старались, спать не ложились.

– Шоколад чудесный! – заверила я, и несколько минут у нас ушли на обнимашки: домовые льнули ко мне, радостно поздравляя со свадьбой и желая котят, то есть, ребятки побольше.

Потом мы взялись за дело. Часть домовых я отрядила на приготовление завтрака: сегодня овсяную кашу должны были сопровождать блинчики с разными начинками, и Вигбер с товарищами загремел сковородами. А остальные домовые вместе со мной приступили к подготовке праздничного обеда.

Я решила соединить его со свадебным пиром. По академии уже поползли разговоры, к завтраку все будут знать, что ректор женился, и это надо будет отметить, как следует. И раз уж в академии уважают картофель, то на стол мы поставим еще картофельную запеканку со свининой и луком – блюдо сытное, аппетитное, мясо под сырной корочкой будет сочным, а овощи нежными. А еще мы приготовим курятину с грибами в сметане – не знаю того, кому бы не понравился сметанный соус с пряной кислинкой. А еще салаты, закуски, пирожки... одним словом, я сегодня не присяду.

– Так, команда! – я похлопала в ладоши, привлекая внимание. – Сейчас мы с вами займемся уткой и медом. Если загустел, растопим на водяной бане. Уток – вымываем и обсушиваем. За дело!

Мед не загустел. Пока домовые возились с утиными тушками, я взялась за маринад: соединила мед с горчицей, выдавила лимонного сока. К смеси присоединился выдавленный чеснок, розмарин и перец. Последним пришло подсолнечное масло, и я принялась за перемешивание.

Уточка выйдет на славу. Не самая популярная птица, но какая же вкусная!

По спине снова прошел холодок. Я обернулась к окну – никого и ничего. Небо светлело, утро уверенно шло по холмам и лесам, солнце обещало долгое и сухое бабье лето. Что не так?

Перед тем, как мы расстались, Мартин сказал, что вместе с Джерритом займется дополнительным укреплением академии. Кухню я обработала так, что посторонним сюда не войти – домовые даже повесили плакатик с советом не шастать. Почему тогда мне так неуютно и холодно?

В оконном стекле что-то скользнуло, сгущаясь и темнея. Вигвард, который проверял, как пекутся блинчики, застыл, едва не выронив лопатку.

– Ой, котья моя мать... – пролепетал он. – Смотрите!

В стекле медленно проступало человеческое лицо. Глаза выкатились из орбит, язык свесился на сторону, невыразимое страдание исказило все черты.

– Ульрих... – выдохнул Вигбар. – Ульриха убили!

Весть о том, что кто-то расправился с замковым привидением, облетела академию быстрее южного ветра. В каждом зеркале и оконном стекле отразилось лицо Ульриха и растаяло.

– Вот и нет в академии своего привидения, – вздохнула госпожа Патриция, укладывая на свою тарелку блинчик с лососем и творожным сыром. – Не скажу, что стану скучать по его проделкам, но без Ульриха в замке теперь все будет иначе.

Мартин угрюмо кивнул. Я сидела рядом с ним, не зная, куда деваться от пугающего ощущения наступающей беды.

Привидение – это посмертный разумный оттиск чьей-то души. Они бывают спокойные, вроде нашего пьяницы-монаха, бывают шутниками, как Ульрих, а бывают и злобными мстительными тварями.

– Привидение можно развеять мощным направленным заклинанием, – угрюмо произнес Мартин. – Но я не думаю, что кто-то из преподавателей или студентов хотел бы расправиться с Ульрихом.

– Зато я знаю, – пробормотала я. – Это Норберт. Он уже в замке.

Госпожа Патриция от неожиданности слишком резко провела ножом по блинчику, и лезвие заскрежетало по тарелке. Мартин ободряюще накрыл мою руку своей.

– Мы с Джерритом обошли весь замок, – сообщил он. – Никого из посторонних не обнаружили. Добавили новые защитные чары. Если Норберт сунется сюда, его просто испепелит.

Он говорил уверенно и спокойно, я хотела ему верить, но знобящее предчувствие беды отказывалось покидать душу.

– Кто так поступил с Ульрихом, если не он? – спросила я. – Это знак нам всем. “Я приду, и вам не поздоровится”.

Госпожа Патриция пожала плечами.

– Призрак может рассеяться и сам по себе, – сказала она. – Возможно, душа Ульриха наконец-то дождалась небесного суда, и все ее отпечатки развеялись.

– Судя по выражению его лица, он попал в ад, – пробормотал Мартин. – Ничего себе поздравление с бракосочетанием.

Домовые расстарались: блинчики были хороши. Тонкие, нежные, они так и таяли во рту, а мне кусок в горло не лез. Не верила я в то, что Ульрих растаял сам по себе. Много веков с ним все было в порядке, и вот именно теперь наступил конец.

Странно. А ко всем странностям надо относиться очень осторожно. Особенно если рядом шастает тот, кто готов на все ради своих целей.

– Что касается бракосочетания, – сказала госпожа Патриция, – то у меня для вас подарок.

Она извлекла из сумочки два маленьких бархатных мешочка и протянула нам. Я растянула завязки, и на ладонь выскользнул гладкий цитрин – желтый, яркий, солнечный. Камень поймал луч солнца из окна, и в глубине проступили руны.

– Артефакты на семейное благополучие и здоровое потомство, – объяснила проректор. – В моей семье всегда делают и дарят такие. Пусть ваша совместная жизнь будет долгой, легкой и счастливой, а ваши дети и внуки вас радуют.

Мы искренне поблагодарили ее, и Мартин поинтересовался:

– Как, кстати, ваши внуки? Я слышал, Эгберт делает карьеру в министерстве иностранных дел?

Госпожа Патриция кивнула.

– Это не мальчик, это счастье родителей и бабушки. А вот Эгмунд шалопай! Мы все хотели, чтобы он пошел по военной линии, а он поступил в академию художеств. Рисует сейчас батальные полотна и портреты генералов в образе великих полководцев.

– Ну, он все равно связан с армией, – заметил Мартин, и в это время в столовой появилась Анна.

Выглядела она угрюмой, будто всю ночь провела без сна, ворочаясь в постели и пытаясь прогнать тяжелые думы. От вчерашнего впечатляющего наряда и следа не осталось: Анна надела закрытое темно-синее платье с высоким воротником и нитью жемчуга в качестве единственного украшения. Если бы не этот жемчуг, наряд мог бы сойти за траурный.

Что ж, ты всеми силами окучивала ректора, пытаясь произвести на него впечатление и пуская в ход все женские чары, а он взял и

женился на своей истинной. Будешь тут в трауре.

Джеррит, который сопровождал Анну, словно преданный рыцарь, казался спокойным и уверенным. Анна держала его под руку, а он что-то негромко говорил ей, будто утешал. Они подошли к нам, и Анна, придав лицу доброжелательное выражение, сказала:

– Мартин, Эмма, я хочу поздравить вас с бракосочетанием. Обретение истинной пары это чудо, и я рада, что оно случилось с вами. У меня есть для вас маленький подарок.

На стол перед нами встала нефритовая статуэтка: дракон кусал себя за хвост. На Востоке нефрит считается камнем, который приносит благословение небес.

– Говорят, нефритовый дракон приносит семейное счастье и укрепляет его, – продолжала Анна. – Не знаю, так ли это, по-моему, он просто красив. Там внутри руны процветания, так что... пусть у вас все будет.

Джеррит, который понимающе кивал, слушая ее, стоял так, словно готовился схватить Анну, если она вдруг захочет выцарапать мне глаза. Мы поблагодарили ее за подарок, и я решила убрать его куда-нибудь в самый дальний угол чердака.

Не верится мне в такие дары от той, которая хотела стать женой моего мужа – и Мартин, кажется, разделял мое мнение. Джеррит и Анна сели за соседний стол, Мартин убрал дракона в карман, и я услышала едва уловимый треск: нефрит окутало защитными чарами.

Вот и правильно. Лучше бы его вообще расколоть на части.

Глава 8

Ближе к полудню в академию начали съезжаться студенты. Кто побогаче, добирался до замка в экипаже, те, кто попроще, шли пешком. И, конечно, несколько человек сразу же попались в мою кухонную ловушку и влипли в невидимую завесу.

– Ну что за дела? – возмущенно воскликнул один, светловолосый красавчик в дорогом костюме, похожий на принца из сказок. – Всегда можно было запросто зайти и перекусить!

Высоченные парни не в такой дорогой одежде, которые были похожи на его свиту, согласно закивали. Мы с Вайдфогелем освободили их, и я сказала:

– Все, кухня теперь закрыта от посторонних. А то ходят тут всякие, а потом серебряные ложечки пропадают.

От возмущения красавчик даже руку к груди прижал.

– Я никогда не брал никакие ложки! – воскликнул он. – Пирожки и чай да, брал. Но обвинять меня, Клауса Хофф-Барнгерна, в воровстве ложек, это... низко!

Свита возмущенно закивала. Я выразительно завела глаза к потолку.

– На кухню теперь хода нет, – важно заявил завхоз. – Кто хочет перекусить, прошу к морозильным ларям с едой. На каждом этаже поставили, и самовар рядом. А вообще ешьте по режиму, режим основа дисциплины.

Клаус Хофф-Барнгерн фыркнул и, важно вскинув голову, пошел прочь.

Морозильные лари с едой, которые мы установили для студентов, были прозрачными, чтобы не скрывать аппетитное содержимое. На полках расположились пирожки, печенья, пирожные и сухофрукты в бумажных пакетиках. Как только ларь открывался, закливание разогревало то, что нужно было разогреть, и пирожок попадал в руки с пылу, с жару. К ларям сразу же выстроилась очередь страждущих, и домовые сбились с ног, таская все новые подносы.

– Изголодались по дороге, – заметила я, глядя, как студентки наливают чай в плотные картонные стаканчики. – И вот такие толпы

таскались бы на кухню, да?

– Надо пару наших определить четко на пополнение ларей, – предложил Вигвард. – Пусть пекут и сразу же относят. Это они с дороги такие голодные, а после первой пары у госпожи Патриции еще голоднее будут!

Вигбурда и Виггера назначили главными по ларям: домовые важно муркнули, распушились и бросились работать. А остальные взялись за утку.

Утицы успели промариноваться, и мы с Вигвардом чуть не поссорились, выясняя, что делать с яблоками. Золотисто-белые, с румяными мазками солнечного загара на боках, они так и звали: съешь меня! Съешь скорее!

– Надо класть внутрь, – говорила я. – Сок пропитывает птицу, а мясо будет нежным. И аромат удивительный!

– Если яблоко в утку класть, то оно там внутри в кашу превратится! – возмущался Вигвард. – И что с ней потом делать? Ложками выгребать? Нарезать на дольки и рядышком положить!

Я показала домовому яблоко.

– Этот сорт называется “Бабка кузнеца”. Они плотные и не развалятся. Но рядышком мы тоже положим, не волнуйся.

Домовой презрительно фыркнул и принялся нарезать яблоки на дольки. Затем мы взяли большие стеклянные формы для запекания, уложили на дно яблоки, а сверху начиненных уток. Формы отправились в разогретые печи на два часа, и я сказала:

– Часть яблок потом перетрем. Получится соус. Кстати, ребята, вспомните все-таки, кто принес ту корзину с киви. Откуда она тут взялась?

Домовые растерянно переглянулись: понятно, появление корзины это по-прежнему загадка.

– Такие вещи не появляются сами по себе, – мрачно пробормотала я, и домовые закивали и испуганно выгнули спины.

– А если нам сюда еще что-то такое принесут? – спросил Вигвард.
– А мы и не заметим, пока оно не жахнет?

Послышался стук, и я увидела в дверях госпожу Патрицию. Она замерла на пороге, не рискуя сделать шаг, и я быстро подошла к ней.

– Хотите чего-нибудь вкусенького? – поинтересовалась я. – У нас пирожки с пылу, с жару.

Подтверждая мои слова, Вигбурд и Виггер вынули два очередных противня. На одном были пирожки с яблоками и вишней с корицей, на другом – с мясом и печенью. Госпожа Патриция сожалеюще вздохнула.

– Увы, такие лакомства мне уже не по возрасту. Приходится строго следить за фигурой. Я к вам вот по какому делу, дорогая Эмма. Там, в кладовой, стоит корзина с киви, я хотела бы ее забрать. Можете вынести?

Несколько мгновений я растерянно смотрела на проректора, пытаюсь взять себя в руки и никак не выдать своего волнения.

Это госпожа Патриция хотела взорвать академию? Убить меня? Но зачем ей это? Незачем... Но что, если она хочет сместить Мартина и занять его место? Тогда такая трагедия вместе со скандалом будет ей на руку.

Нет. Не верю. Она не похожа ни на убийцу, ни на интриганку.

Но ведь и Норберт не был похож на мерзавца.

– Корзина с киви, да? – спросила я, улыбаясь, как дурочка. – Корзина с киви... Госпожа Патриция, мы сможем поговорить в вашем кабинете? У меня к вам очень важное дело. Неотложное.

Если скелет кашляет, когда врут, пусть не сдерживается, если госпожа Патриция что-то скрывает. Вот сейчас и проверим.

Проректор нахмурилась. Посмотрела так, словно пыталась понять, не сошла ли я с ума на радостях от того, что стала истинной парой дракона.

– Все в порядке? – уточнила она. Я кивнула и вышла в коридор.

– Да, но мне очень нужно с вами поговорить. Пожалуйста, госпожа Патриция, прошу вас.

Она вздохнула, качнула головой и мы пошли в башню Восточного ветра. По пути я тихонько сплела небольшое заклинание истины: сработает, если скелет ящера настроен так, чтобы скрывать правду о своей хозяйке. Когда мы вошли, госпожа Патриция села за стол и недовольно сказала:

– Если домовые съели мои киви, то так и скажите. Я не обижусь, хотя мне будет неприятно.

– Это ваши киви? – спросила я.

Госпожа Патриция нахмурилась. Видно, еще сильнее засомневалась в моем душевном здоровье.

– Мои. Говорю же: корзина с киви. В кладовой.

– А где вы их купили? – спросила я. – В этих краях киви редкость...

Госпожа Патриция поджала губы.

– Ну точно сожрали. И как только умудрились? Да, Эмма, это мои киви, корзину прислал мой выпускник Джереми Кхвонга. Работает сейчас в Проюжье, там их много. Вспомнил, что я их обожаю, решил порадовать перед началом учебного года.

Я покосилась в сторону ящера. Он молчал. Но и мое заклинание тоже не показывало лжи. Госпожа Патриция открыла ящик стола и вынула открытку с нарисованным вомбатом. Положила передо мной.

– Вот, это сопровождало корзину. Почерк Джереми я знаю, он двенадцать раз пересдавал физические основы магии.

Тишина. Она не лжет.

– И вы окутали корзину чарами, чтобы домовые не увидели киви? – уточнила я. – Потому что они не помнят никакой корзины.

– Разумеется, – недовольно ответила госпожа Патриция.

Ящер и мое заклинание молчали.

– А почему вы не съели их сразу? – спросила я.

– Знаете, голубушка, есть вещи, в которых я не должна давать отчет, – чуть ли не обиженно сказала проректор. – И вообще я не понимаю, почему вы устроили допрос!

Я вздохнула, собираясь с духом.

– Потому что это были не киви. Это бомбы. Анна заказала мне торт, я увидела киви и решила, что они общие...

Госпожа Патриция возмущенно выпрямилась с таким видом, словно хотела выругаться. Потом откинулась на спинку кресла, будто поняла наконец, о чем я толкую.

Да. О бомбах.

– Вы сильная волшебница, раз смогли заглянуть под мои чары, – промолвила она. – Но бомба... как? Это были обычные фрукты!

Ящер качнулся над нашими головами и издал мелодичную трель, подтверждая слова хозяйки. Да и мое заклинание спокойно лежало в ладони.

Госпожа Патриция не лгала.

– Мы с Анной вчера были на кухне, – сказала я. – Она пришла поздравить меня с обретением истинной пары, я стала готовить для нее торт. Но как только я хотела резать киви, она вдруг велела мне остановиться. И да, в киви были бомбы. Они рванули бы, начни я их резать.

Проректор изменилась в лице. Ящер по-прежнему пел, показывая, что все говорят правду.

– Бомбы в академии? – госпожа Патриция дотронулась до груди, потом вынула таблетницу и отправила в рот пилюлю. – Как такое вообще возможно? Как это произошло? Джереми прислал обычные плоды, я съела один... да, мне нельзя есть много фруктов, желудок не позволяет. Господи, бомбы в академии...

– Не волнуйтесь так, все уже в порядке, – заверила я. Госпожа Патриция побледнела так, что я невольно испугалась: не хватил бы ее сердечный приступ. – Вы можете мне помочь?

– Да, разумеется, – проректор проглотила еще одну пилюлю, прикрыла глаза, собираясь с мыслями. – Что нужно сделать?

– Давайте поговорим с Анной, – попросила я. – Пусть подтвердит все, что я сказала. Сможете ее вызвать в кабинет?

Не доверяла я госпоже Шрайбер, несмотря на все ее добрые слова и подарочки. Вот не доверяла, и все тут.

Анна пришла через четверть часа: она переоделась, и я заметила, что воротник ее платья стал еще выше, подпирая шею по моде позапрошлого века. Выглядела она бледной и больной. Опустившись в свободное кресло, Анна призналась:

– Голова раскалывается. Чувствую перемену погоды, к нам идет буря.

– Только этого и не хватало, – нахмурилась госпожа Патриция. – Анна, что это за история с бомбами?

Анна выразительно завела глаза к потолку.

– Я всегда говорила, что форма киви идеально подходит для бомбы с разрыв-чарами. Кто-то приволок в академию целую корзину таких. Поварихе повезло, что я была рядом, иначе рвануло бы – костей не собрать.

Госпожа Патриция понимающе кивнула.

– Ты пошла на кухню вечером? После нашего с тобой разговора?

– Верно. Говорят, что сладкое помогает справиться с переживаниями, а я переживала. Не буду скрывать: Мартин всегда мне нравился, я имела все основания считать, что мои чувства взаимны. Поэтому естественно, я огорчилась, когда он встретил свою истинную.

Анна перевела взгляд на меня, и в ее глазах я не увидела ничего хорошего. Только плохо скрываемую неприязнь.

– Но я могу лишь порадоваться за человека, которому симпатизировала. Обретение истинности редкая вещь, и я рада, что он нашел такое счастье.

Скелет ящера издал сдавленное покашливание, и мы с госпожой Патрицией понимающе переглянулись. Анна могла вести себя с безукоризненной вежливостью, но это никого не обмануло бы.

– Но да, бомбы в самом деле были, – продолжала Анна. – И нам всем очень повезло. Я рада, что защита академии повышена, особенно с учетом того, что твой, Эмма, несостоявшийся жених скрылся из Ротбурга и бродит где-то рядом.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась я. – Тебя же с нами не было, когда об этом стало известно!

Анна только рукой махнула.

– Джеррит рассказал. Что ты так удивляешься? Все об этом знают. Если замку грозит опасность, надо быть готовыми к ней.

Скелет ящера издал переливистую трель. Значит, Анна ни в чем не виновата.

– Необычное у тебя платье, – заметила я. – Не слышала о том, что воротники, как у монахинь, теперь в моде.

Анна вздохнула.

– Скрываю сыпь, съела утром пару апельсинов. Родители прислали. Что ты вообще прицепилась ко мне?

Госпожа Патриция выставила руки вперед примиряющим жестом.

– Дамы, дамы! Только не ссорьтесь, тут и без вашей ругани хлопот хватает. Господи, поверить не могу. В академии злоумышленник, и все мы под ударом.

– Мы обязательно поймем Норберта, – заверила я, и в это время откуда-то снаружи донесся пронзительный девичий визг.

Девушка кричала так, словно ее резали. И немудрено. На ее крики в сад высыпала чуть ли не вся академия, и, подойдя к густым кустам живой изгороди, я увидела торчащий носок знакомого ботинка.

Одной из радостей Норберта была хорошая обувь. Он не покупал туфли в магазине, как делали многие, а приходил к одному из лучших столичных мастеров и заказывал ботинки ручной работы. Каждую пару он холил и лелеял, надевая на выбранный случай. Вот эти, из оленьей кожи, тонкие и мягкие, Норберт надевал на встречи с друзьями, когда была назначена прогулка.

Девушка уже не визжала: Вайдфогель дал ей какой-то пузырек и кусок сахара, и теперь она старательно вытряхивала на него капли успокоительного зелья. Я шагнула было ближе, увидела темно-серые штаны – Норберт не очень любил их, но вот, все-таки надел...

В какой-то миг мне стало дурно чуть ли не до обморока, а потом за дурнотой пришло облегчение. Я сделала еще один шаг, и подоспевший Мартин придержал меня, мягко отстранил от кустарника и произнес:

– Лучше на это не смотреть. Мейли, рассказывайте.

Мейли икнула и едва слышно ответила:

– Мы с девочками играли в мяч... он залетел куда-то сюда, я пошла искать, а тут м-м... мертвец.

Я отстраненно подумала, что девушке нужно что-то делать с нервами: если она так переживает от вида покойников, то боевого мага из нее не получится. Мартин понимающе кивнул и, присев на корточки, принялся рассматривать мертвеца.

– Это он, – сказал Мартин. – Эмма, это Норберт.

Во рту сделалось сухо. Неужели мы все теперь свободны? И можно спокойно жить дальше, не думая о том, что рядом бродит враг, что в киви или яблоках могут быть бомбы.

Я подошла, присела на землю рядом с Мартином. Норберт в самом деле был мертв, лицо, которое я когда-то так любила, обрело неживую остроту, скрюченные пальцы правой руки вцепились в рубашку на груди, словно Норберт пытался разорвать ее и глотнуть воздуха.

– Вот как было дело, – задумчиво сказал Мартин. – Он прошел в академию со стороны боковых ворот. Получил там удар системы

безопасности, который вызывает постепенный паралич. Приковылял сюда, заполз под кустарник, пытаясь найти укрытие...

– Кстати, хорошее укрытие, – заметил Джеррит: он бесшумно подошел к нам и теперь тоже рассматривал незваного гостя. – В этой части сада очень редко бывают, если бы девицам не захотелось поиграть в мяч перед обедом, никто бы ничего не заметил.

Подруги Мейли пытались ее успокоить. В руках одной из них была бита, больше похожая на дубину разбойника: коротко стриженная шатенка небрежно играла ею, словно пером.

Все кончилось. Мы теперь свободны. Мои родители будут счастливы, что я все-таки вышла замуж за дракона, мы с Мартином будем жить дальше, и уже никакой заговор не сможет разрушить эту жизнь.

– Я уже вызвал полицию, – сообщил Вайдфогель и сокрушенно покачал головой. – Расходы на магосвязь в этом году просто космические. Министерство с меня семь шкур спустит.

– И это я еще не отправляю по всему королевству любовные записочки! – рассмеялся Джеррит и обернулся к зевакам. – Господа, предлагаю покинуть место преступления! Время обеденное, из столовой такие запахи, что голова кругом. Конечно, сильно веселиться у нас не получится, сами видите, какие тут обстоятельства... Но приветственный пир все равно должен быть, правда, господин ректор?

Мартин угрюмо кивнул. Он поднялся, помог мне встать и коротко ответил:

– Уважаемые коллеги, студенты, прошу всех пройти в замок.

Народ начал расходиться, обсуждая академическую систему безопасности. Подруги повели Мейли под руки. Мартин придержал меня за запястье и, когда все, кроме завхоза и Джеррита, ушли, негромко произнес:

– Не хочу тебя пугать, Эмма, но он не мертв.

Некоторое время я смотрела на мужа, и в голове царила звонкая пустота.

– Как это? – наконец, смогла спросить я.

Джеррит, который снова сунулся под куст, выглянул и с хмурым видом поинтересовался:

– С чего ты так решил?

– Он дракон, – угрюмо ответил Мартин. – А у нас, драконов, есть такая вещь, как спячка. Глубокий сон, очень похожий на смерть. Все процессы в организме почти останавливаются. Сердце практически не бьется, дает один едва уловимый удар за сутки. Дракон может так пролежать десяток лет, а потом подняться. Он в спячке, Эмма.

Вайдфогель сокрушенно покачал головой. Джеррит нахмурился.

– Давайте сделаем так, – предложил он. – Кремируем его. И ни о каких спячках никто и слыхом не слыхивал. Одним махом решим все проблемы.

На всякий случай я сделала несколько шагов в сторону, будто Норберт мог услышать такое чудесное предложение, очнуться и броситься на меня.

– Не говори глупости, – скривился Мартин. – Мы не будем никого кремировать.

– Жаль. А то дохнул бы ты огнем, и готово.

– Нет, мы сдадим его полиции, – ответил Вайдфогель. – Устав предписывает поступать именно так. А полиция с усилением отвезет его, куда следует. Вот проблемы и решатся.

Джеррит согласно кивнул.

– Добавим еще окаменяющих чар, чтобы точно не освободился, – посоветовал он, и Мартин качнул головой.

– Эмма, тебе лучше уйти в замок, – произнес он, и я не стала спорить.

На кухне царила обычная суэта, которая наступает перед пиром, если ты хочешь, чтобы он прошел хорошо. Домовые вынимали из печей формы с готовыми блюдами, Вигвард старательно перетирал яблоки в соус для уток, трое самых пушистых домовых стучали ножами, нарезаая бекон для тарелок с мясными закусками, и я сразу же почувствовала себя спокойнее.

– Что там, что там? – спросил Вигвард. – Покойник? Студенты с перепугу все шкафчики опустошили. Как страшное чего-то, так им всем сразу жрать подавай.

– Давай не под еду об этом, – велела я. – Пора выставлять салаты и закуски.

В столовой собирался народ и, глядя на студентов и преподавателей, которые занимали места за столами, я подумала, что пир все-таки получится веселым. После первого же куса хорошей копченой колбасы с добавлением ореха, который ляжет на свежесдобитый хлеб и кудрявый листок салата, а сверху украсится каперсами и укропом – пока не для еды, а для разгона перед едой – все неприятности сотрутся из памяти.

Я отменила страшное будущее для королевства – и сегодня оно ушло навсегда. Приедет полиция, заберет Норберта, и дальше им займется уже служба королевской безопасности.

А мы займемся своими делами. Учебой и приготовлением еды.

Поднявшись в пока еще свою комнату, я быстро переоделась, выбрав простое, но изящное голубое платье с серебряной вышивкой по рукавам. А ведь теперь я буду жить в ректорских покоях с мужем... хорошо, что у меня не так много вещей, переезд получится быстрым.

Я уже почти вышла из комнаты, когда краем глаза заметила движение в зеркале. Обернулась – по зеркальной глади скользила рябь, словно кто-то бросил камешек в воду.

Еще один глубозеркальный призрак?

Я не стала проверять. Возможно, то, что поселилось в зеркалах, хотело, чтобы я подошла и заглянула внутрь. Но я лишь бросила дополнительное защитное заклинание и покинула комнату.

Когда на столах много вкусной еды, то мысли о неурядицах и неприятностях уходят сами собой. Шагая по проходу в сторону столов для преподавателей, я видела, что студенты, которые уже взялись за вилки, выглядят веселыми и беззаботными. О Норберте все забыли.

Я заняла место рядом с Мартином, он улыбнулся мне и поднялся из-за стола. Все сразу же умолкли, глядя на ректора с теплом и интересом.

– Друзья, я хочу поздравить вас с началом нового учебного года! – произнес Мартин с искренней улыбкой. – Пусть ваша дорога к знаниям будет широкой и вы встретите на ней много интересного. Не обещаю легкости на избранном вами пути. Мы боевые маги, защитники людей и мира на земле. “Легко” – это не про нас с вами.

Студенты заулыбались. Мартин поднял бокал и продолжал:

– Я желаю вам крепкого здоровья, удачи, без которой не бывает жизни, смелости в преодолении преград, что даст вам судьба, и сил,

чтобы всегда продолжать ваш путь. Мы боевые маги! С нами сила! С нами честь!

– Сила! Честь! – хором воскликнули студенты и застучали кулаками по столам. Захлопали пробки с легким южным вином, поднялись бокалы, и все сделали первый глоток.

– И еще я хотел бы поделиться с вами своей радостью, – сказал Мартин и протянул мне руку. Я поднялась, встала рядом с ним, понимая, что никогда не улыбалась так растерянно и светло, как сейчас. – Все вы знаете, что я дракон. Для нас самое главное счастье в жизни – это встретить свою истинную пару. И я нашел ее, женщину, которую создала для меня судьба. Позвольте представить: Эмма Грюнвальд, шеф-мастер нашей кухни. Хозяйка и владычица нашей академии.

Студенты засмеялись и зааплодировали. Я улыбнулась. На душе было легко, спокойно и тепло – мы с Мартином были единым целым, одним существом, и когда я думала об этом, то душа начинала петь, и в этой тихой, но сильной песне был весь мир.

– Спасибо за лари с пирожками! – пробасил высоченный парнище с такими широкими плечами, словно в его родне были мифические горные тролли.

– На здоровье! – улыбнулась я в ответ. – На кухню теперь всем доступ закрыт, но лари пополняются постоянно, вам будет, чем перекусить, пока грызете гранит науки.

А потом начался пир. И если бы не чужой взгляд, который я постоянно ощущала на своей спине, все было бы совсем хорошо.

Полиция примчалась через час после обеда. Ее сопровождала моя неутешная семья, и убивались они так, будто это Норберт был их родственником, а не я.

– Такой молодой! – заламывала руки мать. – Эмма, все это горе только твоя вина! Слышишь, только ты во всем виновата!

– Во-первых, это не горе, – хмуро ответила я. – Он не умер, просто погрузился в сон. А во-вторых, зачем он пытался втихаря пробраться в академию?

Мать посмотрела на меня так, будто я сошла с ума на ее глазах. Фред, кстати, не приехал: видно, решил не принимать участия во

втором акте этого семейного спектакля.

– Господи, какая же ты дура, – устало выдохнула она. – Норберт обожал тебя! Хотел быть с тобой!

– Он лгал о том, что мы истинная пара, – напомнила я. – Зачем бы ему лгать, а?

Мать выразительно завела глаза к небу.

– Говорю же, дура! Он влюбился в тебя. А когда мужчина влюблен, он творит глупости, разум его покидает, и все занимают искренние чувства! Норберт хотел поговорить с тобой еще раз, переубедить, и вот каким горем все кончилось!

Полицейские во главе с Малькольмом извлекли Норберта из-под кустов, уложили на траву и принялись опутывать укрепляющими чарами. Контролировал их невысокий молодой человек очень блеклого, незапоминающегося вида. Посмотришь на него и через мгновение забудешь о том, что видел.

“Служба королевской безопасности”, – подумала я. Такой же блеклый незнакомец сейчас стоял чуть поодаль и о чем-то расспрашивал Мартина: тот косился в мою сторону и я чувствовала его готовность прийти на помощь в любую минуту.

Но помощь не требовалась. Хотят мои родители устроить мне очередную сцену – пускай. Они уедут, и мы еще долго не увидимся.

– Кстати, об искренних чувствах, – сказала я. – Мартин вчера вызвал регистратора из Ротбурга. Мы поженились вечером.

Мать застыла с приоткрытым ртом. Отец, который с нескрываемым сожалением следил за тем, как упаковывают Норберта, перевел на меня изумленный взгляд. Некоторое время они молчали, глядя то на меня, то на Мартина, а потом мать уточнила:

– Ты вышла замуж за него? За ректора?

– Да, – кивнула я. – За Мартина Грюнвальда. Я его истинная и чувствую это.

– Ну... он дракон, – произнес отец. – С деньгами, с положением в обществе... конечно, не с таким, как несчастный Норберт, но... Это все равно скандал на все королевство, Эмма. Я надеялся, что ты более благоразумна.

Мать толкнула его локтем в бок.

– Я тоже надеялась, – процедила она. – Но раз уж ты замужем, и твой муж дракон, и как я вижу, вполне состоятелен... скажи ему, что

твои родители не должны терпеть нужду! Норберт обещал нам новый дом на Малой Парковой!

Я едва не рассмеялась. Конечно, он обещал. Норберт никогда не скупился на обещания, вот только не спешил их выполнять.

Впрочем, в отмененном прошлом он действительно купил новоиспеченным тестю и теще дом на Малой Парковой, одной из самых престижных столичных улиц. Потом от него остались одни развалины.

– Мама, ты можешь думать о чем-то, кроме денег? – поинтересовалась я.

Мать изумленно вскинула брови. “Не может”, – ответила я за нее.

– Ты смеешь обвинять своих родителей в корысти, негодная девчонка? – осведомилась она. Я усмехнулась.

– А что это, если не корысть? Ты думаешь только о деньгах и выгодах. Норберт это, Норберт то, он вам ближе родного сына, потому что пообещал дом? А если бы двугорбый бес посулил вам королевский дворец, вы бы меня ему продали?

Родители устали на меня, не в силах опомниться от возмущения. Я никогда не разговаривала с ними в подобном тоне, потому что была обычной барышней из приличной семьи. Нам положено послушно кивать, смиренно принимать родительскую волю и не сопротивляться.

А теперь они не могут опомниться, потому что я взбунтовалась.

– Я кое-что знаю о Норберте, – продолжала я свистящим яростным шепотом. – Там служба королевской безопасности, потому что он негодяй и мерзавец. Он лгал, объявляя меня своей истинной, потому что я нужна ему для ужасных дел. Мой талант...

Отец рассмеялся, махнул рукой.

– Да какой там у тебя талант! – воскликнул он. – Готовила ты всегда хорошо, это верно, но в магии, уж прости, Эмма, ты чуть больше, чем пустое место. Будь иначе, ты бы после академии пошла работать в министерство! А ты вернулась домой.

– И ты прекрасно знаешь, почему это произошло! – рыкнула я. Семейные узы были как кровеносные сосуды, сейчас они рвались, и все, что соединяло меня с родительским домом, растекалось в пустоте. – Норберт негодяй и мерзавец, лжец и предатель, это все, что вам

нужно знать. Можете сидеть рядом с ним, ждать, когда проснется, раз уж он вам так мил. А я остаюсь в академии, с мужем!

Над миром повисла густая тишина. Только сейчас я поняла, что кричала на родителей так, что по всей академии отдалось. Мартин, подоспевшие Джеррит и Вайдфогель, полицейские, блеклый тип из службы безопасности короны – все застыли, глядя на нас.

А у меня больше не было связи с родителями. Я сейчас чувствовала это всей своей сутью.

Отец опомнился первым.

– Хочешь сидеть в деревенской академии, так сиди, – процедил он. – Дура! Упустила хорошего жениха, осрамила на все королевство и нас, и Норберта!

Мартин подошел. Встал рядом, приобнял за плечи, словно показывал, что я под надежной защитой, и мать демонстративно разрыдалась. Я прекрасно знала эти ее слезки: способ добиться своего, не больше.

Пусть так. Зато они будут жить. Мир не рухнет.

– Он убил бы вас. Он бы все разрушил, – сказала я, и полицейские, которые были не в курсе всех Норбертовых дел, оторопело воззрились на меня. – Просто знайте это, с вас достаточно. Мартин, его уже упаковали?

– Да, – откликнулся муж, и от его пальцев заструилось успокаивающее тепло, окутывая меня, словно покрывало. Стало легче дышать. – Теперь им займутся в столице.

– Вот и хорошо, тогда мы больше никого не задерживаем, – вздохнула я. – Прощайте.

Глава 9

– Это ж надо так запорошить людям глаза...

После того, как Норберта увезли из академии, Мартин вдруг пришел на кухню, приказал домовым собрать корзину для пикника и увел меня за руку в тихую, почти дикую часть сада. Мы сели на поляне под яблоней, которая склоняла к нам ветви, усеянные румяными плодами, и я почувствовала, что пустота, возникшая после разрыва с семьей, потихоньку начинает затягиваться.

– Такова драконья природа, – откликнулся Мартин, протягивая мне сэндвич. Ветчина, сыр, нежный соус, ломтики помидора и маринованных огурцов – домовые расстарались, хоть и спешили. – Мы можем влиять на людей. Покорять их, влюблять, заставлять поступать так, как нам нужно.

Я серьезно посмотрела на него и потребовала:

– Обещай, что никогда так со мной не поступишь.

Мартин улыбнулся.

– Я никогда бы не стал принуждать тебя к чему-то, – произнес он. – Да это и невозможно. Мы с тобой с точки зрения магии единое существо, любые манипуляции лишены смысла.

– А Норберт управлял мной, – вздохнула я. – Заставил меня влюбиться, потом выполнять его приказы...

Мартин накрыл мою руку своей и медленно и отчетливо, словно прописывая команду для голема, проговорил:

– Этого не было. Этого никогда не будет. Ты все исправила, Эмма, теперь все будет хорошо.

И я смогла улыбнуться в ответ. Да, теперь все будет хорошо! Норберт далеко, служба безопасности короны разберет его по кусочкам, если потребуется. Скорее всего, он понял, что дела его плохи, замысел провален, и нужно спасаться – вот и погрузился в свой сон. Будет лежать в нем десятилетиями.

Так ему и надо.

– Знаешь, я поняла, что ничего о тебе не знаю, – призналась я. – Как ты живешь, где твоя семья... Мою ты видел, составил представление.

Улыбка Мартина стала мягче. Солнце озаряло сад и академию, по небу скользило растрепанное облако, в ветвях над нами цвиркала птичка, и запах яблок был полон осенней нежности.

Всю жизнь могла бы просидеть здесь с Мартином. Сейчас все во мне пришло в равновесие, наполнилось теплом и нежностью, и я не желала ничего другого.

– После академии я стал преподавателем, – ответил Мартин. – Сначала вел курс боевых чар в Кель-Кидаре, потом меня перевели в Дандевар и сразу поставили на место проректора. Через несколько месяцев прежний ректор уволился и уехал на юг, так я и стал тем, кем стал.

Боевые чары, заклинания, которые надо было бросать во время сражения, были вроде бы простенькими, но ими требовалось овладеть настолько серьезно, так вбить в свою душу, чтобы в пылу сражения действовать, не раздумывая над тем, как правильно нацелить энергетические поля.

– Конечно, в столице мне нравилось больше, – признался Мартин. – Все-таки центр королевства, все возможности. Но тут есть своя прелесть. Я работаю, делаю то, что должен, и никто не интригует против меня.

Я понимающе кивнула. Это очень важно – спокойно делать свое дело, не думая о том, какие сети сейчас плетет очередной завистник, желающий вытолкнуть тебя из твоего кресла. В столичных академиях магии среди преподавателей царит такая интриганская шкуродерня, что держись.

– Здесь намного легче жить и трудиться, – продолжал Мартин. – Никакой министерский сморчок не захочет посадить на мое место своего сыночка или дочку. Местные уважают. Работа идет. А опубликовать статью в “Журнале современного мага” я могу и без работы в столице.

– Это точно, – улыбнулась я. – А твои родные к тебе приезжают?

Вспомнилась моя свекровь, мать Норберта, которая улыбалась мне во время помолвочного пира и на свадьбе, целовала в щеку ледяными губами и называла доченькой, поздравляя сына с обретением истинной. А когда через несколько дней мы приехали к ней с традиционным визитом, сухо сказала, что незачем таскать в ее дом человеческих голодранок.

Моя семья не из бедных, но рядом с драконами мы именно что голодранцы. Нахалы, которые полезли из своей грязи на вершину мира. Норберт сдержанно сказал, что матушка изволит перегибать палку, но особо не заступался. А потом, когда его заговор развернулся, он заметил, что я должна быть ему благодарна просто за то, что он вытащил меня, человеческую пыль, в мир драконов.

Как, интересно, ко мне отнесется мать Мартина? Я представила чопорную драконицу, которая наверняка сокрушается о том, что сын с его талантами работает в каком-то медвежьем углу.

Конечно, она не живет в академии, и мы будем видеться только во время редких семейных визитов, которые приняты у драконов. Но все же...

– Я написал ей о том, что нашел истинную, – сообщил Мартин. – Она обещала приехать завтра вечером. Вы обе друг другу понравитесь, я уверен.

Весь вечер и утро я провела, как на иголках.

Мартин клятвенно пообещал, что никаких проблем не возникнет. Его мать, госпожа Джейн Грюнвальд, замечательная женщина, с хорошим чувством юмора и добрым характером, которая совсем не похожа на других драконов, и мы с ней обязательно поладим.

Но мне было не по себе. Слишком много свалилось на голову вот так сразу.

Лучше всего получалось отвлечься, занимаясь делами. На следующий день после завтрака я несколько раз проверила лари с едой на всех этажах: заполнены правильно, чары работают, вокруг ни крошки, ни жучка. Что, если поставить такие же, но с тетрадками, ручками, карандашами и прочей нужной канцелярией? Я уже знала, что студенты ездят пополнять запасы в Ротбург – ладно, весной и осенью еще можно прогуляться, но зимой-то не наездишься.

И еще можно добавить заклинание, которое создаст канал переноса. Что-то тяжелое, вроде бутылки молока, оно не доставит, но тетрадь или чернильницу – пожалуйста! И соединим его с магазином канцтоваров в Ротбурге. Им неплохо и нам хорошо.

Я решила не откладывать дело в долгий ящик и, встав рядом с ларем, в который недавно принесли свежую выпечку, принялась

рассыпать мелкие чары для подготовки канала. Они срывались с пальцев сиреневыми брызгами и ударяли в камень стены, расплываясь на нем цветами.

– Интересное у вас дело, – заметил женский голос из-за спины.

Я улыбнулась.

– Ректор давеча назвал меня хозяйкой академии. Вот, хозяйничаю.

– Никогда не видела таких чар, – замороженно призналась женщина. Я отправила последние сиреневые брызги в стену, окончательно подготовив место для запуска канала передачи, и ответила:

– Это авторские. Здесь будет прозрачный шкафчик для канцелярии. Очень удобно, ребятам не придется ездить в Ротбург, если у них кончатся чернила.

Женщина улыбнулась, и я невольно отметила, что улыбка ей очень к лицу. Была она высокая, с коротко подстриженными кудрявыми волосами и круглым лицом, на котором была едва заметна сеточка морщин. Темно-синий дорожный костюм сидел на ней идеально.

– У меня тоже есть авторские чары, – сообщила незнакомка. – Бездонный саквояж. Можно поместить в него, что захочется, и не тащить с собой тяжелый груз.

– Очень полезная вещь! – одобрила я. – Кажется, читала о ней в какой-то книге.

– Возможно, в той, которую я написала, – улыбнулась женщина и, протянув мне руку, представилась: – Джейн Грюнвальд, теоретик практической магии. И заодно мать этого охламона, здешнего ректора.

Я пожала ее руку и удивленно спросила:

– А учебник “Основы бытового волшебства”, Дж.Грюнвальд, вы написали?

Просто потрясающе! Никогда бы не подумала, что встречу автора учебника, который до дыр зачитывала на первом курсе! Он был написан так доходчиво и просто, с такой легкостью объяснял те процессы, которые лежали в основе и бытовой магии, и множества других чар, что у всех, даже не слишком способных, выходили отличные оценки.

– Я, – кивнула Джейн. – Но все считают, что автора зовут Джеймс. Или Джереми.

– Я думала, что Джонатан, – призналась я. – И это ведь нечестно, правда?

Джейн только рукой махнула.

– Главное, что мне за него до сих пор идут авторские отчисления. Ну, значит, это вы! Мартин написал, что нашел истинную пару, и эта чудесная барышня способна творить уникальные личные заклинания.

Я смущенно улыбнулась.

– Получается, что да, я. Никогда не думала, что знакомство со свекровью состоится вот так, в коридоре.

– Пустяки! – ответила Джейн, взяла меня под руку и мы направились к лестнице. – Вижу, что сынище прав, вы очень талантливы. Впервые вижу, чтобы нити Босворта натягивали в таком направлении, и это работало.

У меня даже щеки вспыхнули от смущения и радости. Похвала такого человека дорогого стоит.

– Признавайтесь, почему вас до сих пор не украло министерство обороны? Или магии? Такой талант в такой глуши!

– Да был тут один, – неохотно ответила я. – Хотел. Ничего не вышло.

Джейн понимающе кивнула.

– Да, Мартин рассказал мне. Его ведь забрали вчера, этого якобы вашего истинного?

Норберта увезли, и я больше не хотела ни слышать, ни думать о нем. Пусть мои родители переживают, раз уж он им так дорог.

– Надеюсь, мы никогда не встретимся, – сказала я. Джейн вдруг остановилась на середине лестницы и нахмурилась, словно что-то было не так.

– Чувствуете? – негромко спросила она. – За нами наблюдают.

Я обернулась. Лестница была пуста – в самом низу слуга натирал перила и был занят работой, а не нами.

Но Джейн была права, сейчас я тоже чувствовала на себе чужой взгляд. Неприятный такой, липкий, давящий.

– Здесь что-то с зеркалами, – неохотно призналась я. – Иногда мне кажется, что там есть кто-то. Не глубозеркальный призрак, его вытащили. Кто-то другой.

– И не только в зеркалах, – пробормотала Джейн, глядя по сторонам взглядом ученого натуралиста в джунглях. – В любом

предмете, способном отражать... в полированном столе, например. Или в этих лампах.

Золотые лампы на стенах хвастались идеальной полировкой. Неужели там тоже может кто-то скрываться? Никогда не слышала ни о чем таком.

– Давайте уйдем отсюда, – предложила я, и ощущение чужого взгляда на лице растаяло. – Мартин ждет нас в ректорате.

В первый учебный день у ректора было полно забот. Когда мы с Джейн вошли в приемную, то секретарь с измученным видом оторвался от стопки документов, посмотрел на нас и сообщил:

– У господина Грюнвальда беседа с министерством образования. Лучше вам подождать... а еще лучше зайти через часок-другой.

– Мы подождем! – Джейн ослепительно улыбнулась и прошла к креслу для посетителей. – Вдруг он управится раньше?

– Это вряд ли, – вздохнул секретарь. – Министр вводит новую отчетность, совсем решил задавить нас бумажками.

Он прошел к серебряному самовару и налил нам чаю. Из шкафа была извлечена коробка конфет с вишневым ликером, и я запоздало сказала:

– Я как-то совсем растерялась, Джейн, а вы голодны с дороги. Хотите омлет с овощами и колбасками? Или что-то еще?

Мать Норберта обязательно использовала бы этот случай, чтобы уколоть меня. Свекровь приехала издалека, а негодная невестка не расстелила перед ней ковровую дорожку и не накрыла обед из барашка с мятным соусом.

– Единственное, чего я хочу с дороги, это вытянуть ноги, – призналась Джейн. – Летаю редко, а поезда из меня просто жизнь вытряхивают. Что на обед?

– Куриный суп, свиные котлеты и черный рис с овощами, – ответила я. – Домовые уже делают заготовки, и я вас покину где-то через час. Надо, чтобы все было идеально.

– Так говорила моя свекровь, – усмехнулась Джейн. – Требовала идеала от всех, кроме себя. Я в какой-то момент поняла, что загоняюсь, взяла Мартина под мышку и уехала. Не нужно идеалов, достаточно и просто хорошего.

Она отпила чаю, пощелкала пальцами по краю чашки и поинтересовалась:

– Голубчик, а тут во всей посуде записывающие чары?

Секретарь вытянул шею над стойкой с видом человека, которого застали за чем-то непотребным. Я удивленно посмотрела на чашку: надо же, как замаскировано! Нитка заклинания стала видна только после того, как о ней сказала Джейн.

– Во всей, – неохотно признался секретарь. – Распоряжение министерства с этого лета. И как это вы заметили!

– Я же профессионал, – Джейн усмехнулась. – И вот как педагогам к этому относиться? Все под колпаком министерства! Знали бы вы, дорогая Эмма, как это бесит.

– Может, эта посуда сможет понять, кто тут следит? – поинтересовалась я. – Это ведь тоже отражающая поверхность!

– А ведь и верно! – сейчас Джейн выглядела, как ребенок, которому разрешили взять интересную игрушку и делать с ней все, что душе угодно. – Ну-ка попробуем слегка перенаправить эти чары...

Чашка жалобно пискнула в ее руках, и я испугалась, что сейчас она рассыплется веером белого крошева. Джейн нажала посильнее, и писк утих, сменившись недовольным ворчанием. Потом оно угасло, и свекровь довольно сообщила:

– Отлично, изменение чар сейчас пошло по всей посуде. Как только этот хитрый кто-то попробует в ней передвигаться, мы его отследим и выловим.

– Подождите, вы тоже это чувствуете? – спросил секретарь, и было видно, что у него сейчас гора с плеч свалилась. – Мне постоянно кажется, что в пустой комнате кто-то есть. Будто кто-то ходит в зеркалах.

Мы переглянулись. Еще один глубозеркальный призрак? Многовато их тут, на мой вкус.

– Вовремя я приехала! – радостно заявила Джейн. – Помогу вам поймать эту дрянь, кем бы она ни была.

– И я всегда об этом говорил! – донеслось из кабинета, и я даже присела, хоть и так сидела. Никогда бы не подумала, что у Мартина может быть такой голос: низкий, рыкающий, заставляющий закрывать голову. – И вы не можете диктовать мне, что и как делать в моей академии, пока это не нарушает законодательства!

– Вообще министр хочет уволить старых преподавателей, – едва слышно сообщил секретарь. – Госпожу Патрицию тоже. Мол, надо вливать новую кровь, прореживать ряды, давать дорогу молодым...

Джейн выразительно завела глаза к потолку.

– Конечно! Как вы думаете, почему я в начале учебного года здесь, а не в лектории? Потому что меня поблагодарили за годы отличной работы и заменили на какую-то родственницу замминистра, которая не умеет держать в руках волшебную палочку.

Я удивленно посмотрела на свекровь, отказываясь понимать.

– Как вас могли уволить? Вы же магическая величина, авторитет...

И это не было попыткой подольститься.

– Вот так, – Джейн щелкнула пальцами, будто что-то сбрасывала. – Так что я теперь официально на пенсии. Рада, честно говоря, что сынище там не сдаётся и сражается.

Открылась дверь, Мартин вышел в приемную и Джейн поднялась к нему и обняла.

– Вот и он. Сынище, я очень рада тебя видеть. И слышать, как ты гоняешь министерство, тоже.

– Мама, – улыбнулся Мартин. – Рад, что ты приехала так быстро.

Мы прошли в кабинет, где в воздухе плыл едва уловимый запах гари, и Мартин неохотно сообщил:

– Мне пытаются навязать новых преподавателей и заставляют избавляться от старых. Я пока держусь, но министр сказал прямо, что не любит строптивых подчиненных. Так что, возможно, я тут ненадолго.

Я посмотрела на Мартина со страхом и надеждой и сказала:

– Мы что-нибудь обязательно придумаем. Не пропадем. Откроешь частную академию, в конце концов.

– А для начала давайте разберемся, кто же все-таки здесь ходит в зеркалах, – добавила Джейн. – Мне это все очень не нравится.

Для первого эксперимента с зеркалами мы выбрали вечер. Джейн сказала, что именно вечером существа, которые бродят по ним, поднимаются к поверхности из глубины так, что их можно зафиксировать и изучить.

Чем больше мы общались, тем больше мне нравилась свекровь. Искренняя, энергичная, сильная, она не навязывала свою точку зрения, не требовала кланяться ей в ноги просто по факту существования на земле и не пыталась установить свои порядки и в академии, и в семье.

Что касается академии, то Мартин выглядел очень угрюмым. После обеда, когда у ректора выдалось немного свободного времени, мы вышли в сад, и он признался:

– Я очень хочу сохранить академию. Но боюсь, у меня не получится. Министерство еще поспорит со мной, а потом просто пришлет сюда нового ректора и компанию преподавателей.

Я поежилась. Звучало неприятно.

– Госпожа Джейн предложила отличный выход, – заметила я. – Частная академия. В которой будут не приятели министра и не дяди племянники, а мастера своего дела. Вот увидишь, у тебя тогда отбою не будет от учеников.

– Это верно, – согласился Мартин. – Я тогда забрал бы и мать, и госпожу Патрицию... да всех! Хотят новых преподавателей, пусть ищут весь коллектив среди учебного года. Вопрос в другом. В государственной академии обучение не такое дорогое. А в частной мне придется брать с ребят приличные деньги.

Я вздохнула. Да, тогда вряд ли те девушки, которые давеча играли в мяч и нашли тело Норберта, смогут тут учиться. Выглядели они, мягко говоря, небогато.

– Ты же дракон, – напомнила я. – Понимаю, что тратить собственные средства на студентов это не то, чего хотелось бы дракону, но...

Все драконы прижимисты. Они любят золото, но не желают с ним расставаться. Впрочем, если нужно потратиться, чтобы показать себя и утереть нос соседям, то в этом драконам равных нет. И они устроят и свадьбу на несколько тысяч человек, и именины, на которых будут разбрасывать золото из окна – лишь бы все кругом завидовали.

Мартин улыбнулся.

– Кажется, настало время признаться. Я не самый богатый дракон. Вернее, даже так: я совсем небогатый дракон.

Я вопросительно подняла бровь. Меня не интересовали деньги моего Истинного. Понадобятся – я сотку несколько заклинаний для

системы безопасности какого-нибудь банка и получу приличный гонорар. Но небогатый дракон – это же нелепица какая-то.

– Как же так получилось? – с улыбкой поинтересовалась я и тотчас же добавила: – Не подумай, что я корыстна. Просто интересно.

– Я отдал значительную часть семейного состояния на детскую больницу в Гевиране, – ответил Мартин. – Там лечили детей с опухолями... а потом решили, что у королевства много других мест, в которые можно вложить деньги. И я решил, что так не должно быть. Мать меня поддержала.

– Прекрасное решение! – искренне сказала я. Вот как его не любить и не уважать после такого? Даже если бы Мартин не был моим Истинным, я все равно полюбила бы его всем сердцем – просто потому, что он был искренен и добр.

И добавила:

– Ты все сделал правильно. А с деньгами... ну, еще придумаем что-нибудь. Не пропадем. И академия не пропадет.

Мартин рассмеялся и приобнял меня за плечи.

– Я смотрел на семейную жизнь родителей и думал, что это огромный труд, жить с кем-то. Постоянно идти на компромисс и примиряться с несовершенствами. И теперь удивляюсь, что все так легко!

– Твои родители были истинными? – спросила я.

– Нет. Они слишком горячие драконы. Постоянно кипели, скандалили, ругались. Сейчас я даже не знаю, в какой части света путешествует отец.

– Зато я знаю, где мой, – вздохнула я. – Горюет о Норберте. Ну... впрочем, он не знает, о чем именно горюет.

– И хорошо, что этого никогда не случится, – серьезно произнес Мартин.

Именно отец Мартина, господин Бруно Грюнвальд, создал методику изучения существ, которые обитали в зеркалах. Вечером, после ужина, когда я дала задания домовым и пришла в ректорат, там уже все было готово для работы. В зале для заседаний сдвинули мебель к стене, в самом центре установили большое зеркало, и Джейн вычерчивала последние руны на его поверхности. Они наливались неприятным зеленоватым светом и погружались в глубину.

– Ну вот! – довольно воскликнула она, сделав несколько шагов назад и рассматривая свою работу. – Бруно тот еще, конечно, фрукт и овощ, но его система рун всегда работала отменно!

Джеррит, который вызвался помогать, натурально мотал на ус все сказанное. Я вспомнила его руку, обгоревшую до костей во время охоты на глубозеркального призрака, и поежилась.

– То есть, для охотника это безопасно? – поинтересовался Джеррит и, когда Джейн утвердительно качнула головой, довольно воскликнул: – Прекрасно, теперь не придется сгорать, когдаловишь глубозеркальных призраков!

Джейн посмотрела на него, как на дурачка.

– Вы что, руками их ловите? – осведомилась она таким тоном, словно в бальном зале кто-то сделал лужу.

– А чем же? – ответил Джеррит вопросом на вопрос. – Удочек для этого не придумано.

Джейн выразительно закатила глаза.

– Вот вам удочка, методике уже десять лет.

– Долго же новости к нам едут из столицы! – рассмеялся Джеррит и вдруг посерьезнел и указал на зеркало. – Смотрите-ка. Началось.

Зеркальная гладь пошла волнами. Послышался треск, в лицо повеяло морозом, и я почувствовала, что падаю.

Сначала было очень темно и очень холодно.

Я лежала на чем-то твердом. Таким твердом, что все тело наполняла боль.

Потом она сгустилась в правой щиколотке и, окончательно очнувшись, я поняла, что меня держат за ногу чьи-то костистые пальцы.

Первым порывом было завизжать и задергаться, но я сумела его подавить. Открыла глаза, увидела тусклые серые сумерки и медленно перевела взгляд на ногу.

Я лежала на мраморном полу, и нога попала в извивающуюся старую ветку. Здесь было множество корней и ветвей, но иссохших и изломанных.

Осторожно освободившись, я поднялась на ноги и огляделась. Если сначала мне было страшно, то теперь страх отступил перед

жаждой приключений и открытий.

Я в зазеркалье! В удивительном и пугающем мире, населенном чудовищами! Я читала о нем в учебниках и монографиях, но и подумать не могла, что однажды окажусь здесь.

Всего двое исследователей сумели проникнуть в зазеркалье и вернуться. Один сошел с ума, второй написал книгу и больше никогда не смотрел в зеркало.

Интересно, смогу ли я соткать здесь чары, и какими они будут?

Заклинания ложились очень легко, словно само зазеркалье помогало мне правильно прокладывать нити. Я укрепила защиту, подвесила колокольчики безопасности – отлично, теперь никакая тварь не подберется ко мне втихаря. Колокольчики загремят так, что всем призракам станет тошно.

Очередное заклинание легло мне в руку коротким мечом. Другое повисло золотым шариком, озаряя зазеркалье, и я решила, что выглядит это место очень скучно. Пыль, паутина с безжизненно повисшими пауками, золотые монеты...

Золотые монеты?!

Я шагнула вправо, нагнулась и подняла с пола пару тяжелых кругляшей. На аверсе была выбита сова с изумрудными глазами, на реверсе красовалась башня. Кроны короля Веребельта из прошлого века, стоили они целое состояние.

Может, если походить по зазеркалью, я смогу набрать достаточно денег, чтобы купить академию и позволить ребятам учиться там бесплатно? Вот бы да...

Впрочем, я с сожалением обуздаю свою жадность. Она не доводит до добра – это раз. Это может быть приманка какого-нибудь чудовища – это два. Я буду собирать монетки и приду напрямиком в его логово.

Осмотревшись, я поняла, что нахожусь в коридоре – длинном, без окон и дверей, полностью заросшем корнями и ветвями. В пыли на полу снова мелькнула корона Веребельта, я снова подняла ее. Осторожность это хорошо, но добро не должно вот так валяться на полу.

Еще сотня таких монет, и для нашей академии мы купим замок у Среднеземельного моря, на юге, среди пальм и апельсиновых деревьев.

Впереди послышался шелест, обрывая мои мечты. Чтобы тратить найденное, мне сперва надо выбраться отсюда, а выхода не видно. И впереди явно что-то было – впрочем, колокольчики безопасности пока молчали, и я решила немного пройти и посмотреть, что же там может шелестеть.

Я прошла примерно дюжину шагов, и коридор оборвался: впереди была стена тумана, из которой проглядывали верхушки деревьев без единого листочка. Чуть левее была лестница с уцелевшими перилами, и я решила спускаться. Схватилась за них покрепче, сделала шаг, и вдруг мир прояснился, наполняясь светом.

Теперь я была не просто в сумерках среди развалин. Я поняла, где нахожусь!

Это была академия Дандевар: изломанная, разрушенная, искаженная. Коридор, по которому я шла, в реальном мире вел к большой лаборатории мимо кабинетов для практических занятий. А эта лестница потом шла от лаборатории и приводила на первый этаж, к библиотеке...

А у библиотеки было огромное старинное зеркало. Может, если я сумею добраться до него, то смогу и выбраться? Или как-то подать знак Мартину и Джейн? Они ведь там, в реальном мире, пытаются спасти меня и вытащить отсюда...

Спускаться пришлось долго, а держаться крепко. Наконец, лестница вывела меня к стене, на которой и в самом деле было зеркало! Я подошла к нему, и отражение потекло, словно кто-то плеснул водой.

– Давай-ка попробуем тебя прояснить, – сказала я и принялась выплетать Чары чистоты. Когда-то моя однокурсница придумала эту идею: наносишь чары на лицо, и они убирают прыщики и пятнышки.

Мысль была хорошая, вот только потом эти чары неминуемо заканчивались расстройством желудка. Но может, с зеркалом будет иначе?

Чары легли на зеркальную гладь, и мельтешение красок прекратилось. Послышался треск – легкий, едва уловимый, и колокольчики безопасности ожили и заголосили: беда, беда!

По лестнице кто-то спускался. Я слышала шаги – тяжелые уверенные шаги хозяина положения, который не будет со мной церемониться.

Особенно с учетом того, что я украла его монеты.

Треск разлился по зазеркалью, корни и ветви пришли в движение и потянулись ко мне, пытаясь схватить. Зеркало рассыпалось веером бриллиантовых брызг и за мгновение до того, как из тумана выступил хозяин этого места, я услышала странно знакомый далекий голос:

– Помоги...

А потом мир содрогнулся и я снова полетела во мрак.

Глава 10

Мне было холодно. Просто невыносимо холодно.

– Эмма, держись, – голос Мартина летел ко мне из невообразимой высоты. Я чувствовала, что он держит меня на руках, но не видела его – перед глазами все плыло.

Я выбралась из зазеркалья. Я в своем мире. А холод отступит и зрение вернется. Мне, в конце концов, сегодня еще готовить ужин.

– На счет три: раз... два...

А это уже голос Джейн. Надо будет обязательно показать им монеты – конечно, если я их еще не потеряла. Надо же, в зазеркалье есть клады.

– Не получается...

Холод проникал в каждую клеточку тела. Струился по венам, заполняя меня до самого краешка. Еще немного, и я сделаюсь стеклянной, хрупкой, и рассыплюсь от неосторожного прикосновения.

– Ты должен обратиться. Драконий огонь способен разрушить...

“Не надо!” – закричало в моей голове. Если Мартин обратится, держа меня на руках, тут только пепел останется. А мне еще рано становиться пеплом. Я хочу жить. Готовить еду, родить парочку детей, стать настоящей хозяйкой академии...

Не надо огня, пожалуйста...

Сумрак отступил, и я увидела лицо Мартина. Он смотрел с тревогой и ужасом – вернее, чувства, которые исказили его, были намного сильнее и горше любых слов.

– Я нашла там клад, – сумела выдохнуть я и увидела, как от моих губ текут струйки ледяного пара.

– Молчи! – приказала Джейн откуда-то издалека. – Мартин, обращайся. Если сейчас пойдут трещины, мы ее уже не спасем.

– И там кто-то был, – все-таки сказала я, и Мартин кивнул и откликнулся:

– Эмма, прости меня.

По его плечам побежали язычки огня: потекли на волосы, скользнули по лицу. На щеках и шее проступили очертания драконьей чешуи, черно-золотые мазки.

Руки, которые держали меня, отяжелели. И я сама в них сделалась тяжелой, словно обрубок дерева.

Мартин менялся. Весь его облик дрожал и плыл. Господи, если он и правда сейчас обратится в дракона, мне конец.

Как только я подумала об этом, то поняла, что по телу ползет пламя. Оно щекотало и дразнило, оно было осторожным и ласковым, и совсем не пугало. Наоборот – драконий огонь пришел, чтобы исцелить меня и спасти.

Когда-то давным-давно нянюшка читала нам с Фредом старую сказку. И там была строчка: драконий огонь исцеляет миры и создает новые.

Вот бы это и правда было так.

Облик Мартина растаял за потоками огня. Огонь был всюду: падал сверху, струился снизу, он грохотал и шептал, он показывал бесконечный мрак и солнечный день. Вот в его переливах проступила картинка: весенний сад, я сижу на скамейке с маленькой девочкой в голубом платье, а рядом с нами целая компания кукол. Мы оборачиваемся и видим Мартина. Он спешит к нам и, судя по его лицу, хочет рассказать какую-то очень хорошую новость.

Огонь взревел, поднимаясь на невообразимую высоту. Он наполнял меня, изгоняя холод, он сокрушал лед и излечивал душу. Огонь нес жизнь, и я теперь точно знала, что не умру.

У нас с Мартином все будет хорошо. Мы разберемся с тем, кто бродит по развалинам замка в зазеркалье. И с академией все будет в порядке. Мартин никогда не допустит, чтобы Дандевар стал мрачной грудой камней, заросших мертвыми деревьями.

А я буду с ним рядом. Всегда и во всем.

Я сама не поняла, когда пламя начало стихать и смиряться. Последний осколок льда с хрустом вывалился из груди – я поймала его взглядом, и увидела в нем отраженное лицо, не мужское и не женское, искаженное криком и болью.

Это был обитатель зазеркалья, и он нуждался в помощи. Он бродил по развалинам, пытаясь найти выход.

Он почти нашел его, когда я упала в зеркало возле библиотеки, он бросился за мной, но не успел выбраться.

Может, и хорошо, что не успел. Он пытался притвориться несчастным бедолагой, но я чувствовала: что-то с ним не так. И лучше

воздержаться от лопухой доверчивости, если хочешь, чтобы “долго и счастливо” было не просто словами.

Сквозь тающее пламя проступало лицо Мартина – такое любимое, такое дорогое. Истинность прирастила нас друг к другу, мы стали единым существом, и это было не просто словами, а смыслом и делом. Последние язычки пламени угасли, и мир наполнился красками, запахами и звуками.

Я увидела, что мы стоим возле библиотеки. Чуть поодаль собралась целая толпа студентов: первокурсники сзади, старшекурсники впереди. У каждого в руке крутился артефакт на цепочке: голубой осколок льда, противопожарная система.

– Ну вот и хорошо, – услышала я голос Вайдфогеля: завхоз вздохнул с видимым облегчением. – Конечно, когда ректор – дракон, то в замке все пропитано смесью от воспламенения. Но мало ли... Людей то не пропитаны.

И он осторожно поставил на пол здоровенное ведро воды, которое готовился выплеснуть на Мартина в случае чего.

– Эмма, скажи что-нибудь, – устало попросил Мартин. Я улыбнулась и сказала единственные слова, которые имели значение:

– Я тебя люблю.

– Жива! – Джейн стояла рядом с Вайдфогелем, держась за сердце.

– Жива, слава Богу.

– Я тоже тебя люблю, – негромко произнес Мартин. – Пойдем, тебе нужно отдохнуть.

И, развернувшись, он пошел вперед по коридору, неся меня, как невесту. Студенты расступились, зааплодировали, и Вайдфогель громко сказал:

– А ну, хватит голосить! Десять часов, давно отбой пробит! Кто завтра на первой паре будет, как вареная муха? Уж точно не я!

Когда Мартин принес меня в спальню и положил на кровать, я поняла, что Вигвард будет завтра готовить завтрак сам, без меня. Тут к обеду бы подняться.

Голова кружилась. Тело казалось набитым песком. Но я была в своем мире, Мартин держал меня за руку, и я знала, что все это пройдет.

Я побывала в зазеркалье! Смогла соткать там чары! Поверить не могу...

– Как ты? – спросил Мартин. – Просто скажи, как ты, Эмма.

– Все хорошо, – ответила я и попробовала улыбнуться, надеясь, что улыбка не выглядит, как оскал. – Ты меня спас.

– Что ты там видела? – Джейн стояла у дверей, словно привидение. Джеррит был рядом и, судя по его лицу, готовился писать отчет для венценосного родственника.

– Там развалины академии, – ответила я и, запустив негнущиеся пальцы в карман, извлекла монеты. – Вот что я там нашла.

Золото тускло блеснуло в свете осеннего дня, и только тогда я окончательно поверила в то, что нашла клад. Три кроны Веревельта говорили, что все это не было сном.

Некоторое время все замороженно рассматривали монеты. Потом Мартин взял их, положил на стол и с нескрываемым уважением произнес:

– Еще никто не смог вынести материальный предмет из зазеркалья. Ты настоящая героиня, Эмма.

– Как только ты окончательно придешь в себя, начнем работу, – заявила Джейн. – Это однозначно диссертация в магические мастера! А там и до министра дорастешь!

Мартин обернулся и посмотрел на мать так, словно она говорила какие-то невозможные глупости.

– А что не так? – развела руками Джейн. – Эмма проникла в зазеркалье. Сумела творить там чары. Вынесла эти монеты, а я четко вижу, что это не морок, а материальные предметы. И самое главное, она вернулась живой и здоровой! Это потрясающий опыт, у нашей девочки серьезный уровень в магии, и скрывать все это – совершать преступление.

Я кашлянула, попробовала сесть. Мартин придержал было меня под руку, но потом понял, что лежать я не хочу, и устроил за спиной несколько подушек.

– Давайте начнем сначала, – сказала я. – Как работает методика Бруно Грюнвальда?

Джейн нахмурилась, словно я в чем-то обвинила ее, и теперь она должна была оправдаться.

– Она притягивает обитателей зазеркалья к зеркалу, – сказала свекровь. – К самой поверхности. Потом ассистирующие нити совершают захват и вытаскивают существо в наш мир. Методика отработана на глубозеркальных призраках, за десять лет работы не было ни одного сбоя.

– Но сейчас все это выглядело так, словно принцип Грюнвальда запустили с другой стороны! – сообщил Джеррит. – И у меня такое ощущение, что это сделали, чтобы захватить тебя!

Мартин нахмурился.

– Получается, обитатель зазеркалья знаком с магическими достижениями нашего мира, – произнес он. – И умеет их использовать. Эмма, скажи еще раз, как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше, – ободряюще улыбнулась я. Так приятно было это искреннее переживание – за меня очень давно никто так не волновался. – Завтрак, конечно, приготовить не смогу, но надеюсь, к обеду уже буду в строю.

– Не геройствуй, – посоветовала Джейн и обернулась на Джеррита. – А ведь и верно! Это как раз и был захват. Усиленный нашими чарами. Джейн, ты видела его? Того, кто там?

Я покосилась в сторону зеркала, которое висело на стене, и Мартин правильно понял намек. Поднялся, вынул из шкафа тонкое покрывало и набросил его на зеркало.

– Я слышала его шаги. И голос показался мне знакомым. Он сказал лишь одно слово, “Помоги”, – ответила я. – Может быть, это кто-то из нашего мира? Он попал в зазеркалье и не может выбраться?

– Вряд ли не может, – пробормотала Джейн. – Если он работает с методикой Бруно, то у него хватит сил и на то, чтобы выбраться. Вопрос в другом, кто это может быть? Никто из сильных и опытных магов не пропал, я бы об этом знала.

– Какой-то давний обитатель зазеркалья? Который пропал лет сто назад? – предположил Джеррит.

– Или мой отец? – поинтересовался Мартин. – Мама, ты ведь не знаешь точно, где он сейчас!

Джейн недовольно нахмурилась.

– Да ну хватит тебе! Твой отец, конечно, остолоп, каких белый свет не видывал, но у него хватило бы сил и опыта, чтобы во-первых,

не соваться в зазеркалье, а во-вторых, чтобы выбраться оттуда. Так что это точно не он.

– Вижу, твои чувства не остывают со временем, – усмехнулся Мартин, и свекровь показала ему кулак. А за дверью вдруг тихонько заскреблись, и я услышала тихое мяуканье.

Джеррит открыл дверь, и все замковые домовые вбежали в спальню. Вигвард возглавлял компанию: запрыгнув на кровать, он принялся ласкаться, бодаться и урчать, как самый обычный котик. Я погладила его, и Вигвард сообщил:

– Какого ж мы страху-то натерпелись! Хоть не живи! Кто там в зеркалах завелся? Вот мы поймаем его и вот так ему, вот так!

И он решительно махнул лапой, показывая, как будет ловить, когтить и лупить любое чудовище. Остальные поддержали, свирепо шипя и мурча, а Вигмар и Вигберт вынесли большой пирог с курицей, сыром и грибами. Он источал просто неправдоподобный аромат, и я поняла, что проголодалась и хочу есть.

А если хочется есть, значит, все будет хорошо. Это я знала точно.

– Сами готовили, вот этими своими лапками! – сообщил Вигвард. – А то вам все приключения на пустой живот, а подзаправиться? Ну-ка, хватайте вилки!

Утром мне стало намного лучше. Настолько, что я пришла на кухню и, к огромной радости домовых, сказала, что снова возглавляю кулинарию в академии.

Если ты хозяйка, то хозяйничай.

За ночь слуги закрыли все зеркала в Дандеваре. Джейн просчитала, что отражения в начищенном до блеска светильнике недостаточно, чтобы затянуть человека в зазеркалье, а вот собственно зеркало вполне может стать воротами. Что, если тот, кто просил о помощи, решит похитить кого-нибудь? Или взять в заложники?

Но я чувствовала: тут дело именно во мне. Ведь пленник зазеркалья затянул к себе не кого-то еще, в ректорате было полно народу.

Он взял меня. И обязательно повторит попытку.

Я его ограбила, в конце концов.

Кстати, монеты оказались подлинными. Я отдала их Мартину для нужд академии, хотя он и настаивал: оставь себе, это твоя законная добыча.

– Как там, внутри? – Вигвард взял половник и с хитрым прищуром принялся всматриваться в свое отражение, будто планировал тоже забраться в зазеркалье.

– Там очень противно и гадко, – ответила я и домовые дружно зашипели, вздыбив шерсть. – Сумрак, развалины... отвратительное место.

Сегодня я более-менее успокоилась и решила последовать совету Джейн и засесть за написание книги о своем путешествии. В конце концов, почему бы не пойти в науку? Особенно учитывая, что я сделала то, что недоступно остальным.

Хорошо быть поварихой на кухне академии. Но я всегда хотела добиться большего. И не моя вина, что после выпускного мне это не позволили сделать.

Вот и наверстаю.

– Б-р-р, какая ж дрянь, – сказал Вигвард, глядя на свое отражение. – Нет уж. Не надо нам зеркал. Мы, котики, языком умываемся и всегда красивые без всякого там этого.

Остальные домовые дружно с ним согласились.

После завтрака, когда я пришла в кладовую и принялась инспектировать заказы, с кухни выглянул Вигбер и сказал:

– Там слуга говорит, что госпожа Анна просит, чтоб вы к ней заглянули.

Я оторвалась от коробок с крупами. А ведь Анны сегодня не было на завтраке. И вчера вечером я ее тоже не видела. Конечно, она расстроена после того, как Мартин нашел свою истинную. Но было в Анне и что-то еще, то, что настораживало.

Платье чуть ли не монашеского вида после выреза фасона “сердце во двор” не нравилось мне больше всего. И Анна прятала под тканью не какую-то там глупую сыпь, а что-то намного опаснее.

– Что случилось? – спросила я.

– Не знаю, – ответил домовый. – Я передал, а слуга ушел.

Я понимающе кивнула. Ладно, зайду.

Собрав в коробку несколько сэндвичей и кексов с изюмом, я пошла к тем комнатам, которые занимала Анна. Может, она заболела?

Не может подняться с кровати?

Вот и проверим. Я добавила заклинание колокольчиков безопасности, но они молчали. Все было в порядке.

В принципе, нам с Анной не о чем говорить. Не будет же она обсуждать со мной моего мужа... И чем дольше я шла в ту часть замка, в которой жили преподаватели, тем сильнее становилась моя тревога.

Но колокольчики молчали.

Когда Анна открыла, я увидела, что платье на ней стало еще темнее и закрытее, хотя, казалось бы, куда уж больше. Бледное безжизненное лицо, тусклые глаза... ох, она, кажется, и правда заболела. Я невольно почувствовала жалость.

– Что случилось? – спросила я. Анна открыла дверь шире и отступила в сторону.

– Заходи. У меня есть к тебе одно дело. Надо поговорить.

Я прошла в небольшую гостиную и увидела, что зеркало возле стола не занавешено. Анна заперла дверь, прошла за мной и я заметила, что она прихрамывает.

Упала?

– Занавесь зеркало, – посоветовала я, поставив коробку с закусками на стол. – Ты не слышала, что вчера случилось?

– Нет. А что случилось?

– Эксперимент с зазеркальем пошел не так, – ответила я, не желая вдаваться в подробности. – Там есть какая-то тварь, Мартин приказал...

Анна усмехнулась.

– Тварь. Как невежливо! А это коллега, между прочим.

Я обернулась к зеркалу и увидела свое отражение. А вот рядом со мной...

Я вскрикнула и зажала рот рукой. Обернулась, чтобы проверить.

Да, рядом была Анна. А вот в отражении был Норберт. Стоял, язвительно ухмыляясь. Торжествовал.

И мои колокольчики безопасности даже не звякнули.

– Как это? – спросила я. Хотелось закричать, но меня будто приморозило. На меня смотрела Анна – и Норберт был здесь. Я знала этот презрительный взгляд с примесью насмешки.

Двойник? Призрак?

– Давно не виделись, дорогая невеста, я успел соскучиться, – сообщил Норберт. Я узнала его интонации в голосе Анны – те самые, с которыми он говорил, когда каждый новый день приближал его к желанной короне.

А потом я не успела ни закричать, ни бросить заклинание – пол качнулся, мир полетел в сторону, и свежий воздух сменился затхлостью давно заброшенного места. Пол ударил в ступни, и я увидела, что стою уже среди развалин зазеркального Дандевара.

Передо мной висели тусклые очертания зеркала. Норберт ухмыльнулся, помахал рукой и произнес:

– Посиди пока там. Скоро я тебя заберу.

Зеркало качнулось и начало таять. Я замороженно смотрела на Норберта, не в силах пошевелиться.

– Привет, – сказал кто-то за спиной. – Вот и ты здесь.

По телу разлился холод. Невидимые паучьи лапки страха пробежали по затылку.

Стараясь не делать резких движений, я обернулась и увидела Анну. Она стояла рядом, смотрела на меня с нескрываемой печалью, и я как-то вдруг все поняла.

– Привет, – ответила я таким же негромким шепотом. – Он тебя изгнал, да? Выбросил из твоего тела?

Анна усмехнулась.

– Я сама себя изгнала. Не надо было устраивать ту штуку с глубозеркальным призраком.

Я подозревала, что это именно ее рук дело, но сейчас мне стало так жаль Анну, что не было бы сил ее обвинять или ругать.

– Я просто хотела пугнуть тебя, – призналась она. – Ты бы струсил, уехала, а я бы снова осталась с Мартином. Живут ведь люди и просто так, без истинных пар.

– Живут, – согласилась я.

Мы неторопливо побрели по коридору. На стенах висели призрачные очертания рам, и я поняла, что это музейная часть замка. Там на стенах как раз были портреты прежних ректоров...

Значит, зазеркальный мир не во всем соответствует нашему. От комнат Анны до музейной части было далеко.

– Джеррит уничтожил призрака, а чары пали на меня, – продолжила Анна. – Я тяжело заболела и...

Она помедлила, собираясь с духом, а потом все-таки сказала:

– Умерла. Вернее, я даже не знаю точно, как все произошло, но... одним словом, душа твоего мужа заняла мое тело. И отправила меня сюда. Прости.

Я остановилась, пронзенная пониманием. Вот, значит, как все было. Норберт погрузился в сон, его душа покинула тело, которое он спрятал в зарослях, и захватила новое убежище. Он проник в академию и...

– Откуда взялись бомбы в киви? – спросила я.

– Ниоткуда, – ответила Анна. – Не было там никаких бомб. Он просто проверял тебя. Хотел увидеть, как ты создаешь боевые чары.

“Норберт Брикенхорф другое дело. Кто не захочет за него замуж?” – вспомнились мне слова Анны на кухне.

– Да, боевых чар я при нем еще не показывала. А я ведь подумала тогда, что это ты притащила те киви, – призналась я. – Хотела понять, кто я на самом деле, увидеть в работе, посмотреть на мои чары... А это был Норберт. Видно, почувствовал, что со мной что-то не так и решил убедиться, что я умею создавать сложные чары.

Мне сделалось обидно, как ребенку, которого обманули взрослые.

– Ну вот, он убедился, – ответила Анна. – Теперь он скажет всем, что тяжело болен, Мартин отпустит мое тело на лечение, и Норберт сбросит его где-нибудь.

Я погладила ее по плечу, пытаюсь утешить – с такой всепроникающей тоской прозвучали эти слова.

– Не сбросит. Его собственное тело теперь в столице, у службы королевской безопасности. Поди доберись.

– Доберется, – хмуро ответила Анна. – Там снова займет свое тело, закопает мое, а мы с тобой останемся сидеть тут. А он будет вытаскивать нас, когда понадобится. Вернее, тебя.

– Хреново, – вздохнула я. Ситуация и правда была дрянь.

Ловко же Норберт все продумал! Нет, с его настойчивостью и упорством он обязательно добьется своего.

И заставит меня подчиняться. Всегда заставлял.

В носу защипало, и я поняла, что готова расплакаться от обиды. Так пыталась изменить ужасное будущее и в итоге ничего не смогла.

Мир рухнет. Норберт будет царствовать на развалинах.

– А Ульрих? – спросила я. Анна усмехнулась.

– Пытался кусаться, я защищалась. Кстати, тот дракончик, которого подарил вам Норберт, самый обычный. Он просто счел, что я поступила бы именно так.

– Что, если ты выберешься отсюда? – поинтересовалась я.

Анна неопределенно пожала плечами.

– Возможно, буду призраком. Не хотелось бы скитаться так до скончания времен.

Я нахмурилась. Кажется, у Хатчинсона в “Изучении привидений и воздушного мира” было что-то... мысль крутилась рядом, как пушинка на ветру, и я никак не могла ее ухватить.

– Призрак не может занять свое тело, потому что оно уже мертво, – задумчиво проговорила я. – Но твое-то пока не умерло.

– Я не понимаю, что с ним, – ответила Анна. – Оно все в каких-то пятнах. Думаешь, почему он носит такие ужасные платья?

– Хреново, – повторила я. – Ладно, если мы отсюда выберемся, я создам чары, которые запустят обратный процесс. Все с твоим телом будет хорошо.

Я подняла ветку и начала выстраивать схему в пыли на полу. Она была большая и очень сложная, просто так, без зрительной опоры, не удержать в голове.

– Смотри-ка, – сказала я, когда более-менее набросала план. – По принципу Бруно Грюнвальда мы выходим из зазеркалья. Ты занимаешь свое тело, и чары останавливают его разрушение. А Норберт тогда станет призраком, потому что собственное тело очень далеко и он не сможет его занять!

Некоторое время Анна заинтересованно изучала мои записи, и я видела, как разглаживается ее усталое лицо. Потом она забрала у меня ветку и добавила в схему еще несколько элементов.

– Сделаем-ка мы тогда вот как, – сказала Анна. – Забросим в зазеркалье этого гада. Пусть сам тут сидит, сволота такая. А ты поставишь чары, которые блокируют для Норберта принцип Грюнвальда. Он никогда отсюда не выберется.

Я довольно улыбнулась. Видит бог, разгневанные женщины способны сотворить любое чудо, особенно если будут работать вместе.

– Отличный план! – ответила я. – Тогда давай не уходить далеко, твое зеркало единственное в замке, которое не занавешено.

– Нет, мы все-таки отойдем, – сказала Анна и кивнула вправо. – Там дальше по коридору отнорок, а в нем сундук. Незачем оставлять тут золото Веревельта.

Сундук был здоровенный. Доверху набитый золотыми монетами.

Я скептически оценила его размер и сказала:

– Нет. Мы с тобой просто так его не дотащим. Сейчас сочиню облегчающее заклинание.

Такие чары не убрали массу, они создавали воздушную подушку под тяжелым предметом, а она плавно и мягко доставляла его туда, куда следовало. Вот и сейчас я запустила заклинание, и сундук медленно поднялся в воздух и, едва заметно качнувшись, поплыл туда, где растаяли очертания зеркала Анны.

– Впечатляет, – сказала Анна. – Тебе точно надо уходить с кухни и заниматься наукой.

– Вместе займемся, когда выберемся отсюда, – пообещала я. – У тебя тоже потрясающий опыт! Несколько дней в зазеркалье! Кто еще такое переживал?

Анна печально улыбнулась.

– Нет уж. Хватит с меня науки, ректоров и академий. Возьму пару монет и уеду куда-нибудь подальше.

Я ничего не сказала, но эта мысль мне понравилась. Подружиться мы вряд ли сможем, а быть рядом с человеком, который когда-то напустил на меня глубозеркального призрака, стоило мне только появиться в академии, тоже не особенно хотелось.

Мы все пойдем своими дорогами. В разные стороны.

– Ну вот, мы на месте, – сказала Анна. – Я походила тут по округе... замок стоит на пустоши. Заросли мертвой травы до горизонта и никого.

– Кто же тут спрятал клад? – поинтересовалась я.

Анна неопределенно пожала плечами.

– Наверно, какой-нибудь министр магии припрятал взятку там, где ее не найдут. А потом не сумел забрать.

Некоторое время мы молчали, а потом я поинтересовалась:

– Как думаешь, что сейчас делает Норберт?

– Сейчас у меня пара на третьем курсе, – ответила Анна. – Потом большая перемена, и он наверняка придет в комнату. Просто убедиться, что ты сидишь там, где посажена.

– Тогда давай готовиться к встрече, – сказала я. – Нам нужно будет действовать очень быстро.

Первым делом я приготовила блокирующие чары. Сразу же, как только мы освободимся, а Норберт попадет в зазеркалье, его опутает ими так, что он не сможет освободиться. И применить магию тоже не сможет. Так и будет блуждать в зазеркалье призраком до скончания времен.

Раз уж взялась исправлять прошлое, то иди до конца.

Анна смотрела, как я работаю, и чем дальше, тем сильнее мне становилось жаль ее. Мартин ей нравился, это чувство было искренним, и за свои дела она уже расплатилась.

– У тебя все будет хорошо, – пообещала я, когда блокирующие чары сорвались с моих ладоней и окутали зеркало так, что их не было видно с другой стороны. – Ты обязательно встретишь человека, который тебя полюбит.

Анна только рукой махнула.

– Вот не надо меня утешать. Меньше всего я хочу слышать такие вещи от тебя, уж извини. Давай работать дальше.

– Я создам чары, которые помогут тебе выздороветь, – пообещала я. – Надо только вернуться.

Освобождающее заклинание по принципу Грюнвальда мы сделали вместе. Я вычерчивала золотые руны, которые, вспыхнув огоньками на кончиках пальцев, поднимались и растворялись в воздухе. Анна прокладывала усиливающие заклинания. Вскоре все было готово и оставалось только ждать Норберта.

– Ловко же он все придумал, – покачала головой я. – Конечно, то, что его тело нашли, немного спутало планы... но он решил, что потом до него доберется.

– Хоть бы не сбежал, гадина такая, – пробормотала Анна. – Может, уже упаковал вещи, да и был таков.

Ох, лучше об этом не думать.

– Нет еще, – сказала я и подняла руку, указывая вперед. – Смотри!

В воздухе перед нами проступали очертания зеркала. Норберт вернулся в комнату Анны и захотел убедиться, что со мной все в

порядке. Вскоре зеркало полностью соткалось из тумана, и мы увидели гостиную Анны и саму Анну.

Отражение дрогнуло, и вместо Анны перед нами возник Норберт.

– Дорогуша, я должен все объяснить, – он улыбнулся той улыбкой, от которой у меня, его невесты, когда-то подкашивались ноги. Как хорошо, что сейчас она не имела надо мной власти! – Тебе лучше побыть в зеркале какое-то время. Обещаю, скоро я тебя оттуда извлеку. Нам нужно поработать над одним очень важным делом.

– Забалтывает, – пробормотала Анна. – Знаем мы его важные дела.

Принцип Грюнвальда сработал через несколько мгновений, выбрасывая меня и Анну из зазеркалья. На этот раз я не лишилась чувств и запомнила все, что случилось, до малейших деталей.

Нас и наш сундук подхватила невидимая волна и протащила через невыразимый холод. По коже резанули морозные лезвия, и мы с Анной покатались по полу уже в нашем мире.

Тело Анны качнулось и мелко затряслось, принимая душу-хозяйку и исторгая Норберта. Замок содрогнулся от ревущего воя, и Норберта потянуло в зеркало.

Он сопротивлялся. Призрачные губы дергались – Норберт пытался творить заклинания, но для магии все-таки нужно тело. Волна, которая освободила нас, подхватила его и с неспешной величавостью потянула в зеркало.

Зеркальная гладь сделалась болотом. Норберт вяз в ней – кричать он уже не мог, лицо исказилось от невыразимой боли.

Потом послышался хлопок, и мой бывший будущий муж погрузился в зеркало. Оно отвердело, качнулось и рассыпалось фонтаном осколков.

Все кончено.

Я обмякла на полу, утопая в холоде. Анна стояла, слепо прикасаясь к лицу кончиками пальцев, не в силах поверить, что наконец-то свободна.

– Ты обещала меня вылечить, – прошептала она, и по ее щеке пробежала слеза. – Помнишь?

И все утонуло во мраке.

Я пришла в себя только на следующее утро.

Сначала было очень темно. Потом сквозь тьму проступило прикосновение: кто-то взял меня за руку. Пальцы были твердыми и сухими, под кожей тек огонь, и я поняла: это Мартин.

И тогда мне сделалось очень спокойно и легко.

Мы победили. Все наконец-то закончилось.

И я провалилась уже не в беспамятство, а в сон – а когда проснулась, то увидела, что лежу в нашей кровати, и Мартин обнимает меня. Стоило мне шевельнуться, как он встрепенулся и, увидев, что я уже не сплю, а смотрю на него, улыбнулся и спросил:

– Как ты?

Я улыбнулась в ответ.

– Готова вот так лежать с тобой весь день.

Мартин вздохнул. Обнял меня крепче; я слышала, как где-то далеко-далеко бьется его сердце, и это биение окутывало меня спокойствием.

Дальше у нас будет просто жизнь. Я напишу книгу. Сменю род занятий. У нас появятся дети. Все будет хорошо, просто и правильно.

– Ты мне должна все рассказать, – произнес Мартин. – Обязательно.

– Анна жива? – спросила я. Он кивнул.

– Да. Она сумела позвать на помощь. Джеррит, моя мать и госпожа Патриция сейчас с ней в медицинском крыле.

Меня пронзило жалостью. Но за ней пришла и надежда: если над Анной хлопочет госпожа Патриция и моя свекровь, значит, дела пойдут на лад.

– Норберт занял ее тело, когда по ней пришел удар. Джеррит уничтожил глубозеркального призрака, и отдача отправилась к Анне, – сказала я. – Потом он пригласил меня к себе и спрятал в зазеркалье. Там мы встретились с Анной и придумали, как избавиться от него навсегда. Его тело у службы королевской безопасности. А душа блуждает в зазеркалье и никогда оттуда не выберется, мы об этом позаботились.

– Как же я рад, что вы обе живы, – признался Мартин. – Мне никогда в жизни не было так страшно, Эмма. Правда.

Я улыбнулась.

– Ну теперь-то все в порядке. Мы живы и выздоровеем. У тебя теперь есть деньги на частную академию, если министерство будет

настаивать на своих глупостях. Все хорошо.

Мне все-таки удалось отменить страшное будущее. Теперь уже точно, навсегда. Теперь никто и никогда не разрушит наш мир.

А мы будем строить его так, чтобы в нем было как можно больше радости. Для нас, для наших детей, для академии.

Для всех, кто рядом.

– Анна собирается уехать сразу же, как только поправится, – сообщил Мартин, и меня снова кольнуло жалостью. – Я попробовал убедить ее остаться, но...

– Не стоило, – вздохнула я. – Работать в академии, видеть нас с тобой счастливыми... нет, это для нее слишком больно.

Мартин вздохнул.

– Я тоже так подумал. Организовал ей перевод на Южные рубежи, в женскую боевую академию. Вот она выздоровеет, и в путь.

Прекрасно. От его слов мне стало легче.

– Не забудь выделить ей долю сокровищ, – напомнила я. – Это ведь Анна нашла сундук.

Мартин даже рассмеялся.

– Я чуть с ума не сошел от удивления, когда вас увидел! Вы лежите на полу, а рядом с вами разбитый сундук и груды золота!

– Министерские сморчки могут утереться, – довольно сказала я, устраиваясь в его объятиях поудобнее. – Если будут давить на тебя, если пришлют другого ректора, мы просто возьмем и переедем. И вот увидишь, все студенты отправятся за тобой.

– Не хочу я никуда переезжать, – признался Мартин. – Мне здесь нравится. Просто тогда возьму и выкуплю Дандевар у короны. После всего, что ты сделала для его величества, он не сможет мне отказать.

Я довольно улыбнулась. Конечно. Пусть только попробует упираться и не соглашаться, я мигом напомню о страшном пласте реальности и тех, благодаря кому он так и остался несбывшимся. Герои ведь заслуживают благодарность, правда?

За окном зашелестел дождь, а меня стало клонить в сон. Что бы такое приготовить на завтрак? Восточный омлет с овощами и беконом, например. Будет здорово.

Я не собиралась залеживаться в кровати. Раз уж я хозяйка боевой академии, то и буду хозяйничать.

Я ведь способна приготовить все, что угодно. В любой ситуации.

Эпилог

– А где моя драгоценная внучечка? А где моя любимая девочка! А вот она, моя радость! Беги к бабушке!

Шейла рванула к бабуле так, что я в очередной раз задалась вопросом: как же дети способны так быстро бегать? Моя мама подхватила внучку на руки и принялась целовать ее пухлые щечки, приговаривая те бессмысленные нежности, которые всегда говорят любимому малышу.

...Спустя несколько месяцев после всех моих приключений, Фред прислал письмо и попросил разрешения приехать и поговорить. Родители и брат прибыли в Дандевар за неделю до нового года, мы начали разговор вежливо и холодно, но постепенно холод ушел.

Незачем злиться на людей, которые, в общем-то, всегда хотели мне добра так, как это понимали. К тому же, мы с Мартином уже знали о том, что скоро у меня будет ребенок, и несправедливо было бы лишать его дедушки и бабушки.

Незадолго до того, как Шейла родилась, Мартин утряс свои проблемы с министерством. Его оставили пожизненным ректором Дандевара с возможностью самому нанимать персонал – так и госпожа Патриция осталась на своей должности, и Джейн Грюнвальд заняла место уехавшей Анны. Что-то мне подсказывало, что свою роль сыграло очередное письмо Джеррита венценосному родственнику.

Джеррит, кстати, активно переписывался с Анной. Вайдфогель бесился, требуя отчетов об использовании магосвязи, а я однажды сказала ему:

– Ну не ругайтесь вы так. Вдруг у них любовь? Пусть не истинная пара, но все же.

Завхоз нахмурился и ответил:

– У них-то, может, и любовь. А спросят о перерасходе не с любви, а с меня. Вот пусть и фиксируют каждую букровку!

Букв было много. Весной, когда переписка велась уже не каждый день, а каждый час, Джеррит пришел к Мартину и сообщил, что в женской боевой академии освободилась вакансия проректора, и он готов выехать немедленно. Конечно, его никто не стал задерживать, а

осенью пришло письмо о том, что Джеррит Шульц и Анна Шрайбер вступили в законный брак.

Я искренне надеялась, что он окажется счастливым. Анна заслуживала счастья.

– Баба! – воскликнула Шейла и, схватив бабушку за руку, повела ее к замку уверенной походкой маленького человека. – Там котя! Много котей!

Вигвард, который теперь был главным по кухне, прочно занял место в сердце моей девочки. Шейла начинала день с того, что мы приходили на кухню, и она принималась обнимать домовых. Вигварду доставалось больше всех, и иногда он не знал, куда деваться от детской любви. Даже один раз поднял лапу, растопырил впечатляющие когти и сказал:

– Видала? Вон чего есть!

– Котя! – радостно воскликнула Шейла и обняла его так, что Вигвард икнул.

На кухне теперь не было повара. Я все-таки решила пойти в науку и остаться в ней и засела за диссертацию о зазеркалье. Анна не стала писать о своих приключениях – как мне показалось, она вообще хотела обо всем забыть. Диссертация отнимала уйму времени, а договоренности с министерскими советами о ее защите – еще больше, так что кухню пришлось оставить.

Но я не могла бросить все просто так. И потратила три недели на создание воспроизводящих чар. Множество рецептов, которые я знала, были загружены в облако заклинаний и распределены по дням недели. Когда приступало время готовки, заклинания проявлялись, и сковороды прыгали на плиты, ножи стучали по доскам, готовясь резать, крошить и шинковать, а продукты выбегали из кладовой, точно отмеренные.

Когда Мартин увидел, как коты, разинув рот, наблюдают за тем, как обед готовится сам по себе, то сказал:

– Когда-то в детстве я читал сказку о волшебнике. Он придумал такие чары, что вареники с вишней сами стряпались и сами прыгали ему в рот. А ты сделала сказку былью!

– Конечно, нужен контроль, – сказала я. – Но домовые с ним справятся. Главное, составить отчет.

– Это сложнее всего, – вздохнул Вигвард. – Тут никакие чары не сладят.

Кстати, чары, которые удерживали Норберта в зеркале, работали отлично. Иногда краем глаза я видела тень дракона на стекле, но понимала: он не выберется. Служба королевской безопасности решила, что тело Норберта следует уничтожить, и организовала процедуру, уладив все формальности.

Одним словом, жизнь в академии вошла в спокойное русло. Студенты учились, еда на кухне готовилась, я работала над диссертацией. Вечера мы с Мартином проводили вместе – говорили о каких-то славных пустяках, и потом не могли вспомнить, о чем проболтали весь вечер.

Но от этого было тепло на душе. Может, и вся наша жизнь один большой пустяк, пылинка на ладонях судьбы – но это не делает ее ненужной и неважной.

Когда родилась Шейла, Мартин немножко сошел с ума: я никогда не видела, чтобы мужчина так возился с ребенком и так за него переживал. Он носил девочку на руках, играл с ней, согревал драконьим пламенем, когда у нее начинались колики или резались зубки, и делал это с такой обжигающей искренностью и любовью, что у меня сжималось сердце. Глядя, как он бродит по саду туда-сюда с дочкой на руках, Джейн однажды заметила:

– Я, конечно, знаю своего сына, но никогда бы не подумала, что он такой. Мужчины-драконы редко возятся с малышами. Это не по-драконьи. Считается, что дракон должен быть далек от детской, это долг его жены. Отец видит детей утром, когда их приводят поздороваться, вот и все.

– Ну и пусть не по-драконьи. Зато по-человечески, – ответила я, и Джейн согласно кивнула. – И это правильно.

...– Папа!

Увидев отца, Шейла бросила бабушку и кинулась к нему. Мартин подхватил ее на руки, поцеловал в щеку и улыбнулся. Он всегда улыбался, когда видел нас.

– Как доехали, госпожа Аутенберг? – спросил он. – Как дорога? Мать только рукой махнула.

– Перебирались бы вы поближе, эти поезда из нас с мужем всю душу вытряхнули, – сказала она. – Благо деньги есть.

Деньги у нас и правда были: Мартин получал отличные проценты с правильно вложенного вклада. Вот только пускал их не на роскошь и золотую уборную, а на покупку для академии тех нужных вещей, которые никак нельзя было выбить из министерства. Мои родители считали, что это вздор.

– Здесь отличный климат, – улыбнулся Мартин. – Может, вы лучше переберетесь в Ротбург? Устрою все так, что вы будете жить королями!

Мать посмотрела на него, как на дурачка, не понимая, как можно променять столицу на захолустье. А я решила не ждать, когда все перерастет в очередной обмен колючими любезностями и похлопала в ладоши, вызывая нужные ингредиенты с кухни.

Тесто раскаталось в воздухе так тонко, что через него можно было читать газету. Мелкие кусочки яблока и изюм, сахар и грецкие орехи соединились и перемешались, укладываясь на тестовое полотно.

Еще одно заклинание, и мать восхищенно воскликнула:

– Боже мой! Это же штрудель!

Идеальный штрудель присыпался сахарной пудрой и лег на белоснежный фарфор блюда, серебряная вилка постучала по краю, и Мартин с нескрываемым восторгом признался:

– Обожаю смотреть, как ты это делаешь.

Когда у тебя есть хороший приветственный штрудель и бокал рислинга из подмороженного горного винограда, ты ни за что не захочешь выяснять отношения и забудешь о том, что тебе что-то не нравится. Я давно это поняла и уже не в первый раз выступала миротворцем.

Ведь я могу приготовить все, что угодно. В любом месте.